

МИР АСТЕРИОН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОГДА
ПРОСНЁТСЯ
ТЬМА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Amaury Shadow

Amaury Shadow

Когда проснётся тьма 1

«Автор»

2026

Shadow A.

Когда проснётся тьма 1 / A. Shadow — «Автор», 2026

Умереть в одном мире и проснуться в другом — уже сомнительный подарок судьбы. Особенно когда выясняется, что новое тело принадлежит девушке с весьма интересным прошлым, магия ведёт себя подозрительно, местные боги явно что-то недоговаривают, а впереди ждёт военная Академия Эрдан. Я собиралась сделать всё просто: освоиться, научиться колдовать и желательно не умереть второй раз. План был отличный. Потом появился Великий зверь, которого мне вообще-то не полагалось призывать. За ним — слишком самоуверенный Кассиан, слишком правильный Элиан и слишком много проблем, чтобы продолжать притворяться обычной первокурсницей. А где-то за Гранью тем временем просыпается то, что однажды уже едва не уничтожило Астерион. И, разумеется, каким-то образом это тоже моя проблема. Что ж. Если древняя Тьма решила вернуться именно сейчас, ей стоило выбрать другое поколение. Потому что я очень плохо умею спасать мир правильно. Зато уничтожать тех, кто мне мешает, — значительно лучше.

© Shadow A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	44
Глава 4	65
Глава 5	83
Глава 6	102
Глава 7	108
Глава 8	115
Глава 9	123
Глава 10	137
Глава 11	152
Глава 12	167
Глава 13	179
Глава 14	197
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Amaury Shadow

Когда проснётся тьма 1

Пролог

Легенда об Избранной Трёх

Среди древнейших преданий Астериона есть легенды, которые знают почти все, и те, о которых предпочитают не говорить на площадях. Их не рассказывают детям перед сном, не превращают в красивые песни и не повторяют во время праздников. Они хранятся в старых храмовых книгах, среди истёртых страниц и строк, чей первоначальный смысл давно стал предметом споров между жрецами.

Одна из таких легенд говорит о Великой Тьме — времени, когда изгнанное за Грань вновь найдёт путь в Астерион. Земля начнёт терять силу, магия станет угасать там, где прежде текла свободно, а древняя защита мира дрогнет. Тогда Стражи, исчезнувшие тысячи лет назад, снова ступят под небеса Астериона, а Трое обратят взор за пределы созданного ими мира — туда, куда не способен заглянуть ни один смертный.

В древнем пророчестве сказано:

Когда Тьма вновь коснётся Астериона

и древние Стражи вернутся в мир,

боги призовут душу, рождённую под его небом.

Она покинет родной мир,

пройдёт дорогами чужих миров

и однажды вернётся туда,

откуда начался её путь.

Трое узнают её.

Трое назовут её Избранной.

Трое вложат в неё свою волю и силу.

И той, что однажды ушла,

предстоит вернуться,

чтобы встать перед Великой Тьмой.

Ибо когда падёт последняя граница,

судьба Астериона окажется в руках

души, которая дважды нашла дорогу домой.

Тысячи лет жрецы пытались понять значение этих слов. Одни видели в них обещание возвращения умершего героя, которому боги однажды позволят родиться вновь. Другие были уверены, что пророчество говорит вовсе не о живом существе, а о самом Астерионе — мире, которому суждено погибнуть и возродиться. Находились и те, кто считал древние строки лишь

обломком давно утраченной легенды, смысл которой исчез вместе с теми, кто впервые её записал.

За века споров ответа так и не появилось. Никто не сумел узнать, кем окажется Избранная или когда древние Стражи вновь вернутся в мир. Хуже было другое: к тому времени уже никто не помнил, что именно создатели пророчества называли Великой Тьмой.

Впрочем, старым пророчествам редко требуется чужая вера. Тысячи лет они могут оставаться всего лишь словами на пожелтевших страницах, пока однажды мир не начинает меняться именно так, как было предсказано.

Глава 1

Иллирис

Я парила в бесконечном космосе и не знала ни кто я, ни где нахожусь, ни каким образом вообще могла здесь оказаться.

Вокруг не существовало ничего привычного, за что можно было бы зацепиться взглядом или сознанием. Только глубокая чернота, россыпь далёких звёзд и огромные туманные облака, медленно перетекавшие друг в друга синими, серебряными и густо-фиолетовыми оттенками. Наверное, при других обстоятельствах я назвала бы это самым прекрасным зрелищем из всех, что мне доводилось видеть, но сейчас красота не вызывала ничего.

Ни восторга. Ни страха. Даже мысли о том, что я нахожусь посреди открытого космоса без воздуха и скафандра, не заставляли паниковать.

Гораздо страннее было отсутствие собственного тела.

Я не слышала дыхания, не чувствовала биения сердца, веса рук или ног и вообще не могла определить, существовало ли у меня хоть что-нибудь, кроме сознания, способного видеть окружающее. Поначалу эта ненормальность воспринималась почти естественно. Я просто находилась среди звёзд, не задавая вопросов и не замечая течения времени, которое здесь будто перестало иметь какое-либо значение.

Так могла пройти одна секунда.

Или тысяча лет.

Разницы я бы не заметила.

Первое настоящее беспокойство появилось вместе с простым вопросом: если я способна думать, значит, должна быть кем-то.

Мысль оказалась неожиданно важной. Я попыталась вспомнить имя, лицо, место, хотя бы один звук из того, что существовало до этой бесконечной темноты, и обнаружила внутри пустоту. Не спокойную и безмятежную, как космос вокруг, а неправильную, словно из меня вырвали всё, что делало меня мной.

Страх пришёл именно тогда.

Вслед за ним появилась боль — не физическая, потому что тела я по-прежнему не ощущала, но совершенно настоящая. Она словно давила изнутри на невидимую преграду, за которой находилось что-то огромное, и чем отчаяннее я пыталась туда пробиться, тем сильнее становилось давление.

А потом из темноты всплыло имя.

Иллирис.

Я ухватилась за него с такой жадностью, будто это было единственное, что удерживало меня от окончательного растворения среди звёзд.

Иллирис.

Моё имя.

Стоило этому осознанию встать на место, как преграда внутри треснула, и память обрушилась сразу вся, без милосердной последовательности и возможности подготовиться.

Запах дешёвого моющего средства в приютском коридоре смешался с пороховой гарью; старые книги, которые я прятала под одеялом после отбоя, сменились холодным металлом пистолета в ладони. Перед глазами мелькнули школьные кабинеты, съёмные квартиры, шумные бары, гостиничные номера, чужая кровь, деньги и лица людей, большинство из которых давно перестало что-либо для меня значить.

А затем появилось одно.

Мужчина, которому я позволила приблизиться настолько, насколько прежде не позволяла никому.

Воспоминание о нём ещё не успело причинить настоящую боль, когда следом пришёл горный дом. Поздний вечер, извилистая дорога между деревьями, холодный свет фар, слишком тихий двор и короткий отблеск металла там, где его не должно было быть. Потом разлетевшееся стекло, первый выстрел, второй, резкая боль под рёбрами и деревянный пол, по которому быстро расползлась моя собственная кровь.

Я вспомнила всё.

В том числе последнее.

Я умерла.

После возвращения памяти этот факт почему-то оказался почти успокаивающим. По крайней мере, теперь у происходящего появилось хоть какое-то объяснение, пусть и весьма сомнительного качества. Открытый космос без тела всё ещё выглядел странным вариантом посмертия, но смерть хотя бы отвечала на вопрос, почему я больше не дышу.

Оставалось понять, что дальше.

К религии я при жизни относилась без особого энтузиазма. В детстве нам рассказывали ровно столько, чтобы воспитанники приюта не выросли совершенно культурно необразованными, но ни к какой вере я всерьёз не привязалась. Поэтому сейчас совершенно не представляла, чего ожидать.

Света в конце тоннеля не наблюдалось. Старца с книгой грехов тоже. Ни крылатых ангелов, ни чертей с вилами, ни даже гуманоидов с головами шакалов, если уж загробная жизнь решила проявить фантазию.

Валькирии с вечным пиром и дракой тоже почему-то задерживались.

Последнее было особенно обидно.

Хотя, если вспомнить мою профессиональную деятельность последних лет, встреча с существом, ведущим подробный учёт грехов, могла оказаться далеко не лучшим вариантом. Я предпочла бы кого-нибудь менее педантичного.

Мысль о грехах неожиданно потянула за собой детские воспоминания.

Самые ранние годы моей жизни нельзя было назвать кошмаром в том смысле, в каком любят изображать приюты в дешёвых историях. Меня не держали в подвале, не морили голодом и не били за каждую провинность. В здании было тепло, нас кормили, одевали, отправляли в школу. Среди воспитателей встречались добрые, равнодушные и просто смертельно уставшие от чужих детей и собственной жизни.

Но даже хороший приют оставался местом, где ребёнок слишком рано понимал разницу между семьёй и системой.

У остальных где-то существовал кто-то свой.

У тебя — график дежурств, список воспитателей и личное дело в шкафу заведующей.

Особенно ясно это становилось в дни, когда приезжали потенциальные приёмные родители. Младших детей причёсывали, одевали получше и просили вести себя вежливо. Взрослые проходили по комнатам, задавали вопросы, улыбались, а дети отвечали чуть старательнее обычного, потому что каждый надеялся: сегодня выберут именно его.

Мне было девять, когда одна семейная пара действительно мной заинтересовалась.

Женщина приехала в светлом пальто и пахла дорогими духами, аромат которых я потом ещё много лет узнавала в магазинах. Её муж почти не выпускал из рук телефон и участвовал в разговоре ровно настолько, чтобы иногда кивать.

Мы сидели в небольшой комнате для встреч. На подоконнике стояли пластмассовые цветы, а на стене висел детский рисунок семьи: мама, папа и два одинаково улыбающихся ребёнка под огромным жёлтым солнцем.

Женщина расспрашивала меня об учёбе, несколько раз повторила, какая я красивая девочка, и явно ждала правильных ответов. Я тоже знала, что должна улыбаться и благодарить,

поэтому старалась, хотя естественно изображать восторг в девять лет у меня получалось ещё хуже, чем впоследствии.

— Нам сказали, ты очень хорошо учишься, — произнесла она, чуть наклонив голову. — Особенно любишь читать.

— Люблю.

— Это замечательно. У нас дома большая библиотека, тебе бы понравилось. И комната была бы своя, мы как раз недавно освободили гостевую.

Слова про собственную комнату подействовали слишком хорошо.

Я никогда не жила одна. Всегда рядом стояла чужая кровать, кто-то шуршал ночью одеялом, сопел, плакал или шептался. Я мгновенно представила дверь, которую можно закрыть, полки только с моими книгами и чашку, которую никто не возьмёт без спроса.

Женщина заметила мой интерес и улыбнулась увереннее.

— А ещё у нас два мальчика. Пять и семь лет. Думаю, тебе понравится быть старшей сестрой. Они очень активные, но хорошие дети. Мне иногда тяжело одной с ними справляться, так что старшая девочка в доме стала бы настоящим счастьем.

Я перевела взгляд на её мужа. Тот по-прежнему листал что-то в телефоне.

— А зачем вам тогда дочь?

Улыбка женщины застыла.

— Потому что мы давно хотели ещё одного ребёнка.

— Но вы сказали, что вам тяжело справляться с мальчиками и старшая девочка была бы счастьем. Если нужна помощь, можно нанять няню.

Муж наконец оторвался от телефона. В его глазах на мгновение мелькнуло веселье, зато жена уже явно перестала считать меня очаровательной.

— Иллирис, — тихо предупредила воспитательница у стены.

Я прекрасно услышала предупреждение. Просто вопрос всё ещё казался мне вполне разумным.

— Мы не ищем няню, — холоднее произнесла женщина. — Мы хотим дать ребёнку семью.

— Тогда почему вам обязательно нужна девочка моего возраста?

На этот раз тишина продлилась дольше.

— Думаю, нам стоит ещё всё обсудить, — наконец сказала она воспитательнице.

Через десять минут они уехали, а позже меня вызвали к заведующей. Там я впервые услышала фразу, которую потом повторяли ещё множество раз: не всё, что думаешь, нужно говорить вслух.

Я сидела на слишком высоком стуле, качала ногой и слушала объяснения о том, что сама лишаю себя шанса обрести семью. Разрешиться хотелось отчаянно, но плакать перед взрослыми я ненавидела уже тогда, поэтому вместо этого спросила, зачем мне семья, в которой нельзя задавать вопросы.

Заведующая устало сняла очки и сказала, что однажды я всё пойму.

Так и не получилось.

С возрастом встречи происходили всё реже. Старшие дети и без того пользовались меньшим спросом, а я вдобавок приобрела репутацию сложной: слишком много спрашивала, слишком быстро замечала несостыковки и плохо умела изображать благодарность за то, что мне не нравилось.

К четырнадцати я перестала ждать машину, которая когда-нибудь приедет именно за мной, и неожиданно обнаружила, что жить без этого ожидания намного проще. Можно было спокойно сидеть у окна с книгой и не вскидывать голову каждый раз, когда за воротами звучал двигатель.

Книги вообще стали самым постоянным, что у меня было. Я читала всё подряд — историю, медицину, психологию, художественную литературу, могла проглотить толстый роман за пару дней и потом почти дословно воспроизвести понравившиеся страницы. Учёба давалась легко, а мир долго казался задачей, которую можно решить привычным способом: собрать достаточно информации, сопоставить факты и выбрать правильное действие.

В восемнадцать я ещё верила, что этого достаточно для нормальной жизни.

За воротами приюта довольно быстро выяснилось, что реальность не обязана уважать чужую логику.

Я получила документы, небольшую сумму, место во временном жилье и набор разумных советов о том, как правильно распоряжаться деньгами. Деньги закончились значительно раньше советов. Я работала, пыталась учиться и почти не спала, потому что сутки упорно не желали растягиваться под мои планы.

Несколько месяцев я держалась вполне прилично. Потом пришлось выбирать между нормальной едой и очередным счётом, а вскоре знакомая предложила за один вечер больше, чем я зарабатывала за неделю.

Нужно было всего лишь передать конверт и не задавать вопросов.

Последнее условие меня сразу насторожило.

Мы сидели в круглосуточной забегаловке возле станции. Перед знакомой остывал кофе, а у меня в кармане оставалось ровно столько денег, чтобы протянуть до конца недели.

— Что там? — спросила я.

Она посмотрела на меня с искренним разочарованием.

— Вот именно поэтому тебе не стоит этим заниматься. Нормальные люди берут конверт, относят по адресу и получают деньги.

— Мне нравится понимать, за что именно я рискую.

— Ты пока ничем не рискуешь.

— Когда это говорят перед незаконной работой, обычно как раз рискуешь.

Она рассмеялась, убрала конверт обратно в сумку и поднялась, явно собираясь найти кого-нибудь менее любознательного.

Я остановила её.

— Сколько?

Названная сумма решила спор между принципами и пустым холодильником значительно быстрее, чем мне хотелось бы вспоминать.

Я взяла конверт.

Никакой великой драмы в первом шаге не было. Никто не приставлял нож к горлу и не требовал спасти голодающего ребёнка. Мне просто нужны были деньги, а законный способ добывал их слишком медленно.

Дальше границы сдвигались постепенно. Я передавала вещи, следила за машинами, запоминала лица и однажды изображала спутницу богатого клиента, чтобы попасть на закрытую вечеринку и выяснить, с кем встречается определённый чиновник. Хорошая память и привычка замечать детали оказались неожиданно прибыльными.

Криминальная сторона жизни была отвратительной, но по крайней мере честнее многих приличных фасадов. Здесь никто особенно не притворялся, что хорошие обязательно победят, а плохие получают наказание. Существовали интересы, деньги, страх, влияние и сила, и чем раньше ты понимал правила, тем выше был шанс не стать расходным материалом.

Я быстро обнаружила ещё одну неприятную истину: одинокой молодой женщине среди мужчин, привыкших принимать чужую слабость за приглашение, требовалось либо найти покровителя, либо перестать выглядеть лёгкой добычей.

Покровителей я не любила.

Поэтому выбрала второй вариант.

Первые драки даже удавалось выигрывать за счёт скорости, злости и полного отсутствия предубеждений относительно того, куда прилично бить мужчину. Потом я столкнулась с тремя противниками, которых ни скорость, ни отсутствие приличий не впечатлили.

От серьёзных последствий спасла охрана клуба.

На следующий день я долго рассматривала распухшую губу и огромный синяк вдоль рёбер, после чего признала очевидное: желание сломать кому-то нос и способность действительно это сделать — совершенно разные навыки.

Старика, который занялся моим обучением, я встретила через несколько месяцев, пытаясь украсть у него бумажник.

Бар почти опустел, вечер клонился к ночи, а я изображала официантку в форме, одоженной знакомой. Он сидел один за дальним столиком, пил виски и выглядел идеальной целью: хорошо одетый пожилой мужчина, часы явно стоили дороже всего моего имущества, движения расслабленные, внимание будто полностью сосредоточено на стакане.

Я подошла с подносом, поставила рядом воду, чуть задела край стола и с извиняющейся улыбкой наклонилась ближе. Пальцы уже нашли внутренний карман его пиджака, когда он перехватил моё запястье.

Движения я даже не заметила.

Его рука только что лежала рядом со стаканом, а теперь пальцы спокойно удерживали меня настолько крепко, что дёргаться было бессмысленно.

Я всё равно попробовала.

Старик лишь приподнял бровь.

— Если собираешься воровать, сначала научись не смотреть на карман за три секунды до того, как полезешь в него.

— Отпустите.

— А ты снова попробуешь?

— Разумеется.

На его губах появилась короткая усмешка.

— По крайней мере, честная.

Свободной рукой я попыталась ударить его в горло. Он поймал и её, после чего мы окончательно превратились в нелепую композицию: я, согнувшаяся над столом в коротком фартуке, и пожилой мужчина, державший обе мои руки с выражением лица человека, решающего, куда переставить лишнюю тарелку.

— Ещё одна ошибка, — заметил он. — Ты заранее напрягла плечо.

— Спасибо за бесплатную консультацию. Теперь можно я пойду?

— Куда?

— Искать человека, который хуже следит за карманами.

Он впервые посмотрел на меня по-настоящему внимательно. Не так, как обычно смотрели мужчины в подобных местах. Взгляд прошёлся по рукам, стойке, расстоянию до выхода, и я почти физически почувствовала, как он что-то просчитывает.

— Сколько тебе лет?

— А вам какая разница?

— Значит, меньше двадцати.

— Значит, возраст ещё не окончательно испортил вам зрение.

Он рассмеялся неожиданно громко и искренне, затем отпустил меня и кивнул на стул напротив.

— Садись.

— Зачем?

— Хочу понять, ты от природы такая наглая или это результат упорной работы.

Все разумные инстинкты советовали уйти.

Я села.

Позже выяснилось, что большую часть взрослой жизни он работал на один из крупных картелей и занимался вещами, о которых приличные люди предпочитали читать только в криминальной хронике. К моменту нашей встречи он давно вышел из дела, имел достаточно денег, чтобы никогда больше не работать, и, судя по всему, смертельно скучал.

Почему именно я показалась ему достойным способом развлечься, старик так толком и не объяснил.

В тот вечер он задавал вопросы, я врала примерно в половине ответов, а он безошибочно отмечал каждую ложь. В конце встречи положил на стол деньги за виски, поднялся и назвал адрес небольшого зала на окраине.

— Завтра в шесть.

— Что там будет?

— Я покажу тебе, насколько плохо ты дерёшься.

— А если не приду?

— Тогда через пару месяцев кто-нибудь менее терпеливый объяснит то же самое. Возможно, после этого советом воспользоваться уже не получится.

Назавтра в шесть я стояла у двери его зала.

Первую неделю он почти не позволял мне касаться оружия. Заставлял падать, вставать, держать стойку, двигаться, снова падать и снова вставать, пока тело не начинало дрожать от усталости. Я уходила домой, ненавидя его примерно до утра, а потом возвращалась.

Оправдания старика не интересовали. Если я ошибалась, он показывал ошибку. Если повторяла её — бил туда, где оставила открытое место. Не в полную силу, иначе наше знакомство закончилось бы довольно быстро, но достаточно, чтобы тело запоминало быстрее упрямой головы.

Однажды после очередной ошибки я снова оказалась на полу.

— Ты слишком много думаешь, — сообщил он.

Я перевернулась на спину, пытаясь восстановить дыхание.

— Никогда не слышала, чтобы наличие интеллекта считалось недостатком.

— Интеллект — нет. А привычка просчитывать пять вариантов, пока противник уже выбрал шестой, — вполне.

— Необычайно вдохновляющая педагогика.

— Вставай.

— Я только что упала.

— Вот и потренируешь самое полезное движение в своей будущей жизни.

Я послала его туда, куда приличному пожилому мужчине ходить не полагалось, и поднялась.

Он не сделал из меня убийцу. Эту границу я перешла сама, и перекладывать ответственность на наставника было бы слишком удобно. Но он научил меня выживать после того, как выбор оказался сделан.

Рукопашный бой, ножи, огнестрельное оружие, дистанция, наблюдение, привычка всегда видеть выходы и первым делом определять, кто в помещении действительно опасен, а кто лишь громко изображает угрозу. Его никогда не интересовали эффектные трюки. Только то, что продолжало работать, когда права на вторую попытку уже не оставалось.

Первого человека я убила почти через два года после нашей встречи.

Мужчина, которого мне поручили сопровождать, решил не платить посреднику и заодно избавиться от свидетеля. Свидетелем оказалась я.

Драка получилась короткой и грязной. В конце он лежал на кухонном полу с моим ножом под рёбрами, а я сидела рядом, прижимая ладонь к рассечённой брови, и смотрела, как из его глаз постепенно уходит жизнь.

Старик приехал минут через двадцать.

Он осмотрел тело, затем меня и протянул чистое полотенце.

— Тошнит?

— Пока нет.

— Будет.

Меня вывернуло в раковину спустя несколько минут.

Потом я долго сидела на полу, упершись затылком в кухонный шкаф. Старик не говорил, что всё нормально, потому что ничего нормального в мёртвом мужчине посреди кухни не было. Не рассказывал, что тот сам виноват и я всего лишь защищалась, хотя это оставалось правдой.

Он поставил рядом стакан воды и ждал.

— Я думала, будет страшнее, — наконец сказала я.

— Было?

Я посмотрела на тело.

— Да. Просто не так.

— И тебя пугает именно это.

Я молча кивнула.

Старик некоторое время изучал меня, затем сел напротив и вытянул ноги.

— Запомни это чувство. Если однажды оно исчезнет совсем — бросай работу.

— Какую работу? Я вообще-то случайно убила человека.

— Конечно. И больше никогда не окажешься в похожей ситуации.

Я подняла на него взгляд.

Он едва заметно усмехнулся.

— Именно.

К двадцати пяти убийства давно перестали быть случайностью и превратились в профессию, в которой я успела заработать весьма неприятную репутацию.

Я не брала любой заказ, который хорошо оплачивался. Деньги любила, но не настолько, чтобы ради них устранять мужа в бракоразводном процессе или предпринимателя, чьей единственной виной было желание заработать больше конкурента. Я проверяла цели и отказывалась, если причина казалась недостаточной.

Никакого морального оправдания это не создавало.

Я убивала людей за деньги и прекрасно понимала, как это называется. Просто предпочитала выбирать тех, чьё исчезновение не заставит мир скорбеть особенно долго.

Работа принесла то, чего мне отчаянно не хватало в юности: деньги, независимость и возможность никогда больше не выбирать между ужином и счётом. Сначала появилась хорошая квартира, потом дом в горах, куда почти никто не приезжал. Одежда, машины, возможность войти в магазин и не считать цену каждой вещи.

Часть денег я регулярно переводила в тот самый приют.

Анонимно, разумеется.

Табличка с именем бывшей воспитанницы, добившейся успеха в профессии наёмного убийцы, могла испортить весь благотворительный посыл.

Казалось, жизнь наконец достигла состояния, которое меня устраивало. Я хорошо зарабатывала, умела защищать себя и искренне считала, что потребность в близких отношениях давно атрофировалась за ненужностью.

Потом появился он.

Теперь, зная финал, я могла сколько угодно искать в воспоминаниях признаки обмана. Слишком правильный вопрос. Неестественную паузу. Слишком удачное совпадение. Что-нибудь, что позволило бы задним числом заявить: вот здесь я должна была понять.

Память упрямо возвращала совершенно другое.

Как он оставлял кофе на тумбочке, зная, что я ненавижу разговаривать сразу после пробуждения. Как однажды приехал среди ночи после единственного сообщения: «Плохой день». Как никогда не расспрашивал о работе, если я не хотела говорить, и не изображал мужчину, которому требуется немедленно спасти меня от моей собственной жизни.

Однажды зимой мы были в горном доме. За огромными окнами валил снег, дорога почти исчезла под белым покровом, и мне нравилось ощущение, будто весь остальной мир временно перестал существовать.

Он готовил ужин.

Сам этот факт уже можно было считать проявлением героизма, потому что кулинарные способности моего возлюбленного ограничивались уверенным пониманием разницы между плитой и холодильником.

Я сидела на столешнице с бокалом вина и наблюдала, как он подозрительно смотрит на сковороду.

— Оно должно так дымиться?

— Если цель — вызвать пожарных, ты прекрасно справляешься.

— Очень смешно.

— Я пока не шутила.

Он выключил плиту, посмотрел на результат своих стараний и тяжело вздохнул.

— Мы можем заказать еду.

— В метель. В горы.

— Я оставлю хорошие чаевые.

— Водителю, сумевшему сюда подняться, придётся оставить машину в наследство.

Он подошёл, встал между моих коленей и забрал бокал.

— Ты могла бы просто сказать, что ценишь мои старания.

— Я очень их ценю. Особенно тот факт, что дом пока стоит.

Он усмехнулся и поцеловал меня — спокойно, неторопливо, привычно.

Я положила ладони ему на плечи и неожиданно поймала себя на мысли, которая прежде почти не появлялась.

Мне хорошо.

Не ярко, не опасно, не так, как после сложного заказа, когда кровь ещё гудит от адреналина. Просто хорошо находиться в одном доме с другим человеком и хотя бы на несколько часов не ждать подвоха.

Он отстранился совсем немного.

— Куда ты сейчас ушла?

Я обычно врала на такие вопросы.

В тот раз почему-то решила ответить.

— Думаю, что ты слишком удобно устроился в моей жизни.

Его пальцы чуть сильнее сжались на моей талии.

— Это жалоба?

— Скорее уведомление о повышенном риске.

— Мне начинать бояться?

— Уже пора.

Он улыбнулся.

— Поздно.

Тогда эти слова мне понравились.

Позже оказалось, что некоторые фразы становятся гораздо интереснее, когда знаешь продолжение.

Правду я узнала случайно.

Ирония состояла в том, что человека, способного заметить смену наружного наблюдения через два квартала, подвело самое банальное доверие. Заказ отменили в последний момент, и я вернулась домой раньше, не предупредив его, потому что решила устроить сюрприз.

Сюрприз в итоге достался мне.

Его машина стояла у дома, но внутри было тихо. Я уже собиралась войти в гостиную, когда из кабинета донёсся женский голос.

Знакомый.

Несколько секунд понадобилось, чтобы вспомнить лицо, и неприятное ощущение появилось раньше, чем я успела придумать объяснение.

Дочь одного из капо итальянского картеля. Молодая, красивая, избалованная и далеко не глупая. Я видела её дважды на мероприятиях, куда попадала по работе.

Дверь кабинета была прикрыта не до конца.

— Сколько ещё? — спросила она раздражённо. — Отец уже начинает думать, что ты забыл, зачем вообще подошёл к ней.

— Я ничего не забыл.

— Ты обещал несколько месяцев.

— Мне нужны были её маршруты, запасные документы, убежища и контакты. Если бы первая попытка сорвалась, она исчезла бы раньше, чем вы поняли, что произошло.

Я остановилась в коридоре.

— Но теперь всё есть?

Пауза оказалась едва заметной.

— Достаточно.

До этого момента разум ещё мог предлагать объяснения, хотя я уже знала, что ни одно из них не будет правдой.

— Она убила брата моего отца, — продолжила девушка. — Нам не нужны её привычки до конца жизни. Нам нужна она мёртвой.

Тот заказ я помнила.

Мужчина торговал оружием, людьми и слишком долго считал фамилию достаточной защитой от последствий. За него хорошо заплатили. Я проверила информацию и не нашла ни одной причины отказываться.

— Именно поэтому я и не стал действовать один, — спокойно ответил мужчина, которого я любила. — Если бы она пережила попытку, вы потеряли бы её навсегда. Теперь мы знаем, куда она уходит, когда чувствует угрозу, и где предпочитает пережидать проблемы.

Мне не потребовалось объяснять себе, какое место он имеет в виду.

Горный дом.

— Или ты настолько вошёл в роль, что теперь жалеешь её? — насмешливо спросила девушка.

— Не говори глупостей.

Всего три слова причинили больше боли, чем любая пуля, которую я когда-либо получала.

— Тогда где проблема?

— Проблемы нет. Она мне доверяет.

Я стояла за стеной и смотрела на собственную ладонь. Пальцы не дрожали, дыхание оставалось ровным, тело автоматически выполняло всё, чему его учили годами: опасность рядом, не выдавай себя, слушай, оценивай, не двигайся раньше времени.

Внутри тем временем очень тихо разрушалось что-то, существование чего я до этого момента предпочитала не признавать.

— Полностью? — спросила девушка.

Он усмехнулся.

Я знала этот звук.

Слышала утром, когда пыталась отобрать у него одеяло.

— Настолько, насколько она вообще умеет доверять.

Вот тогда мне впервые захотелось вырвать из собственной памяти всё, что я когда-либо рассказывала ему по-настоящему.

Про приют. Про страх однажды проснуться и снова обнаружить, что рядом никого нет. Про старика. Про то, что горный дом оставался единственным местом, куда я почти никого не приводила, потому что считала его полностью своим.

— Значит, она туда поедет?

Пауза.

— Если решит, что ей нужно исчезнуть на несколько дней, — да.

Этого оказалось достаточно.

Я не вошла в кабинет, не потребовала объяснений и даже не попыталась его убить.

Последнее удивило сильнее всего.

В любой другой ситуации человек, сознательно подобравшийся ко мне ради будущей ликвидации, вряд ли закончил бы разговор. Но тогда я просто ушла.

Возможно, потому что какая-то часть меня всё ещё любила его даже после услышанного. Возможно, потому что я слишком хорошо понимала: если сейчас увижу его лицо, то могу задать вопрос, ответ на который уже знаю, а потом унижительно надеяться услышать достаточно красивую ложь.

Через час я была у себя.

Собрала документы, оружие и несколько вещей. Телефон лежал на столе, пока на экране появлялись сообщения.

Сначала обычное:

«Ты где?»

Потом ещё одно.

Затем звонок.

Я долго смотрела на знакомое имя и впервые за много лет совершенно не представляла, как поступить.

В конце концов ответила.

— Привет, — сказал он тем же голосом, которым разговаривал со мной каждое утро. — Ты ещё занята?

Именно эта обыденность ударила сильнее всего.

— Уже нет.

— Вернёшься сегодня?

Я закрыла глаза.

Перед внутренним взглядом почему-то возник тот зимний вечер, сгоревший ужин и его спокойное «поздно».

— Нет. Поеду в горы на несколько дней.

На другом конце возникла короткая пауза.

Настолько короткая, что раньше я бы её не заметила.

Теперь заметила.

— Всё в порядке?

Я посмотрела на раскрытый чемодан.

— Просто хочу побыть одна.

— Илирис...

— Что?

Он снова замолчал, будто собирался сказать что-то другое.

— Ничего. Позвони, когда доедешь.

— Обязательно.

После отключения я некоторое время стояла в полной тишине, а потом неожиданно рас-
смеялась.

Тихо и почти беззвучно.

Ситуация оказалась настолько отвратительно банальной, что даже боль на несколько секунд уступила место абсурду. Профессиональная убийца, годами ожидавшая ножа в спину, в итоге попала на мужчину, который достаточно долго говорил правильные слова и изображал любовь.

Даже схема не отличалась оригинальностью.

Я ещё не знала, что разговор был последней частью его работы.

До горного дома было несколько часов езды. Я не торопилась, остановилась за кофе и какое-то время всерьёз рассматривала вариант свернуть в другом направлении.

Наверное, это спасло бы мне жизнь.

Но дом был единственным местом, где я привыкла приходить в себя. Там почти не осталось его вещей, и мне хотелось хотя бы несколько дней провести там, где всё принадлежало только мне.

К тому же самоуверенности у меня хватало.

Адрес знали считанные люди.

Один из них только что продал его тем, кто хотел моей смерти.

Первый признак засады я заметила уже на подъезде.

В лесу справа от дороги мелькнул слабый отблеск металла. Почти ничего. Большинство водителей даже не обратило бы внимания, но я слишком долго училась замечать то, что не вписывается в окружающую картину.

Нога сама ушла с педали газа.

Дом находился всего в нескольких сотнях метров. Я остановила машину у поворота, погасила фары и несколько секунд сидела в темноте, вслушиваясь в лес.

Слишком тихо.

Ни случайного света. Ни звука двигателя. Ни движения там, где оно должно было быть.

Я уже потянулась к оружию, когда справа вспыхнул первый выстрел.

Стекло пассажирской двери взорвалось внутрь. Я пригнулась, второй выстрел ударил в капот, машину повело, и пришлось резко выворачивать руль, одновременно пытаясь уйти с линии огня.

Автомобиль съехал на обочину и ещё не успел окончательно остановиться, когда я вывалилась наружу с пистолетом в руке.

Противников было много.

Не трое и не пятеро.

По коротким вспышкам между деревьями, голосам и перемещениям я насчитала не меньше дюжины, возможно, ближе к пятнадцати. Точно определить число под огнём было сложно, но одного я поняла сразу: они пришли с запасом.

Не проверить слухи о моей опасности.

Гарантированно закончить работу.

Первого я сняла возле машины, когда он слишком рано вышел из укрытия. Второй попытался сократить расстояние и получил пулю в шею. Остаться у автомобиля было нельзя: металл уже звенел от попаданий, поэтому я ушла к каменной подпорной стене и начала отступать в сторону дома, меняя позиции всякий раз, когда противники пытались зажать меня перекрёстным огнём.

Пули выбивали щепу из перил и каменную крошку из стены. Одна прошла так близко от лица, что я почувствовала движение воздуха.

Страх в такие моменты становился удивительно простым.

Не было ни размышлений о смысле жизни, ни красивой трагедии.
Только расстояние.

Патроны.

Укрытия.

Противник, которого нужно заметить раньше, чем он заметит тебя.

До дома я добралась, уже понимая, что туда меня слишком явно подталкивают.

И всё же другой позиции не оставалось.

Ошибка обнаружилась сразу.

Внутри меня ждали.

Дверь распахнулась, и выстрел ударил почти в упор. Боль вспыхнула под рёбрами настолько резко, что звук на мгновение исчез, но тело сработало раньше сознания. Я выстрелила в ответ и увидела, как мужчина в дверях рухнул назад.

Второй появился справа.

Я ушла с линии огня, одновременно смещаясь за каменную стену, но нога неожиданно подломилась.

Крови было слишком много.

Это я поняла не по пятну на одежде, а по тому, как быстро начал приходить холод. Пальцы слушались хуже, дыхание становилось поверхностным, движения приходилось контролировать сознательно.

Старик десятки раз разбирал с нами подобные ранения и всегда требовал одного: не врать себе о состоянии только потому, что вывод не нравится.

Мой вывод сейчас был предельно ясным.

Я отсюда не выйду.

Осознание почему-то не вызвало паники.

Наоборот.

Когда исчезла необходимость искать невозможный путь к спасению, всё стало проще. Оставалось только решить, сколько из них успеют пожалеть о том, что приехали.

Я отступила глубже в дом, сменила магазин и заняла позицию у лестницы, где каменная перегородка давала хоть какое-то преимущество.

Двое вошли почти одновременно.

Первого я уложила сразу. Второй успел выстрелить, и новая боль разорвала плечо. Пистолет дёрнулся в ослабевшей руке, едва не выпал, но я перехватила его и заставила себя продолжить двигаться.

Снаружи кто-то крикнул:

— Хватит лезть по одному! Она уже ранена!

Я невольно усмехнулась.

По крайней мере, совсем идиотов среди них не оказалось.

Патроны закончились быстрее, чем противники.

Когда затвор сухо щёлкнул, я отбросила бесполезный пистолет и вытащила нож.

Старик, увидев это, назвал бы меня безнадёжной дурой. Он всегда говорил, что если ты оказался с ножом против толпы вооружённых людей, основные ошибки были совершены задолго до того, как нож понадобился.

Справедливо.

Но исправлять уже было поздно.

Первого мужчину, решившего подобраться достаточно близко, я всё-таки забрала с собой.

Он ожидал слабости из-за крови и ошибся ровно на одно движение.

Этого хватило.

Потом кто-то выстрелил сзади.

Ноги перестали держать.

Я упала сначала на колени, затем завалилась на бок, чувствуя уже не столько боль, сколько тяжёлый холод, медленно вытеснявший всё остальное.

Пол оказался совсем рядом.

Почему-то именно тогда я отчётливо заметила маленькую царапину на одной из деревянных досок. Собиралась убрать её ещё прошлым летом и постоянно откладывала.

Из всех возможных последних наблюдений мозг выбрал именно это.

Шаги приблизились.

Перед глазами появился мужчина в тёмной одежде. Он что-то говорил, но слова доходили обрывками. Возможно, пытался понять, где лежат деньги или документы. Возможно, просто хотел убедиться, что работа закончена.

Мне было всё равно.

Я думала не о тех, кто стрелял.

И даже не о собственной смерти. В моей профессии подобный вариант пенсии никогда не считался неожиданным.

Я думала о человеке, который рассказал им, где меня искать.

Предательство оказалось более пуль.

Двадцать семь лет я училась жить без семьи, не просить помощи, не верить обещаниям и рассчитывать только на себя. Потом впервые позволила себе подумать, что, возможно, эти правила больше не нужны.

Ошиблась.

И в последние минуты жизни меня мучила не сама ошибка.

А то, насколько мало я на самом деле хотела.

Не вечной преданности. Не обещаний до смерти. Не красивой сказки.

Просто однажды поверить, что меня действительно любят, и позволить себе любить в ответ без привычного ожидания расплаты.

Темнота пришла раньше, чем я успела додумать эту мысль до конца.

Теперь, снова оказавшись среди звёзд, я с каким-то отстранённым удивлением поняла: смерть от боли не избавила. Она лишь убрала всё, чем при жизни можно было от неё отвлечься.

Хотелось бы сказать, что осознание собственной смерти принесло величественное просветление. Что я простила врагов, поняла истинную ценность бытия и достигла какого-нибудь высшего покоя.

Ничего подобного.

Первым по-настоящему ясным желанием после возвращения памяти стало желание каким-нибудь способом вернуться на Землю минут на пять и оторвать бывшему возлюбленному яйца.

Желательно медленно.

К сожалению, мёртвое состояние заметно ограничивало возможности мести.

Вот это уже действительно раздражало.

Я ещё некоторое время рассматривала бесконечность, пытаясь понять, стоит ли ждать продолжения.

Раз сознание сохранилось, логично было предположить, что кто-нибудь рано или поздно объяснит правила. Возможно, выдаст направление движения, предложит заполнить форму или хотя бы сообщит, в какую разновидность загробного мира меня занесло.

Вселенная продолжала молчать.

— Ну и? — попыталась произнести я.

Собственного голоса по-прежнему не услышала, но мысль словно ушла куда-то наружу.

Почти сразу пространство впереди изменилось.

Никакой вспышки, грома или впечатляющего разлома реальности не произошло. Просто секунду назад там ничего не было, а в следующую уже находились три фигуры.

Если, конечно, посреди космоса вообще можно было где-то находиться.

Я невольно сосредоточилась на незнакомцах.

Лиц не было видно: глубокие капюшоны полностью скрывали черты, а длинные одежды почти растворялись на фоне окружающей темноты.

Фигура слева была облачена в чёрное. Ткань казалась настолько глубокой по цвету, что будто поглощала свет ближайших звёзд.

Справа находилась фигура в белом, и вокруг неё, наоборот, задерживалось мягкое, почти тёплое сияние.

Третий стоял между ними.

Заметно выше, шире в плечах и в алом.

Никто из троих не двигался.

Я тоже не спешила проявлять инициативу.

После событий последней недели удивить меня было не просто, однако три молчаливые фигуры в разноцветных балахонах посреди космоса уверенно претендовали на место в первой пятёрке.

Я мысленно выдохнула и собрала остатки самообладания.

Похоже, наконец появились те, кто мог объяснить, какого хрена со мной происходит.

Глава 2

Иллирис

Три фигуры продолжали молча стоять напротив меня, и чем дольше тянулась эта странная пауза, тем сильнее крепло ощущение, что кто-то всё-таки должен начать разговор. Поздороваться, представиться, уточнить обстоятельства моей смерти или хотя бы сообщить, принято ли в местном загробном мире сначала несколько минут молча разглядывать новоприбывших.

В прошлой жизни я неплохо умела выдерживать паузы. Иногда молчание давало о себе больше информации, чем час разговора, но привычные приёмы здесь не работали. Я не видела лиц, не могла оценить дыхание, положение рук или движение глаз, а расстояние между нами казалось условностью: три фигуры словно находились всего в нескольких шагах и одновременно настолько далеко, что между нами могла бы поместиться целая звёздная система.

Особенно неприятной была исходящая от них сила. Почувствовала я её не сразу, потому что понятия не имела, как вообще можно ощущать подобное без тела, но теперь ошибиться было невозможно. Никто из троих не давил на меня намеренно и не пытался напугать. Просто каким-то новым чувством я понимала разницу между нами так же ясно, как человек на берегу во время шторма понимает разницу между собой и океаном. Волна может казаться красивой, пока не решит накрыть тебя с головой, и тогда спорить с ней будет уже поздно.

Это немного охладило желание начать знакомство с вопроса, какого хрена происходит. Совсем немного.

— Полагаю, вы знаете, кто я, — всё-таки произнесла я мысленно, уже почти привыкнув к тому, что здесь слова не требовали голоса. — Было бы неловко выяснить, что вы просто ошиблись адресом.

Фигура в чёрном едва заметно повернула голову к белой. Движение оказалось настолько обычным, почти человеческим, что внутреннее напряжение немного ослабло.

— Мы не ошиблись, Иллирис.

Женский голос возник прямо в сознании — низкий, спокойный и холодный. По тому месту, где раньше должна была находиться кожа, словно прошёл мороз, и впервые после возвращения памяти я окончательно поняла: моё имя здесь действительно знают.

— Уже неплохо. Тогда следующий очевидный вопрос: кто вы?

Фигура в алом пошевелилась, и даже без лица я каким-то образом поняла, что мужчина усмехнулся.

— Прямо к делу.

— Я умерла, оказалась посреди космоса и только что вспомнила, как именно меня убили. Простите, если церемониальная часть сейчас не входит в список приоритетов.

— Не извиняйся за то, о чём не сожалеешь, — спокойно заметила женщина в чёрном.

Она мне уже немного нравилась.

Тени под капюшонами отступили почти одновременно, и я наконец смогла рассмотреть лица.

Женщина в чёрном выглядела одновременно молодой и древней — странное сочетание, которому невозможно было подобрать разумное объяснение. Тонкие строгие черты, почти белая кожа, длинные тёмные волосы с серебристым отливом и глаза настолько глубокого фиолетового цвета, что в них будто растворялся окружающий космос.

Стоявшая рядом женщина казалась её полной противоположностью. Светлые волосы в сиянии звёзд отливали золотом, зелёные глаза смотрели спокойно и тепло, а мягкость лица удивительным образом сочеталась с той же пугающей силой. Рядом с ней становилось понятно без всяких объяснений: доброта и слабость никогда не были синонимами.

Мужчина между ними оказался значительно выше обоих. Широкоплечий, тёмноволосый, с красновато-золотыми глазами и той особенной неподвижностью, которую я слишком часто встречала у существ, прекрасно знавших собственную силу. Он производил впечатление того, кому оружие не требовалось лишь потому, что при необходимости он сам вполне мог им стать.

Женщина в чёрном первой слегка склонила голову.

— Я Аэлира.

Имя ничего мне не сказал.

— Лир, — представилась светловолосая.

— Арис.

Я немного подождала, рассчитывая услышать хотя бы должности.

Продолжения не последовало.

— И?..

На этот раз Арис совершенно точно улыбнулся.

— Мы — боги Астериона.

Несколько секунд я просто смотрела на них.

За двадцать семь лет мне доводилось слышать немало нелепых заявлений. Один заказчик убеждал меня, что является прямым потомком римского императора и поэтому полиция не имеет права его арестовывать. Другой искренне считал, что три дорожки кокаина перед переговорами превращают его в гения бизнеса. Один особенно суеверный торговец оружием утверждал, будто его защищает древнее проклятие. Пуля с древним проклятием почему-то не посоветовалась.

С этой троицей проблема была в другом.

Я им верила.

Не потому, что они особенно убедительно разыграли сцену божественного явления. Просто рядом с ними слово «бог» внезапно переставало звучать преувеличением.

— Понятно, — наконец произнесла я. — Значит, после смерти меня сразу вызвали к высшему руководству.

На губах Лир появилась улыбка.

— Ты воспринимаешь это удивительно спокойно.

— Я уже умерла. После этого существование богов выглядит не самым невероятным событием дня.

— Ты действительно мертва, — произнесла Аэлира.

— Спасибо за официальное подтверждение. Особенно приятно получать его от женщины, которая пришла во всём чёрном.

Фиолетовые глаза чуть сузились.

— Я Богиня Смерти.

Я мысленно выдохнула.

Конечно.

Арис рассмеялся, Лир тоже перестала скрывать улыбку, а на лице Аэлиры мелькнуло едва заметное выражение, которое при большом желании можно было принять за веселье.

— Лир — Богиня Жизни, — продолжила она. — Арис — Бог Войны.

Я по очереди посмотрела на всех троих.

— Тогда вопрос становится ещё интереснее. Что Смерти, Жизни и Войне понадобилось от земной наёмной убийцы?

Веселье исчезло почти мгновенно. Лир перестала улыбаться, лицо Ариса стало жёстче, а взгляд Аэлиры словно потемнел.

Вот теперь мы действительно добрались до причины моего присутствия здесь.

— Прежде чем отвечать, тебе нужно увидеть наш мир, — сказала Лир и подняла руку.

Космос исчез.

Я даже не успела удивиться. В один момент вокруг были звёзды, в следующий передо мной раскинулся совершенно другой мир, хотя физически я в нём не оказалась. Скорее смотрела через огромное окно, возникшее прямо посреди пустоты.

Под нами тянулась земля, разрезанная реками и горными хребтами. Изображение приблизилось, сменилось, и перед глазами появился город из светлого камня с высокими башнями, тонкими шпилями и огромными витражами. По мощёным улицам двигались жители, внешне почти неотличимые от людей, но сам город невозможно было принять за земное Средневековье.

В кованых фонарях горели не свечи, а тёплые светящиеся кристаллы. Над площадью медленно вращались рунические знаки. Вода вздымалась в фонтанах без видимых механизмов, а над широкими воротами вспыхнул узор, когда через них проехала закрытая карета.

Картина сменилась прежде, чем я успела рассмотреть подробности. Морской берег и белый город на утёсах, огромные корабли, леса, между деревьями которых двигались незнакомые звери. Заснеженная крепость среди гор уступила место бесконечным полям под ярким солнцем, а затем появилась каменная академия у широкой реки — настолько огромная, что больше напоминала укреплённый город.

По небу над башнями прошла тень.

Я подняла взгляд и увидела огромное крылатое существо. Хищное, сильное, совершенно не похожее ни на одно знакомое мне животное. На его спине сидела фигура, казавшаяся маленькой с такого расстояния.

— Это ещё что?

— Великий зверь, — ответил Арис.

Я снова посмотрела в небо.

— Судя по названию, местные не склонны к скромности.

— Великий зверь не оценил бы подобное замечание в лицо, — заметил Арис.

— Тогда хорошо, что сейчас он меня не слышит.

Видение продолжало меняться. Дети играли вокруг дерева, листья которого светились мягким голубым сиянием. Женщина одним прикосновением затягивала глубокую рану на руке мужчины. Кузнец проводил ладонью над мечом, и вдоль металла вспыхивали руны. На обычной кухне вода сама наполняла большую каменную ёмкость, а по краю загорались символы нагрева.

Мир был красивым.

Не идеальным — я слишком хорошо знала жизнь, чтобы поверить в существование идеального места после нескольких удачно подобранных картинок, — но живым. Магия здесь не выглядела праздничным украшением или редким чудом. Она была частью повседневности примерно так же естественно, как электричество на Земле.

А потом зелёная долина передо мной начала умирать.

Не гореть. После огня остаются уголь, пепел, обгоревшие стволы. Здесь растения словно лишались самой способности жить. Земля растрескивалась, вода в реке темнела, а над мёртвым пространством двигались неправильные силуэты. Один был слишком длинным, другой передвигался на шести конечностях, форму третьего взгляд будто отказывался воспринимать целиком.

В небе раскрылась тонкая чёрная трещина.

Она не должна была существовать в воздухе, но существовала. По краям дрожало пространство, а изнутри медленно сочилась тьма.

Видение погасло.

Передо мной снова стояли Трое.

— Что это? — спросила я уже без всякой иронии.

— То, что однажды почти уничтожило Астерион, — ответил Арис.

— И сейчас возвращается?

— Да.

Он не стал смягчать ответ, и это я оценила.

— Вы хотите, чтобы я с этим сражалась.

— Когда придёт время, — сказала Лир. — Не сейчас. И не одна.

Последнюю часть я отметила, но пока решила не отвлекаться.

— Почему именно я?

На этот раз пауза затянулась.

Аэлира приблизилась на шаг. Не знаю, действительно ли расстояние между нами изменилось или богиня просто захотела, чтобы я так это воспринимала, но её фиолетовый взгляд внезапно стал почти осязаемым.

— Потому что мы искали именно твою душу.

Ответ оказался настолько не тем, чего я ожидала, что несколько секунд я молчала.

— Это звучит значительно менее конкретно, чем хотелось бы.

— Полный ответ ты пока не поймёшь, — спокойно произнесла Аэлира. — Но сила твоей души — часть причины. Ты сохранила себя после смерти там, где оборвалась твоя последняя жизнь, прошла через пространство между мирами без проводника, самостоятельно вернула память и своё имя.

Значит, та боль действительно была не случайностью.

— И всё же этого недостаточно, — продолжил Арис. — Нам нужен тот, кто способен защищать без приказа. Кто умеет убивать и при этом не перестал выбирать, кого именно. Кто знает цену предательству, но не утратил способность заботиться о других.

Перед глазами мелькнули переводы денег в приют, старик, несколько заказов, от которых я отказалась независимо от суммы, и мужчина, которого когда-то любила.

Последнее воспоминание кольнуло особенно неприятно.

— Вы наблюдали за мной?

— Не за каждой секундой твоей жизни, — мягко ответила Лир. — Мы искали твою душу и видели достаточно, чтобы узнать её, когда нашли.

Слова почему-то зацепили сильнее, чем должны были.

Узнать.

Не выбрать из множества подходящих.

Найти.

Я мысленно отложила это на будущее.

— Надеюсь, хоть часть личной жизни после смерти остаётся личной.

— Нас интересовали твои решения, а не подробности твоей постели, — сухо произнесла Аэлира.

Арис отвернулся, явно скрывая улыбку.

Я немного помолчала.

— Хорошо. Справедливо.

Лир протянула руку, и между нами появилась новая картина.

На этот раз никакого красивого мира.

На узкой кровати лежала девушка.

Первым бросалось в глаза даже не количество синяков, а то, насколько она была худой. Не стройной и не просто маленькой — истощённой до болезненности. Ключицы резко выступали под кожей, запястья казались слишком тонкими, длинные чёрные волосы спутались на подушке. На лице, шее и руках темнели следы побоев разных оттенков. Нижняя губа была разбита, под левым глазом расплылся тяжёлый отёк.

На первый взгляд ей можно было дать шестнадцать.

— Сколько ей?

— Восемнадцать, — ответила Лир.

Я смотрела на неподвижную грудь и уже знала ответ на следующий вопрос.

— Она умерла?

— Да, — произнесла Аэлира.

— Как?

Впервые в голосе Лир появилась едва заметная горечь.

— Её тело долго находилось на грани истощения. Недостаток пищи, отсутствие нормального лечения, постоянные травмы. Последнее избиение оказалось слишком тяжёлым.

Внутри болезненно сжалось то место, где когда-то было сердце.

— Кто?

— Смотрители приюта и те, кому они позволяли издеваться над более слабыми воспитанниками, — ответил Арис.

Приют.

Разумеется.

У Вселенной явно было специфическое чувство юмора.

— Что вы предлагаете?

— Её душа уже ушла, — тихо сказала Лир. — Тело ещё можно вернуть к жизни. Оно совместимо с тобой, и ты способна стать его новой хозяйкой.

Я медленно перевела взгляд на Богиню Жизни.

— Просто так?

— Нет, — ответила Аэлира.

Вот теперь предложение звучало значительно реалистичнее.

Арис скрестил руки на груди.

— Мы предлагаем тебе вторую жизнь в Астерионе. Это тело, возможность прожить столько, сколько тебе отпущено, и право распоряжаться этой жизнью так, как решишь сама. Взамен, когда придёт время, мы попросим тебя помочь защитить наш мир.

— Попросите?

— Именно.

— Не прикажете?

Его взгляд на мгновение стал особенно тяжёлым.

— Ты не наш солдат, Иллирис. И не наша собственность.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы действительно принять услышанное.

— А если откажусь?

Ответила Лир:

— Мы не станем тебя заставлять.

— И что тогда произойдёт?

Аэлира посмотрела куда-то за моё плечо, туда, где бесконечно тянулись звёзды.

— Ты пойдёшь дальше своим путём.

Никакой угрозы. Никаких обещаний мучений или исчезновения. И именно отсутствие давления делало предложение куда серьёзнее.

Я снова посмотрела на лежащую девушку.

Избитую. Истощённую. Совершенно неподвижную.

И всё-таки это было тело.

Возможность снова жить.

Я умерла в двадцать семь и совершенно не собиралась умирать. Не успела настолько разочароваться в существовании, чтобы благородно отказаться от второго шанса. Мне хотелось снова чувствовать солнце на коже, есть нормальную еду, читать книги, драться, ругаться, просыпаться утром и самой решать, что делать с очередным днём.

Но один вопрос был важнее моего желания жить.

— Она точно ушла?

Лир посмотрела внимательнее.

— Да.

— Её сознания в теле больше нет? Если я соглашусь, она не окажется где-то внутри, пока я живу её жизнью?

Мягкость исчезла с лица Богини Жизни, уступив место серьёзности.

— Нет. Её душа покинула тело окончательно. Ты никого не вытеснишь и не запрёшь внутри себя.

Только после этого я позволила себе продолжить.

— Почему вы тогда не вернёте её?

Между нами стало немного тише.

— Потому что её путь уже завершён, — ответила Аэлира. — Возвращение умершего не является простым перемещением души обратно в тело. Даже для нас существуют границы.

Я внимательно посмотрела на Богиню Смерти.

— Вы боги.

— Да.

— Но не всемогущие.

Арис хмыкнул.

— Быстро учишься.

— Я предпочитаю понимать ограничения тех, с кем собираюсь заключать договор.

— И правильно, — сказала Аэлира. — Но пока тебе достаточно знать одно: мы не можем решать все проблемы Астериона собственными руками.

— Почему?

— Не сейчас.

Я прищурилась.

— Очень удобная формулировка.

— Нам тоже нравится, — невозмутимо ответила она.

Мне снова захотелось съязвить, но где-то на задворках сознания вовремя всплыл образ океана и волны. Инстинкт самосохранения всё-таки иногда выполнял свои обязанности.

— Хорошо. Тогда объясните, что именно означает стать вашей Избранной.

Арис ответил первым:

— Мы трое признаем тебя той, кому доверяем часть защиты Астериона. Ты получишь благословение каждого из нас. Иногда мы сможем направлять, предупреждать или помогать в пределах того, что нам доступно. Но твоя жизнь останется твоей.

Лир продолжила мягче:

— Ты не проснёшься завтра с обязанностью немедленно искать врагов. Тебе предстоит жить, учиться, привыкать к миру, выбирать друзей, дом и собственный путь. Угроза, которую мы показали, будет расти, и однажды от твоих решений действительно может зависеть многое. Но даже тогда решение останется твоим.

— Сражаться или нет.

— Да.

Я задумалась.

На Земле те, кто говорил «решение за тобой», обычно заранее готовили последствия неправильного ответа. Здесь я не чувствовала подобной ловушки.

Это не означало, что её не существовало.

Но мне хотелось жить.

А ещё перед глазами всё ещё стояла мёртвая долина. Если Астерион действительно станет моим домом, однажды вопрос о том, стану ли я его защищать, вполне может потерять всякую сложность.

— Я согласна.

Никто не торжествовал. Лир лишь едва заметно выдохнула, Арис коротко кивнул, а Аэлира продолжала смотреть на меня со своим непонятным спокойствием.

— Но у меня есть условия.

Уголок рта Ариса дёрнулся.

— Разумеется.

— Я хочу сохранить память прошлой жизни. Всю. Приют, работу, навыки, лица, знания. Даже то, что предпочла бы забыть. Не собираюсь однажды проснуться другим существом только потому, что кому-то показалось милосердным облегчить мне существование.

— Мы не собирались стирать твою память, — ответила Аэлира.

— Тогда с первым пунктом разобрались.

Лир чуть наклонила голову.

— А второй?

Я посмотрела на лежащую перед нами девушку.

— Мне нужны её воспоминания.

Теперь удивились все трое.

Арис перестал улыбаться. Лир нахмурилась, а Аэлира несколько секунд просто изучала меня.

— Объясни, — потребовала она.

— Я окажусь в другом мире. Не знаю ваших законов, денег, языка, обычаев, географии и тысячи вещей, о которых даже не догадаюсь спросить. Она прожила здесь восемнадцать лет. Если получу её память, у меня хотя бы будет основа.

Лир медленно покачала головой.

— Ты получишь не только знания.

— Понимаю.

— Нет, пока не понимаешь. Воспоминания не хранятся как отдельная картотека, которую можно спокойно просмотреть. Ты увидишь её жизнь так, как проживала она. Почувствуешь голод, страх, боль. Некоторые переживания окажутся настолько яркими, что первое время тебе будет трудно отделять собственный опыт от её.

Мне это не нравилось.

Совсем.

Но перспектива проснуться в неизвестном мире совершенно слепой нравилась ещё меньше.

— Её личность не останется?

— Нет. Ты не станешь двумя существами в одном теле. Её душа ушла.

— Тогда я справлюсь.

Лир всё ещё выглядела обеспокоенной.

— Ты слишком уверена.

— Я привыкла работать с большим количеством информации. А оказаться в неизвестном мире, не понимая даже, где найти воду и к кому нельзя поворачиваться спиной, кажется мне значительно опаснее.

Арис коротко усмехнулся.

— Практично.

— Стараюсь.

Лир посмотрела на Аэлиру. Та едва заметно кивнула.

— Хорошо, — сказала Богиня Жизни. — Твоя собственная память останется основной. Воспоминания прежней хозяйки тела будут доступны как пережитый ею опыт, но первое время границы действительно могут смешиваться.

— Этого достаточно.

Изображение девушки исчезло, и вокруг снова остались только звёзды.

— Тогда осталось ещё одно, — произнесла Аэлира.

Лир подняла ладонь. Над её пальцами появился небольшой светящийся шар, белый и пронизанный золотистыми нитями. Через мгновение его цвет начал меняться, пока спокойное сияние не превратилось в глубокое фиолетовое пламя.

Я уставилась на огонь.

Он выглядел слишком насыщенным, почти живым, и почему-то вызывал странное чувство узнавания.

— Что это?

— Твоя магия, — ответила Аэлира.

— У меня будет магия?

— В Астерионе мана является частью мира и каждого астериара, — объяснила Лир. — Тело, которое ты получишь, уже способно ею пользоваться. Но дело не только в теле.

Фиолетовый огонь продолжал колебаться над её ладонью.

— Твоя душа способна удержать значительно больше силы, чем большинство смертных, — продолжила Аэлира. — Наше благословение усилит то, что уже есть, и откроет то, что иначе могло бы никогда не проявиться полностью.

Я внимательно посмотрела на пламя.

— И где здесь неприятная часть?

На этот раз переглянулись все трое.

Вот это мне сразу не понравилось.

Арис взял слово:

— Если позволить всему объёму силы проявиться сразу, новое тело не выдержит.

Шутить расхотелось.

— Насколько всё плохо?

— Твои магические каналы слишком слабы для того количества маны, которое способна удерживать душа после благословения, — сказала Лир. — Резкое раскрытие силы может повредить их ещё до того, как ты научишься ими пользоваться. В худшем случае тело просто не переживёт переход.

Я медленно выдохнула.

— Вы предлагаете воскресить меня, чтобы я тут же умерла снова?

— Нет, — сухо ответила Аэлира. — Именно поэтому мы наложим на твою силу печать. Слово мне не понравилось.

— Что она будет делать?

— Сдерживать только ту часть силы, к которой тело и магические каналы пока не готовы, — объяснила Лир. — Она не отнимет твою магию и не сделает тебя слабой. Ограничение будет ослабевать по мере того, как тело окрепнет, каналы расширятся, а ты сама научишься выдерживать больший объём силы.

— То есть однажды она исчезнет полностью?

На этот раз Аэлира ответила не сразу.

— Если будешь готова принять всё, что за ней находится.

Формулировка показалась подозрительно широкой.

— Под «готова» имеется в виду физическое состояние?

— Не только, — сказала Богиня Смерти. — Сила редко развивается отдельно от того, кто ею распоряжается. Печать будет откликаться не только на состояние тела и каналов, но и на тебя саму.

Я несколько секунд смотрела на неё.

— Великолепно. Магическая система с элементами психоанализа.

Арис усмехнулся.

- С твоим характером ей будет чем заняться.
- Очень надеюсь, что она не обладает чувством юмора.
- Поживёшь — узнаешь.

Несмотря на собственное недоверие, сама идея была разумной. Если альтернатива заключалась в том, чтобы получить огромную силу и умереть от неё через десять минут, временное ограничение выглядело вполне достойным компромиссом.

- Хорошо. Накладывайте.

Три ощущения коснулись меня почти одновременно.

От Лир пришло мягкое живое тепло, от Аэлиры — чистый холод, похожий на морозный воздух, а сила Ариса оказалась тяжёлой и горячей. Они не давили друг на друга, а переплетались, и где-то глубоко внутри возникло ощущение невидимого узора, который сомкнулся вокруг чего-то огромного.

Я не почувствовала себя слабее.

Скорее наоборот — впервые осознала, что за этим узором действительно находится нечто, чему пока просто некуда поместиться.

- Печать установлена, — сказала Аэлира.
- Прекрасно. Теперь хотелось бы узнать, где именно я проснусь.
- В том же приюте, где умерло тело, — ответила Лир.
- Моё настроение мгновенно испортилось.
- Очень заботливо.

— Мы можем вернуть душу в тело, — спокойно пояснила Аэлира, — но не перенести физическое тело туда, где его никогда не было.

Ещё одно ограничение.

Запомнила.

- Те, кто её убил, всё ещё там?
- Да.

Арис посмотрел на меня слишком внимательно.

- Даже не думай разбираться с ними сразу.
- Я ничего не сказала.
- Тебе и не пришлось.

Вот же зараза.

Аэлира продолжила уже жёстче:

— Тело истощено и серьёзно повреждено. Твои прежние навыки никуда не исчезнут, но мышцы, реакция и выносливость будут другими. Ты проснёшься ночью. Не задерживайся в приюте и сразу иди в Центральный храм Трёх богов.

Перед нами возникло новое изображение: огромный храмовый комплекс из светлого камня, возвышающийся над широкой площадью. Три высоких шпиля уходили в ночное небо, а между ними сияли витражи фиолетово-синих, зелёно-золотых и красно-золотых оттенков.

Я внимательно рассмотрела здание.

- Запомнила.

— Храм находится в центре Аэстрана, — сказал Арис. — Из большинства районов столицы его шпили видны над крышами. Если потеряешь направление, иди к центру.

- Там будут знать, что со мной делать?

— Три Верховных жреца Центрального храма, — ответила Аэлира. — Верховная жрица Аэлиры, Верховная жрица Лир и Верховный жрец Ариса. Мы предупредим их лично.

- И насколько много вы им расскажете?

— Столько, сколько необходимо, — сказала Лир. — Они будут знать, что ты Избранная Трёх и находишься под нашей прямой защитой. Остальное останется твоим правом рассказать самой.

Вот это меня устраивало значительно больше.

— А они не потребуют пять часов в день молиться вам за оказанную честь?

Лир тихо рассмеялась.

— Нет.

— Жаль, — произнёс Арис. — Мне начинало нравиться это условие.

— Переживёшь.

Я поймала себя на том, что разговариваю с Богом Войны почти так же, как когда-то со стариком после нескольких лет знакомства.

Плохая привычка.

Аэлира словно уловила момент, когда я снова вспомнила о существовании инстинкта самосохранения.

— Иллирис. Когда проснёшься, не пытайся мстить.

В её голосе появилась сталь.

Я посмотрела прямо в фиолетовые глаза.

— Сначала выжить. Потом разбираться с ублюдками.

Арис одобрительно кивнул.

— Правильный порядок.

Лир подняла обе руки, и пространство вокруг стало светлее.

Первым пришло тепло. Оно прошло прямо сквозь сознание, хотя тела по-прежнему не существовало. За ним последовал холод Аэлиры — не мёртвый, а ясный и чистый. Последней накрыла сила Ариса, от которой внутри вспыхнуло почти физическое желание подняться и продолжать идти, сколько бы ни пришлось.

Три ощущения переплелись, прошли сквозь уже существующий рисунок печати и растворились.

— Всё? — спросила я.

— Благословение принято, — ответила Лир.

Окружающий космос начал постепенно тускнеть. Самые дальние звёзды исчезали одна за другой, туманности становились прозрачными, а вместе с ними начали растворяться силуэты Трои.

Тревога пришла неожиданно.

До этого всё происходящее можно было воспринимать как очень странные переговоры, но теперь до меня наконец дошло: дальше придётся открыть глаза в избитом чужом теле посреди совершенно незнакомого мира и самостоятельно добраться до единственного места, где меня ждут.

— А если я не дойду до храма?

Лир посмотрела настолько спокойно, что тревога не успела перерасти в панику.

— Дойдёшь.

— Божественное предвидение?

— Оценка твоего характера.

— Значительно менее надёжный метод.

Аэлира сделала последний шаг ко мне.

— Живи, Иллирис.

Всего два слова.

Почему-то именно они задели сильнее всех обещаний.

Арис слегка склонил голову.

— И постарайся не растратить второй шанс на глупость.

— Обещать не буду.

— Я и не рассчитывал.

Лир улыбнулась.

— Иди в храм. Там тебя ждут.

Я хотела спросить ещё что-нибудь, но не успела.

Космос исчез вместе с богами. Не осталось ни звёзд, ни света, ни ощущения их присутствия — только пустота, которая на этот раз уже не казалась красивой.

Сознание начало медленно ускользать. Мысли становились вязкими и распадались прежде, чем успевали оформиться. Я ещё пыталась удержать лица богов, храм, фиолетовый огонь и ощущение божественной печати где-то глубоко внутри, но всё постепенно растворялось.

Последней появилась совершенно идиотская мысль.

А вдруг никакого Астериона нет?

Вдруг всё увиденное — лишь предсмертная галлюцинация мозга, который в последние секунды честно пытался подарить хозяйке красивую сказку вместо осознания, что она захлёбывается кровью на полу собственного дома?

Тогда фантазия у меня была чересчур богатая.

На этом мысль оборвалась.

А потом пришла боль.

Она не нарастала постепенно и не позволила подготовиться. Просто в один момент не существовало ничего, а в следующий голову словно раскололи изнутри.

Я попыталась закричать и не смогла.

Перед глазами полыхнул огонь — не фиолетовый, а самый обычный, жёлто-красный, яростный и горячий.

Я была маленькой.

Нет.

Не я.

Девочка.

Чужие руки вцепились в её плечи, развернули и толкнули куда-то в темноту. Вокруг кричали. Мужской голос оборвался настолько внезапно, что она замерла, но женщина тут же опустилась перед ней на колени. Красивое лицо было мокрым от слёз, по виску текла кровь.

— Смотри на меня, Иллирис. Только на меня.

Имя ударило странным узнаваемым эхом, но осмыслить его я не успела.

Женщина прижала палец к губам.

— Что бы ты ни услышала, не выходи. Понимаешь? Не выходи.

Девочка плакала и хотела к маме.

Мама.

Чужое слово и одновременно настолько родное чувство, что оно обожгло сильнее окружающего огня.

— Беги, — прошептала женщина. — Когда станет тихо, беги.

Дверь закрылась.

Остались темнота, дым, жар и крики, а потом действительно стало тихо.

Воспоминание потянуло меня дальше, и я перестала понимать, где заканчивается чужая боль и начинается моя.

Холодная комната была заставлена кроватями. Пустой желудок болел так давно, что голод превратился в обычное состояние. Миска жидкой каши перевернулась на пол, и маленькая Иллирис опустилась на колени, пытаясь собрать еду пальцами.

— Быстрее жри, дрянь.

Удар по затылку пришёл раньше, чем она успела поднять голову.

Чужой смех исчез, сменившись зимой. Ей было около десяти. Маленький кусок хлеба лежал под рубашкой, но женщина в сером платье всё равно заметила.

— Воруешь?

— Я не...

Пощёчина сбила её с ног, губа разбилась о пол, а хлеб забрали.

Следом пришёл другой холод. Окно покрылось льдом изнутри, одеяло оказалось слишком тонким, и уже четырнадцатилетняя девочка прижимала колени к груди, пытаясь согреть пальцы дыханием. Рядом кто-то плакал, а из коридора доносился раздражённый голос воспитателя, требующего заткнуться.

Позже ей перестало хватать слёз.

Это почему-то оказалось страшнее.

Шестнадцать лет. Мужчина держал её за волосы и требовал объяснить, почему она посмотрела на него «так». Девочка не понимала, что именно сделала неправильно.

Он ударил всё равно.

Последняя ночь была почти тихой.

Восемнадцатилетняя Иллирис лежала на узкой кровати лицом к стене. В рёбрах горела тупая боль, вдохнуть глубоко не получалось, любое движение отзывалось внутри. В комнате спали другие девушки или делали вид, что спят.

— Иллирис? — прошептал кто-то рядом. — Ты слышишь? Потерпи до утра. Я позову...

Она слышала.

Просто не могла ответить.

Сердце замедлялось постепенно, холод поднимался от пальцев, дыхание становилось всё тише, пока наконец не исчезло совсем.

Я вынырнула из чужой смерти с беззвучным криком.

Глаза распахнулись.

Тело дёрнулось, пытаясь сесть, и немедленно отомстило за эту глупость такой болью, что перед глазами снова потемнело. Я согнулась, хватая воздух короткими вдохами. Грудь почти не хотела расширяться, рёбра горели, голова пульсировала, живот сводило от голода, а мышцы казались такими слабыми, словно ими не пользовались несколько недель.

Но воздух всё-таки входил в лёгкие.

Настоящий. Холодный, затхлый, пахнувший сыростью, невымытыми телами и старой тканью — и всё равно прекрасный.

Получилось.

Я действительно жила.

Несколько секунд пришлось просто сидеть, опираясь ладонями о матрас и ожидая, пока перед глазами перестанут плавать тёмные пятна. Тело умоляло лечь обратно и не двигаться хотя бы несколько часов, но память прежней хозяйки слишком хорошо подсказывала, чем в этом месте заканчиваются слабость и ожидание помощи.

Я посмотрела на руки.

Маленькие, тонкие, почти костлявые. Бледную кожу покрывали синяки, а на правой ладони плохо заживший порез оставил воспалённую красную линию.

Мои.

Теперь мои.

Мысль вызвала странную тошноту. Не потому, что тело было чужим, — эту часть договора я приняла добровольно, — а из-за полного несоответствия между тем, что помнил мой разум, и тем, что я видела перед собой.

Я осторожно коснулась лица. Острые скулы, распухшая нижняя губа, болезненная припухлость под глазом. Чёрные волосы упали вперёд тяжёлой спутанной волной и оказались такими длинными, что тянулись далеко ниже талии.

Комната была большой и почти полностью заставленной кроватями. На некоторых спали девушки, кто-то свернулся под одеялом, кто-то лежал неподвижно, отвернувшись к стене. Через маленькое окно проникала бледная полоска лунного света.

Вместе с увиденным пришло знание.

Я знала каждую доску пола, каждый скрип двери, знала, какая воспитательница просыпается от малейшего шума, а какая после дешёвого вина не услышит даже драку в соседней комнате. Знала, где находится уборная, где хранят еду, какие ступени скрипят и какой смотритель любит бить детей длинным ремнём, целясь туда, где следы проще скрыть одеждой.

Моя земная память и её воспоминания на мгновение наложились друг на друга. Один приют — светлее, чище, с нормальной едой и взрослыми, которые чаще были равнодушными, чем откровенно жестокими. Второй — холодный, бедный, пропахший страхом и привычной болью.

Меня затошнило сильнее.

Но я сама попросила об этом.

И уже понимала зачем.

Деньги на содержание приюта приходили регулярно. Еды закупали достаточно. Топливо для отопления тоже должно было быть. Вот только до детей почти ничего не доходило.

Злость поднялась мгновенно.

Где-то глубоко внутри, под рёбрами, отозвалась магия. На пальцах на долю секунды вспыхнул слабый фиолетовый свет, а следом я почувствовала сопротивление божественной печати — не боль, а спокойное удерживающее давление.

Я тут же сжала руку.

— Даже не начинай, — прошептала сама себе.

Голос оказался хриплым и совершенно незнакомым, но настоящим.

Предупреждение Троиخ пришлось очень кстати. Сила ограничена, тело едва держится, а я уже ненавижу половину обитателей этого здания настолько, чтобы проверить, насколько хорошо горит местная древесина.

Сначала выжить.

С воспитателями разберёмся позже.

Я медленно спустила ноги с кровати. Ступни коснулись ледяных досок, и тело тут же повело в сторону настолько сильно, что пришлось вцепиться в матрас. Даже после слов богов я недооценила его состояние. Оно держалось на упрямстве и каком-то чуде, которое, вероятно, имело непосредственное отношение к Лир.

Под кроватью нашлись старые мягкие ботинки, у одного почти оторвалась подошва. На мне была длинная бесформенная рубашка из грубой ткани, слишком тонкая для ночного холода. Другой одежды поблизости всё равно не было.

Обувалась я медленно. Каждый наклон отзывался болью в рёбрах, пальцы дрожали даже от попытки затянуть шнуровку. В таком состоянии оставаться до утра было опаснее, чем попытаться уйти.

Я поднялась и заставила себя сделать несколько шагов. Тело слушалось плохо, но всё-таки слушалось, а дальше начали включаться навыки, принадлежавшие только мне.

У двери я остановилась и прислушалась.

Память девушки подсказала, что нижняя петля скрипит, если открывать створку слишком быстро. Я слегка приподняла дверь за край и медленно отвела в сторону.

Тишина не изменилась.

В коридоре горел маленький световой кристалл, заключённый в металлическую решётку. Я невольно задержала на нём взгляд. Крошечный камень давал ровный мягкий свет без огня — первая настоящая магия Астериона, которую я увидела собственными глазами, а не в видении богов.

Поллюбоваться можно потом.

Я двинулась вдоль стены, миновала комнату младших девочек и дошла до лестницы, переступив третью скрипучую и пятую проседающую ступень. На нижнем этаже пахло кислой едой и алкоголем, из комнаты зрителей доносился тяжёлый храп.

Возле закрытой двери я остановилась.

Всего несколько сантиметров дерева отделяли меня от одного из тех, из-за кого умерла прежняя хозяйка этого тела.

Пальцы сами сжались.

В прошлом теле, с нормальными мышцами, оружием и подготовкой, я уже знала бы, что делать. Сейчас мне было трудно просто стоять.

Я заставила руку расслабиться и пошла дальше.

Через кухню можно было выйти во внутренний двор. Дверь запиралась на простой деревянный засов, который пришлось поднимать обеими руками. Когда я наконец оказалась снаружи, холод ударил настолько резко, что перехватило дыхание.

Я впервые вдохнула воздух другого мира.

Ночь пахла дымом, камнем, сыростью и чем-то сладким, возможно цветущими растениями. Над крышами висела огромная луна, звёзды были совершенно другими, а далеко над домами угадывались высокие тёмные башни.

Несколько секунд я просто стояла.

Астерион.

Не видение.

Не рассказ богов.

Настоящий мир вокруг меня.

Потом ветер пробрался под тонкую ткань рубашки, и романтика закончилась.

Нужно было добраться до храма.

Ворота во двор были заперты, зато стена возле хозяйственного сарая выглядела достаточно низкой. Для прежней меня она была бы смешным препятствием. Для нынешней — почти альпинистским маршрутом.

Я подтащила старый ящик, забралась на него и ухватила за верхний край стены. Руки дрожали так сильно, что приходилось останавливаться, а в рёбрах при каждом движении простреливала боль. Прыгать, с другой стороны, было нельзя, поэтому я нащупала ногой выступ между камнями и начала медленно сползать.

Последние полметра всё равно пришлось отпустить.

Колени подогнулись при приземлении, и я рухнула на ладони, едва удержав стон. Несколько секунд понадобилось, чтобы прийти в себя, после чего пришлось снова подниматься.

— Прекрасное начало второй жизни, — пробормотала я.

Никто из богов, к счастью, не ответил.

За стеной тянулся узкий переулок.

Вот там Астерион впервые открылся передо мной по-настоящему.

Даже бедный район не выглядел точной копией земного Средневековья. Каменные и деревянные дома нависали над тесными улицами, тёмная черепица покрывала крыши, мостовая блестела после недавней влаги. При этом на перекрёстке горел магический фонарь, над дверью закрытой лавки светились тонкие защитные руны, а вдоль дороги по узкому каменному желобу текла чистая вода.

Магия существовала повсюду и при этом не превращала город в подобие Земли с другим источником энергии. Никаких проводов, пластика, стеклянных небоскрёбов или знакомых механизмов. Просто мир однажды пошёл по совершенно другой дороге.

Память девушки знала этот район плохо. Она почти никогда не покидала приют одна, но направление к центру сохранилось.

По крайней мере приблизительно.

Я пошла.

Первые несколько улиц удалось пройти спокойно. Я держалась ближе к стенам, избегала редких прохожих и старалась не думать, насколько подозрительно выглядит избитая восемнадцатилетняя девушка, ковыляющая по столице глубокой ночью.

Чем ближе становился центр, тем шире были улицы и богаче дома. Световых кристаллов появлялось больше, на фасадах встречались рунические знаки, а один раз мимо проехала закрытая карета. Лошади оказались совершенно настоящими, что почему-то меня порадовало, хотя по бокам экипажа светились руны, а колёса двигались по камню почти бесшумно.

Я уже начала думать, что направление выбрано верно, когда слева открылась дверь таверны.

Наружу вырвались тёплый свет, запах жареного мяса и трое мужчин.

Я сразу ускорила шаг.

Не побежала. Бег привлекает внимание, да и нынешнее тело было на него неспособно.

— Эй, красавица.

По голосу было понятно, что говоривший пьян. Не настолько, чтобы падать, но достаточно, чтобы чувство собственной привлекательности и безнаказанности достигло опасного уровня.

Я не обернулась.

— Девушка, тебя зовут.

Шаги приблизились.

Я свернула на более широкую улицу, где впереди горел ещё один фонарь, но один из мужчин ускорился и положил руку мне на плечо.

Тело отреагировало раньше мысли. Я развернулась, сбрасывая захват, и ударила основанием ладони под подбородок.

В прошлом теле этого хватило бы.

Сейчас мужчина лишь отшатнулся на полшага и удивлённо уставился на меня.

Я удивилась не меньше.

— Сука.

— Не трогай меня, и на этом закончим.

Голос хрипел, но прозвучал достаточно спокойно.

Остальные двое подошли ближе. Один был высоким и тяжёлым, второй — коренастым, с рыжей бородой.

— Какая злая, — усмехнулся рыжий. — Мы просто поговорить хотим.

— Тогда разговаривайте отсюда.

Высокий снова потянулся ко мне. Я отступила, и колени предательски дрогнули.

Он заметил.

Плохо.

— Ты больная, что ли?

— Заразная.

Коренастый фыркнул, зато высокий явно решил, что разговор окончен.

Он шагнул первым.

Я позволила ему приблизиться, ушла в сторону и ударила носком ботинка по внутренней стороне колена. Силы было недостаточно, чтобы серьёзно травмировать, но алкоголь и неожиданность сделали своё дело: мужчина потерял равновесие, а я толкнула его прямо в рыжего.

Они столкнулись.

Третий успел схватить меня за запястье. Захват был сильным, но техника никуда не делась. Я развернула кисть в сторону большого пальца и выскользнула, только резкое движение тут же отозвалось вспышкой темноты перед глазами.

Чёрт.

Я опять забыла, что навык и физические возможности — не одно и то же.

Мужчина поймал меня за рукав.

— Спокойно, мелкая.

Я ударила его головой в нос.

Его нос пострадал.

Мой череп, кажется, тоже.

Зато рукав он отпустил.

Этого хватило, чтобы уйти.

Бегом моё передвижение назвать было трудно, но останавливаться я не собиралась. Свернула в первый переулок, затем во второй, меняя направление и заставляя преследователей терять скорость на поворотах. Между двумя домами нашёлся узкий проход, куда крупным мужчинам пришлось бы протискиваться по одному.

Плечо задело каменную стену, в рёбрах вспыхнула боль, но впереди уже показалась другая улица.

И двое ночных стражников.

На поясах висело оружие, на груди светились знаки городской стражи.

Я не стала звать на помощь. Просто вышла на освещённую часть улицы и прошла мимо них, немного замедлив шаг.

Один из преследователей выскочил из переулка, увидел форму и остановился.

Умный мальчик.

За следующим углом я позволила себе прислониться к стене. Сердце билось слишком быстро, каждый удар отдавался в повреждённых рёбрах, лёгкие горели, ноги дрожали.

После короткой передышки я подняла голову.

Над крышами возвышались три шпиля.

Точно такие, какие показывали боги.

До храма было дальше, чем казалось.

Центр Аэстрана постепенно менялся. Тесные переулки уступали место широким улицам, дома становились светлее, появлялись арки, высокие окна и небольшие площади. Даже ночью здесь было достаточно света, чтобы не ожидать нападения из каждой тени.

Последние кварталы превратились в борьбу с собственным телом. Каждый шаг отдавался болью в рёбрах, голод скручивал живот, после драки и короткой погони сил почти не осталось.

Но храм становился ближе.

Сначала над домами поднялись три башни, затем показался огромный светлый фасад.

Я вышла на площадь и остановилась.

Даже ночью Центральный храм выглядел так, что на несколько секунд я забыла о боли. Светлый камень почти сиял под луной. Три шпиля различались архитектурой, но складывались в единый комплекс, а высокие витражи центральной части светились глубокими фиолетово-синими, зелёно-золотыми и алыми оттенками.

Перед главным входом тянулась широкая лестница.

Я посмотрела на неё с искренней неприязнью.

Если боги действительно знали, в каком состоянии я окажусь, можно было хотя бы предусмотреть более удобный путь для полумёртвой Избранной.

Пришлось подниматься.

После нескольких ступеней дыхание стало тяжёлым, ещё немного — и я перестала считать, сосредоточившись только на том, чтобы продолжать переставлять ноги.

Я почти добралась до верхней площадки, когда массивные двери открылись сами.

Изнутри хлынул тёплый золотистый свет.

Навстречу вышли трое.

Женщина в чёрно-серебряном одеянии, вторая — в белом с тонкой золотой вышивкой, и мужчина в глубоком алом.

Люди — или, точнее, астериары, если верить новой памяти. Сильные, судя по ощущению маны вокруг них, но всё равно смертные. Разница с Троицами чувствовалась мгновенно и настолько отчётливо, что спутать их было невозможно.

Верховные жрецы.

Похоже, боги действительно предупредили своих служителей.

Все трое начали спускаться мне навстречу. Первой изменилась в лице женщина в белом. Она увидела синяки, приютскую одежду и, вероятно, то, насколько плохо я держусь на ногах, после чего заметно ускорила шаг.

— Иллирис?

Я кивнула.

Мир тут же качнулся.

Верховный жрец Ариса оказался рядом быстрее, чем я ожидала, но хватать меня не стал. Просто выставил руку, оставляя решение мне.

Я положила ладонь на его предплечье.

— Полагаю, вы те самые Верховные жрецы, о которых меня предупреждали.

Женщина в чёрно-серебряном слегка склонила голову.

— Я Верховная жрица Аэлиры.

— Верховная жрица Лир, — представилась светловолосая.

Мужчина в алом ответил последним:

— Верховный жрец Ариса.

Теперь всё было окончательно ясно.

— Отлично. Значит, адрес я всё-таки запомнила правильно.

Верховная жрица Лир смотрела на меня всё тревожнее.

— Боги сказали, что ты придёшь, но не сообщили, в каком состоянии окажется твоё тело.

— Видимо, решили оставить вам элемент неожиданности.

Верховный жрец Ариса внимательно оглядел меня.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Когда едва стою, обычно хуже.

На его лице мелькнула короткая усмешка.

Верховная жрица Аэлиры тем временем перевела взгляд на площадь за моей спиной.

— За тобой кто-нибудь следовал?

— Если не считать троих пьяных идиотов возле таверны — нет.

Лицо Верховного жреца Ариса мгновенно стало жёстче.

— Что произошло?

— Они решили, что я подхожу для развлечения. Я решила иначе. Никого не убила, если вас волнует именно это.

Он снова посмотрел на моё состояние.

— В таком виде?

— Победу мне всё равно не засчитают. Я использовала ноги по прямому назначению и ушла.

— Внутрь, — коротко сказал он.

Храм оказался ещё больше, чем выглядел снаружи, но рассматривать его подробно сил уже не было. Я успела заметить высокий свод, огромные витражи и колонны. Мягкий свет заполнял пространство, пахло воском и травами, а по каменному полу тянулись тонкие светящиеся линии рун.

Несколько послушников обернулись на нас, но Верховная жрица Аэлиры сделала едва заметный жест, и они сразу разошлись.

Меня повели по боковой галерее. Я всё ещё опиралась на руку Верховного жреца Ариса, и раздражала меня не его помощь, а то, что без неё сейчас действительно было трудно.

— Далеко? — спросила я.

— Ещё один коридор, — ответила Верховная жрица Лир.

К счастью, она не соврала.

Мы вошли в небольшую комнату с диваном, креслами, длинным столом и несколькими световыми кристаллами. Когда дверь закрылась, я отпустила руку жреца, сделала два самостоятельных шага и тут же поняла, что переоценила остатки сил.

Пол поплыл.

Верховная жрица Лир успела подхватить меня за плечи.

— Осторожно.

— Я в порядке.

— Нет.

Спорить с очевидным было бессмысленно.

Она помогла мне сесть на диван и опустилась рядом, но, прежде чем прикоснуться, остановилась.

— Помимо сана я целительница. Мне нужно проверить состояние твоего тела. Можно?

Вопрос оказался настолько простым, что я несколько секунд просто смотрела на неё.

Спросила.

Не схватила, не решила за меня, не объяснила, что знает лучше.

— Можно.

Только после этого её ладонь легла на моё запястье.

Тепло пришло почти сразу. Сначала в пальцах, потом медленно поднялось по руке к плечу и груди — мягкое, густое, словно тело изнутри погрузили в тёплую воду.

Я резко вдохнула.

Боль в рёбрах не исчезла, но стала значительно слабее. Отступила головная боль, уменьшилась дрожь, на разбитой губе появилось странное зудящее ощущение, а через несколько секунд отёк заметно спал.

Верховная жрица Лир не торопилась. Свет вокруг её пальцев становился ярче, затем постепенно погас.

— Сильное истощение, — сказала она, когда закончила. — Несколько плохо заживших травм, два треснувших ребра, одно из них начало срастаться неправильно. Обезвоживание, длительный недостаток питания и следы старых повреждений внутренних органов.

С каждым словом её голос становился холоднее.

— Кто это сделал?

— Вы действительно хотите полный список?

Верховный жрец Ариса стоял у двери со скрещёнными руками. Его лицо стало очень спокойным, но такой тип спокойствия я знала слишком хорошо.

Верховная жрица Аэлиры спросила:

— Где находился приют?

Я назвала улицу и номер дома. Чужая память услужливо выдала точный адрес.

По реакции стало понятно, что место им знакомо.

— Это не храмовый приют, — произнесла Верховная жрица Лир.

— Не знаю, кому именно он принадлежит. Но условия там отвратительные.

— Расскажи, — попросила Верховная жрица Аэлиры.

Я рассказала достаточно, чтобы они поняли главное: деньги на содержание приходят, но дети голодают; зимой часть помещений почти не отапливается; зрители воруют еду, используют старших воспитанников как бесплатную рабочую силу и наказывают за жалобы.

Побои давно стали нормой, а слабых детей травят другие воспитанники, потому что взрослым проще делать вид, будто ничего не происходит.

Говорила я спокойно. Старый профессиональный навык: если передаёшь важную информацию, эмоции не должны ломать структуру.

Но чем дольше рассказывала, тем мрачнее становились лица троих служителей храма.

— Девушка, чьё тело... — Я запнулась, вовремя вспомнив, что они не знают всей правды. — Я была среди тех, кого били чаще.

Верховная жрица Аэлиры посмотрела прямо в глаза.

— Трое сообщили нам лишь то, что ты придёшь по их прямому указанию и что мы должны принять тебя под защиту. Подробности твоего появления они не раскрыли.

Это меня устраивало.

— Тогда пока пусть так и останется. Но в приюте остались дети. Многие младше меня, и некоторые в состоянии ненамного лучше.

Верховный жрец Ариса уже развернулся к двери.

— Я разберусь.

— Сейчас?

Он посмотрел через плечо.

— Ты предлагаешь дождаться более удобного времени?

— Нет.

— Тогда сейчас.

Верховная жрица Лир подняла голову.

— Возьми целителей.

— Возьму.

— И храмовую стражу, — добавила Верховная жрица Аэлиры.

— Разумеется.

Он вышел.

Я несколько секунд смотрела на закрывшуюся дверь.

Никакого совета. Никаких многочасовых рассуждений о том, можно ли доверять грязной неизвестной девушке, явившейся посреди ночи. Он просто пошёл проверять.

Напряжение внутри немного отпустило.

— Спасибо.

— Поблаговаришь, когда дети будут в безопасности, — спокойно ответила Верховная жрица Аэлиры.

Верховная жрица Лир продолжила лечение. Полностью исправлять все повреждения за один раз она, судя по всему, не собиралась — тело было слишком истощено, — но через несколько минут я уже могла вдохнуть глубоко без ощущения, будто в бок входит нож.

— Лучше? — спросила она.

— Значительно.

— Тебе нужно несколько дней есть часто и маленькими порциями. Никаких попыток наверстать всё за один ужин.

— Похоже, это самая жестокая часть новой жизни.

Она посмотрела без тени сочувствия.

— Ты долго нормально не питалась.

— Именно поэтому большая порция кажется логичной.

— Именно поэтому ты её не получишь.

Ладно.

С этим спором я явно проиграла заранее.

Верховная жрица Аэлиры села в кресло напротив.

— Теперь нам нужно поговорить о тебе. Сегодня ночью все Трое явились нам одновременно.

Я подняла брови.

— Надеюсь, вас тоже отправили в космос. Иначе условия знакомства получились неравными.

В холодных глазах мелькнуло веселье.

— Нет. Мы были в храме.

— Всё ясно. Привилегии Избранной переоценены.

Верховная жрица Лир тихо рассмеялась, но её улыбка быстро исчезла, когда Верховная жрица Аэлиры продолжила:

— Аэлира, Лир и Арис называли твоё имя. Велели ждать тебя до рассвета и сообщили, что ты находишься под прямой защитой всех Троих.

Я немного помолчала.

— Они называли меня своей Избранной.

В комнате стало очень тихо.

Не театрально.

Просто обе женщины замерли, а затем почти одновременно посмотрели друг на друга.

— Именно так? — спросила Верховная жрица Аэлиры.

— «Избранная Трёх».

Теперь пауза стала длиннее.

— Что? — спросила я.

Верховная жрица Лир медленно выдохнула.

— Есть очень старое пророчество.

Разумеется.

Моей жизни явно не хватало пророчества.

— Насколько старое?

— Настолько, что жрецы спорят о его значении тысячелетиями, — ответила Верховная жрица Аэлиры. — В нём говорится об Избранной, которую однажды узнают все Трое.

Я вспомнила слова богов.

Мы искали именно твою душу.

— И вы считаете, что это обо мне.

— Я считаю, — осторожно произнесла Верховная жрица Аэлиры, — что если все три божества одновременно называют одну девушку Избранной Трёх, игнорировать совпадение было бы глупо. Но древние пророчества опасны именно тем, что слишком легко принять толкование за истину.

Вот это мне уже нравилось больше.

— Значит, пока без объявления на центральной площади.

— Определённо без него, — сказала Верховная жрица Лир.

Верховная жрица Аэлиры кивнула.

— Информация останется среди нас троих и тех, кому знание будет действительно необходимо. Боги также велели полностью восстановить твоё здоровье, обеспечить всем необходимым и помочь освоиться в Астерионе.

Я машинально стала ждать продолжения.

Она заметила.

— Что?

— Обычно после «мы дадим всё необходимое» следует часть «а взамен».

— Ничего, — ответила Верховная жрица Лир.

— Вообще?

— Вообще.

Я нахмурилась.

— Не люблю бесплатное.

— Это не бесплатно, — спокойно сказала Верховная жрица Аэлиры.

Я тут же насторожилась.

— Трое поручили нам заботиться о тебе. Для служителя храма исполнение прямой воли его божества не является благотворительностью и не создаёт перед тобой долг.

Логично.

И всё равно непривычно.

— Хорошо. Тогда мне нужно учиться. История, законы, политическое устройство, деньги, магия. Всё, что должен знать местный житель.

— Будешь, — ответила Верховная жрица Аэлиры. — У храма большая библиотека и достаточно наставников.

Верховная жрица Лир добавила:

— Есть ещё юридическая сторона. Тебе восемнадцать, а по законам Астериона совершеннолетие наступает в двадцать. Мы оформим официальную храмовую опеку до твоего совершеннолетия и заберём твоё личное дело из приюта. После двадцати ты сама решишь, сохранять ли покровительство храма дальше.

Я задумалась.

На Земле в восемнадцать меня просто выпустили за ворота и пожелали удачи.

Здесь три Верховных жреца собирались официально забрать ответственность за мою безопасность на себя.

Непривычно.

— Документы у меня вообще есть?

— Должны быть, — ответила Верховная жрица Аэлиры. — Приют обязан был зарегистрировать тебя. Мы проверим записи и оформим всё необходимое заново, если документы повреждены или намеренно скрыты.

Это тоже пригодится.

— Есть ещё магическое тестирование, — продолжила она. — Точнее, повторное.

— Повторное?

— Каждый астериар проходит обязательное определение дара в пятнадцать лет, — пояснила Верховная жрица Лир. — Ты тоже должна была пройти его, даже будучи воспитанницей приюта. Мы поднимем старую запись.

Интересно.

Если нынешняя память была полной, само тестирование я должна была вспомнить, но пока чужой опыт всё ещё приходил пластами и не всегда по желанию.

— И зачем повторять?

— После прямого благословения всех Троиخ прежний результат уже нельзя считать надёжным, — ответила Верховная жрица Аэлиры. — К тому же нужно проверить состояние резерва и каналов после твоего сегодняшнего перехода.

— Боги предупредили меня, что полная сила пока запечатана.

Обе женщины замерли.

Совсем ненадолго.

Но я заметила.

— Они наложили божественную печать? — уточнила Верховная жрица Аэлиры.

— Да. Она сдерживает то, к чему тело и каналы пока не готовы.

Верховная жрица Лир медленно кивнула.

— Тогда мы не станем пытаться определять то, что находится за ней.

— Хороший ответ.

— Если сами боги сочли необходимым ограничить часть твоей силы, — сухо произнесла Верховная жрица Аэлиры, — только безумец станет ломать их работу из любопытства.

— Всё больше нравится ваш подход.

— Повторное тестирование проведём закрыто, — решила она. — Только мы трое и ты. Сначала сравним результат со старой записью, затем внесём в официальный реестр только то, что необходимо для твоих документов и дальнейшего обучения.

— Полный результат без моего согласия никуда не уйдёт.

Верховные жрицы снова переглянулись.

— Почему для тебя это настолько важно? — спросила служительница Аэлиры.

— Потому что Трое специально ограничили мою силу, чтобы она не привлекала ненужного внимания. Было бы странно после этого оставить подробный отчёт в государственном архиве с пометкой «обратите внимание на эту девушку».

На этот раз Верховная жрица Лир улыбнулась.

— Разумно.

— Полный результат останется в закрытом храмовом архиве, доступном только нам троем, — сказала Верховная жрица Аэлиры. — До тех пор, пока ты сама не согласишься раскрыть его шире.

Закрытый архив всё ещё оставался архивом.

Но прямо сейчас причин не доверять этим женщинам у меня было не больше, чем обычно причин не доверять вообще кому-либо. А Трое сами направили меня именно сюда.

— Согласна.

В дверь тихо постучали.

Вошла молодая послушница с подносом. На нём стояли миска жидкой каши, чашка какого-то отвара и несколько небольших кусочков хлеба.

Запах еды ударил в голову сильнее алкоголя.

Живот болезненно свело.

Я посмотрела на хлеб.

Верховная жрица Лир посмотрела на меня.

— Медленно.

— Я ещё ничего не сделала.

— Ты уже просчитала, сколько секунд потребуется, чтобы съесть всё сразу.

— Недоказуемое обвинение.

Послушница поставила поднос на столик и ушла.

Я взяла ложку. Рука дрожала, пришлось сильнее сжать пальцы.

Первая ложка каши была почти безвкусной.

И великолепной.

Тёплая еда растеклась по пустому желудку, и я на несколько секунд закрыла глаза. После смерти, космоса, чужих воспоминаний о голоде, побега и ночной дороги обычная жидкая каша ощущалась едва ли не лучшим подарком за последние сутки.

— Вот теперь я начинаю ценить преимущества вашего мира, — сказала я.

— Из-за каши? — спросила Верховная жрица Лир.

— Никогда не недооценивайте еду после собственной смерти.

Она покачала головой, но спорить не стала.

Я ела медленно, как велели, хотя внутренне ненавидела каждую паузу между ложками. Верховные жрицы не торопили.

Где-то далеко прозвучал колокол. По коридору прошли несколько служителей храма. За высоким окном ночь постепенно светлела.

Приближался мой первый рассвет в Астерионе.

За несколько часов я успела воскреснуть, получить божественную печать, сбежать из приюта, проверить на практике бесполезность старых физических привычек в новом теле, добраться до Центрального храма и выяснить, что где-то в древних книгах существует пророчество, подозрительно хорошо описывающее моё появление.

Темп был достойным.

Главное теперь — не умереть снова до завтра.

Допив отвар, я почувствовала, как тело тяжелеет. Теперь, когда непосредственная опасность отступила, оно словно решило предъявить счёт за всё пережитое.

Верховная жрица Лир поднялась.

— Тебе нужно спать.

— Согласна.

Она удивлённо посмотрела на меня.

— Без споров?

— Я умею выбирать важные битвы.

Верховная жрица Аэлиры тоже встала.

— После отдыха проведём повторное тестирование и начнём разбираться с документами.

Для тебя уже готовят комнату в закрытой жилой части храма. До совершеннолетия храм официально возьмёт тебя под опеку, а после ты сама решишь, как жить дальше.

Безопасность.

Слово по-прежнему звучало непривычно.

Я давно не верила местам, которые называли безопасными. Даже горный дом в прошлой жизни в итоге таким не оказался.

Но сейчас не хотелось спорить с возможностью поспать за дверью, возле которой стояли храмовая стража и три Верховных жреца, лично предупреждённые богами.

Верховная жрица Лир протянула руку.

На этот раз я приняла её без колебаний.

Мы вышли в коридор. Через высокие витражи уже пробивался первый свет рассвета, окрашивая светлый камень золотом, фиолетовым и красным. Я шла медленно, всё ещё слабая и избитая, в новом теле и совершенно незнакомом мире, но впервые после выстрела в горном доме действительно двигалась не к очередному укрытию и не к смерти.

Вперёд.

Я жила.

И пока этого было достаточно.

Глава 3

Иллирис

Магическое тестирование мне провели через три дня после появления в Центральном храме, и эти три дня я запомнила как удивительное сочетание безделья и постоянной занятости собственным выживанием.

Я ела, спала, снова ела и опять спала. Иногда между этими невероятно насыщенными занятиями приходила Верховная жрица Лир, проверяла, как восстанавливается тело, заставляла выпить очередной отвар и категорически запрещала читать дольше часа подряд. По её словам, организм должен был тратить силы на восстановление, а не на мою попытку за неделю запихнуть в голову всю храмовую библиотеку.

Я пыталась доказать, что чтение не является физической нагрузкой.

Она напоминала о головной боли после трёх часов над книгами.

На этом научная дискуссия обычно заканчивалась моим поражением.

С едой ситуация складывалась ещё хуже. Послушники приносили небольшие порции каши, супов, мягкого хлеба, тушёных овощей и мяса, приготовленного настолько нежно, словно перед смертью его отдельно попросили не создавать проблем моему желудку. Первые дни я смотрела на объём тарелок с нескрываемой неприязнью, а на третий всё-таки попыталась убедить молодого послушника, что дополнительный кусок хлеба едва ли способен уничтожить Избранную Трёх.

Именно в этот момент в комнату вошла Верховная жрица Лир.

Послушник мгновенно приобрёл выражение человека, которого только что поймали на участии в заговоре против храмовой лечебницы.

— Он ничего не сделал, — сообщила я прежде, чем бедняга успел открыть рот.

— Я уже начинаю подозревать обратное.

— Он просто принёс воду.

Послушник энергично кивнул.

— Только воду, Верховная жрица.

Я посмотрела на него.

— Какая впечатляющая преданность под давлением.

Он побледнел ещё сильнее.

Верховная жрица Лир прикрыла глаза, словно обращалась к своей богине с просьбой ниспослать ей терпение, затем забрала с подноса чашку и протянула мне.

— Через два часа тебя покормят снова. Если до этого времени в комнате появится дополнительная еда, я лично проведу для тебя лекцию о последствиях переедания после длительного голода. С наглядной демонстрацией целительской диагностики.

Я приняла воду.

— Жестокий метод образования.

— Зато хорошо запоминается.

Спорить с женщиной, которая одновременно была Верховной жрицей Богини Жизни, сильной целительницей и фактически контролировала мой доступ к кухне, было неразумно.

Тело действительно восстанавливалось быстрее, чем я ожидала, хотя понятие «быстро» в данном случае оставалось относительным. Через три дня я уже могла спокойно дойти до ванной, самостоятельно одеться и провести на ногах несколько часов, но худоба никуда не исчезла.

Утром перед тестированием я долго рассматривала себя в зеркале.

Из отражения смотрела девушка, которую хотелось сначала накормить, потом уложить спать и только после этого спрашивать, как она вообще сумела ночью пройти через половину

Аэстрана. Острые скулы придавали лицу болезненную резкость, ключицы слишком заметно выступали под кожей, запястья казались тонкими до нелепости, а длинные чёрные волосы, несмотря на то что их уже вымыли, расчесали и аккуратно подрезали повреждённые концы, выглядели почти слишком тяжёлыми для тонкой шеи.

Только глаза совершенно не соответствовали остальному.

Яркие, фиолетовые, с едва заметными золотистыми искрами возле зрачков, они смотрели из слишком худого лица так, будто тело ещё не успело понять, что должно быть слабым.

В дверь постучали.

— Войдите.

В комнату вошла Верховная жрица Аэлиры.

За несколько дней я успела заметить, что служительница Богини Смерти передвигалась по храму настолько тихо, что многие послушники обнаруживали её присутствие лишь тогда, когда исправлять проступок было уже поздно. Высокая, спокойная, почти всегда в чёрном с серебряной вышивкой, она удивительным образом соответствовала моим представлениям о Верховной жрице Аэлиры, хотя никакой нарочитой мрачности в ней не было.

— Как себя чувствуешь?

— Как человек, которого три дня кормят по часам и выпускают только до ванной и библиотеки.

— Значит, значительно лучше.

— Смелый вывод.

Уголок её губ чуть дрогнул.

— Верховная жрица Лир считает, что сегодня тело уже выдержит повторное тестирование.

За прошедшие дни жрецы успели поднять моё старое личное дело. Прежняя Иллирис, как и любой астериар, проходила обязательное определение дара в пятнадцать лет. Запись сохранилась в храмовом архиве, но после смены души, благословения Троиц и появления божественной печати прежний результат мало что мог сказать о моём нынешнем состоянии.

— Если, конечно, ты передумала, — добавила Верховная жрица Аэлиры.

Я повернулась к ней.

— После того как сами боги сообщили, что моей силы достаточно, чтобы им пришлось ограничивать её печатью? Разумеется. Совершенно потеряла интерес.

— Иногда ты могла бы отвечать просто «нет».

— Тогда вам станет скучно.

По выражению её лица было видно: именно этого она опасалась меньше всего.

Мне выдали простую одежду — длинную светлую тунику, мягкие брюки и удобную обувь. Никаких торжественных мантий или символических украшений не потребовалось, чему я была искренне рада. Если ритуал должен был показать мою магию, мне хотелось хотя бы не выглядеть участницей дешёвого театрального представления.

Верховная жрица Аэлиры повела меня в ту часть храмового комплекса, куда раньше я не заходила.

Центральный храм оказался значительно больше, чем я успела понять в первую ночь. Галереи расходились в разные стороны, соединяя молитвенные залы, лечебницы, библиотеки, архивы и внутренние дворы. Мы шли всё глубже, пока цветной свет витражей не сменился ровным свечением рун в стенах, а шаги не начали глухо отражаться от камня.

— Насколько далеко мы спускаемся?

— Под главный храмовый зал.

Я посмотрела на очередной поворот лестницы.

— Очень располагает к спокойствию.

— Боишься?

Насмешки в вопросе не было, поэтому я тоже ответила без привычной игры.

— Не ритуала. Не люблю находиться там, откуда не знаю выхода.

Верховная жрица на мгновение задержала на мне взгляд.

— Дверь останется открытой до начала теста. После активации зал на несколько минут запечатается, чтобы возможный выброс маны не повредил внешние контуры. Если решишь отказаться, достаточно сказать до начала.

Мне всё больше нравилась привычка храма проговаривать такие вещи заранее.

На Земле слишком многие взрослые считали достаточным объяснение «так надо».

— Не откажусь.

— Знаю. Но решение всё равно должно быть твоим.

В конце лестницы нас ждала высокая двойная дверь из почти белого камня. Ни ручек, ни замков я не увидела. Верховная жрица приложила ладонь к углублению в центре, серебряные линии вспыхнули вокруг её пальцев и разбежались по створкам, складываясь в три соединённых символа.

Дверь разошлась бесшумно.

За ней находился круглый зал с высоким куполом, верхняя часть которого терялась в мягком полумраке. Пол из тёмного камня покрывала сложнейшая сеть рун. Тысячи тонких линий расходились от центра концентрическими кругами, соединялись, разделялись, уходили к стенам и поднимались по ним вверх.

В трёх равноудалённых друг от друга частях зала стояли высокие каменные плиты.

Одна — почти чёрная, с серебряными прожилками.

Вторая — белая, с едва заметным золотисто-зелёным сиянием внутри.

Третья — тёмно-красная, будто в самом камне застыл слабый огонь.

Они представляли Троиц, но не были их изображениями.

В центре возвышалась круглая площадка, а над ней на высоте груди медленно вращалась прозрачная сфера размером примерно с мою голову. Внутри ничего не было, но она искажала окружающий свет так, словно рядом изгибалось само пространство.

У плит уже ждали Верховная жрица Лир и Верховный жрец Ариса.

Последний внимательно осмотрел меня с головы до ног.

— Всё ещё худая.

— И вам доброе утро.

— Это наблюдение.

— Тогда оно лишено новизны. Я уже знакома с зеркалом.

Верховная жрица Лир тяжело вздохнула.

— Вы двое хотя бы во время ритуала способны не начинать?

— Я ничего не начинал, — невозмутимо ответил Верховный жрец Ариса.

Я посмотрела на его коллегу.

— Кажется, начинаю понимать распределение ролей между вами.

Верховная жрица Аэлиры прошла к своей плите.

— Не делай поспешных выводов. Иногда Верховная жрица Лир значительно опаснее нас обоих.

— Особенно в вопросах дополнительного хлеба.

Верховный жрец Ариса рассмеялся.

Напряжение немного отпустило.

Наверное, именно этого они и добивались.

Я поднялась на центральное возвышение и рассмотрела сферу с близкого расстояния. По её поверхности проходили тончайшие руны, почти незаметные, пока свет не падал под определённым углом.

— Что делать?

Верховная жрица Аэлиры остановилась напротив.

— Положишь обе ладони на сферу. Самостоятельно магию не вызывай. Артефакт найдёт резерв и позволит мане пройти через систему рун. Мы втроём удержим контур и считаем доступный результат.

— Доступный из-за печати?

— Именно. То, что находится за божественной печатью, ритуал трогать не должен.

Мне понравилось слово «должен».

— Есть вероятность, что он всё-таки попробует?

Трое Верховных жрецов переглянулись.

Я подняла брови.

— Вот теперь уверенности стало значительно меньше.

— Обычное тестирование полностью безопасно, — ответил Верховный жрец Ариса.

— Я уже начинаю подозревать, что слово «обычное» сегодня особенно важно.

Верховная жрица Лир заговорила мягче:

— Контур этого зала рассчитан на значительно более сильные выбросы, чем способен дать стандартный тест. Даже если твоя магия окажется нестабильной, защита должна удержать её.

— Снова «должна».

Верховная жрица Аэлиры посмотрела вверх, на купол.

— В крайнем случае у управляющего храмом появится очень плохой день.

— Теперь спокойна.

Я встала перед сферой.

Несколько секунд не касалась её.

До этого магия существовала для меня как факт. Я видела световые кристаллы и руны, чувствовала работу целительства, случайно вызвала крохотную фиолетовую вспышку в первую ночь, но всё это ещё не стало по-настоящему моим.

Магия принадлежала Астериону.

Телу.

Богам.

Сейчас мне впервые предстояло понять, какое место в этом занимала я сама.

Я положила ладони на сферу.

Сначала ничего не произошло.

Затем от трёх каменных плит одновременно вспыхнули линии. Серебристые, золотисто-зелёные и красно-золотые потоки побежали по полу, переплетаясь в сложном рисунке, пока не достигли центрального круга.

Тепло поднялось по ступням.

Я вздрогнула.

Где-то глубоко внутри тела откликнулось то, чему не существовало земного анатомического названия. Из книг я уже знала, что резерв нельзя представить отдельным физическим органом: он был магической структурой, связанной одновременно с телом, каналами и душой.

Сейчас я чувствовала его так отчётливо, словно внутри появилось второе сердце.

— Не сопротивляйся, — спокойно произнесла Верховная жрица Лир. — Просто дыши.

Я сделала вдох.

Сфера вспыхнула.

Фиолетовым.

Сначала свет был мягким, почти прозрачным, но быстро стал насыщеннее. По поверхности побежали тонкие нити, цвет углубился до тёмного аметиста, а по руническому контуру вокруг меня прошла дрожь.

Красно-золотые линии от плиты Ариса немного отступили.

Золотисто-зелёные замкнули внешний круг.

Серебряные вспыхнули особенно ярко.

А потом я почувствовала огонь.

Не вокруг себя.

Внутри.

Он не жёг.

Напротив.

Был настолько естественным, что на мгновение исчезло ощущение чужого тела, чужого мира и даже трёх смертных жрецов вокруг. Перед внутренним взглядом открылось огромное пространство, заполненное фиолетовым пламенем, и я почему-то сразу знала: оно моё.

Послушное.

Ждущее.

Я инстинктивно потянулась к нему.

— Иллирис, не надо! — резко произнёс Верховный жрец Ариса.

Поздно.

Огонь ответил.

Фиолетовое пламя охватило сферу и взвилось вверх.

Защитные контуры сработали мгновенно. Полупрозрачные барьеры поднялись между центральной площадкой и Верховными жрецами, руны на стенах вспыхнули, а воздух задрожал от силы.

Пламя не разлетелось по залу.

Оно закрутилось огромной спиралью, поднялось на несколько метров и ударило в невидимый защитный купол.

Камень под ногами завибрировал.

Я смотрела вверх и не могла отвести взгляд.

Огонь был прекрасным. Тёмно-фиолетовый у основания, он становился ярче к краям, уходил в аметистовый и почти лиловый, а между языками время от времени проходили настолько тёмные прожилки, что казались провалами в самой реальности.

Но красота была далеко не главным.

За ней находилась сила.

Я ощущала её всем телом и одновременно знала: это не всё.

Гораздо глубже стояло что-то плотное и холодное — божественная печать. Она не была отдельной стеной, которую можно увидеть, но чувствовалась именно так: огромная закрытая дверь, удерживающая большую часть того, что находилось за ней.

И даже сквозь неё наружу проходило достаточно силы, чтобы защитная система Центрального храма работала на пределе.

По-настоящему меня испугал именно этот момент.

Не чужой враг.

Не неизвестный мир.

То, что принадлежало мне.

— Иллирис! — голос Верховной жрицы Аэлиры прорезал гул. — Перестань тянуться к огню. Не дави на него. Просто отпусти.

Я попыталась заставить магию исчезнуть.

Пламя вспыхнуло ярче.

Разумеется.

На Земле меня учили контролировать тело под адреналином, не бороться с собственной реакцией, а подчинять её дыханию и действию. Здесь принцип оказался неожиданно похожим.

Я перестала пытаться подавить огонь.

Сделала медленный вдох.

Ещё один.

И позволила ему уйти.

Пламя дрогнуло.

Спираль начала уменьшаться, сначала медленно, затем всё быстрее. Через несколько секунд над сферой остались лишь небольшие фиолетовые языки, потом исчезли и они.

Руны постепенно погасли.

Зал снова стал тихим.

Я убрала ладони.

Пальцы дрожали.

В груди появилось странное чувство опустошения, хотя настоящего истощения не было.

Несколько секунд никто не говорил.

Потом Верховный жрец Ариса негромко выругался.

Я повернула голову.

— Жрецам разрешается?

— В таких случаях — да.

— Тогда у меня тоже накопилось несколько подходящих выражений.

— Не надо, — устало попросила Верховная жрица Лир.

Когда защитный барьер исчез, она подошла ко мне и взяла за запястье, проверяя состояние. На этот раз я даже не напряглась.

Верховная жрица Аэлиры оставалась возле чёрной плиты и внимательно смотрела на погасшие контуры.

— Божественная печать удержалась полностью.

Я перевела взгляд на неё.

— То есть всё это было ограниченной частью?

Трое Верховных жрецов посмотрели на меня.

Вот теперь стало действительно неудобно.

— Да, — ответил Верховный жрец Ариса.

Я медленно посмотрела на сферу.

— А насколько ограниченной?

— Определить невозможно, — сказала Верховная жрица Аэлиры. — Печать не просто уменьшает объём доступной маны. Она отделяет большую часть силы отдельным контуром, к которому испытательный артефакт не имеет доступа.

Я вспомнила закрытую дверь внутри резерва.

— То есть вы видите только то, чем я могу пользоваться сейчас.

— Именно.

— И этого уже хватает, чтобы трясти подземный зал.

Верховный жрец Ариса кивнул.

Мне внезапно захотелось сесть.

Я опустилась на край площадки и посмотрела на ладони.

Никаких ожогов.

Никаких следов.

В прошлой жизни я знала оружие очень хорошо. Понимала отдачу пистолета, дальность винтовки, радиус поражения взрывчатки и последствия неправильно выбранной дистанции. Оружие было опасным не потому, что выглядело страшно, а потому что цена ошибки всегда оставалась реальной.

Теперь источник этой ошибки находился внутри меня.

И это нравилось значительно меньше, чем могло бы понравиться человеку, мечтавшему о силе.

— Стихийное направление очевидно, — произнесла Верховная жрица Аэлиры.

— Огонь, — добавил Верховный жрец Ариса. — Но такого огня я раньше не видел.
— Боги называли его Мифическим.
В комнате повисла новая пауза.
Верховный жрец Ариса медленно выдохнул.
— Конечно.
— Вас это смущает?
— После сегодняшнего меня уже почти ничего не смущает.
Верховная жрица Аэлиры подошла ближе.
— О названии огня пока никто не должен говорить, кроме нас четверых.
— Согласна.
— В документах укажем только стихийное направление и высокий резерв.
Я подняла брови.
— Высокий?
— Формулировка «не поддаётся полному измерению из-за божественной печати» привлечёт именно то внимание, от которого Трое пытались тебя защитить.
— Тогда высокий звучит прекрасно.
— И ещё одно, — сказала она. — Самостоятельно пределы силы не проверяешь.
Я посмотрела на неё.
— Даже обидно, насколько быстро вы обо мне составили мнение.
— За три дня ты пыталась договориться о дополнительной еде в обход целителя и сегодня инстинктивно потянулась к неизвестной силе во время ритуала.
— Когда вы перечисляете это так, звучит хуже.
— Именно поэтому перечисляю.
Верховный жрец Ариса усмехнулся, но ничего не добавил.
Я снова посмотрела на сферу.
— Хорошо. Пока без экспериментов.
На этот раз никто не потребовал обещания.
Наверное, уже поняли, что проще следить.
Комната, которую мне выделили в закрытой жилой части храма, была небольшой, но после общих спален двух разных приютов казалась почти неприлично роскошной. Светлые стены, большое арочное окно, кровать с нормальным матрасом, письменный стол, шкаф, несколько полок и кресло возле окна.
Из комнаты вела дверь в личную ванную, где горячая вода подавалась через встроенный в стену рунический контур. В первый же день я минут десять экспериментировала с температурой и в итоге получила почти кипяток, после чего решила, что технологическое любопытство тоже нуждается в умеренности.
Но больше всего мне нравилась дверь.
Она запиралась изнутри.
Обычным механическим замком и магическим контуром доступа, который позже привязали к моей мане.
В первую ночь я проверила замок четыре раза.
Потом ещё раз уже из кровати.
Через неделю стала проверять один раз.
Через несколько месяцев иногда закрывала дверь машинально и забывала об этом.
Наверное, именно тогда храм начал превращаться из убежища в место, где я действительно могла спать.
Поначалу мой мир ограничивался жилым крылом, небольшой закрытой библиотекой и внутренним садом. Основная библиотека храма занимала несколько этажей, но даже та, куда меня допустили сразу, содержала столько книг, что мне хватило бы на годы.

Во внутреннем саду росли деревья с серебристой листвой, цветы, названий которых я ещё не знала, и несколько лекарственных растений, которые Верховная жрица Лир однажды пригрозила лично пересчитать после того, как увидела мой слишком заинтересованный взгляд.

Первые месяцы тело продолжало восстанавливаться, а я училась жить в мире, где почти всё казалось одновременно знакомым и неправильным.

Моя первая настоящая ссора с храмом случилась из-за грязной тарелки.

Я закончила завтрак и понесла посуду к маленькому столику возле двери как раз тогда, когда вошёл молодой послушник. Он остановился, увидел тарелку в моих руках и словно получил личное оскорбление.

— Иллирис, оставьте, пожалуйста.

— Я и оставляю.

— Я сам заберу.

— Ты только что пришёл. Я уже стою.

Он шагнул ко мне.

— Это моя обязанность.

Я посмотрела на столик в трёх шагах.

— А мне религия запрещает нести тарелку?

Послушник растерялся.

На следующий день две девушки поймали меня за тем, что я сама складывала чистую одежду в шкаф.

Через день я решила убрать пыль с письменного стола простейшим бытовым заклинанием из детского учебника.

В тот же вечер в мою комнату пришли все трое Верховных жрецов.

Я посмотрела на них поверх книги.

— Кто умер?

Верховный жрец Ариса кашлянул.

Верховная жрица Лир поджала губы.

Верховная жрица Аэлиры сказала:

— На тебя жалуются послушники.

Я медленно закрыла книгу.

— На меня?

— Ты не позволяешь им выполнять порученную работу.

Несколько секунд я просто смотрела на неё.

— Я убрала собственный стол.

— Перед этим сама отнесла посуду, пыталась менять постельное бельё и вчера пошла на кухню за водой, хотя тебе велели не ходить далеко без необходимости.

— Я дошла.

— На обратном пути тебя нашли сидящей на подоконнике.

— Отдыхала.

Верховная жрица Лир села напротив.

— Потому что не могла идти дальше.

Меня раздражало то, что она была права.

Ещё сильнее раздражало понимание того, почему именно это было для меня настолько важно.

— Я не привыкла, что меня обслуживают.

Слова прозвучали резче, чем хотелось.

В комнате стало тише.

Я отвела взгляд к окну.

— На Земле с восемнадцати лет я делала всё сама. До этого жила в приюте, где никто не бегал за мной с чистыми полотенцами. Здесь каждый раз, когда пытаюсь донести чашку до двери, кто-нибудь смотрит так, будто я оскорбила весь храм.

Верховная жрица Лир ответила не сразу.

— Тебе неприятно принимать помощь.

— Мне неприятно быть беспомощной.

— Это не одно и то же.

— Пока ощущается одинаково.

Она немного помолчала.

— Тогда договоримся. Всё, что не отнимает у тебя лишних сил, можешь делать сама. Одежду складывай, книги перекладывай сколько угодно. Бытовую магию изучишь с наставником, чтобы не спалить себе стол. Но питание и тяжёлую уборку пока оставишь послушникам.

— Насколько «пока»?

На этот раз ответила Верховная жрица Аэлиры:

— Пока не восстановишься полностью. И даже после этого часть работы останется за ними. Забота о нуждающихся входит в их обучение.

Я уже собиралась возразить, когда она добавила:

— Ты не позволяешь им выполнять работу не потому, что помощь тебе совсем не нужна. Тебе просто трудно принимать заботу, которую не пришлось заслуживать.

Я медленно посмотрела на неё.

— Очень неприятная привычка — говорить правду в лицо.

— Мне говорили, тебе она тоже свойственна.

Верховный жрец Ариса всё-таки рассмеялся.

На этом мы заключили перемирие.

Я перестала вырывать подносы у послушников.

Они перестали трогать книги, которые я оставляла раскрытыми на столе.

Через несколько месяцев один особенно смелый юноша иногда ставил рядом с завтраком дополнительную булочку и сообщал, что ничего не видел.

Я тоже ничего не видела.

По мере того как тело крепло, жизнь постепенно заполнялась занятиями.

Наставник по истории и государственному устройству очень быстро понял, что стандартная программа со мной не работает. На первом уроке он принёс карту Эйдара, указал на Королевские земли и начал рассказывать об административном устройстве центральной части материка.

Минут через сорок я спросила:

— Почему островные герцогства обладают большей автономией, чем материковые маркизаты, если формально и те и другие подчинены короне?

Он замер с указкой.

— Мы ещё не дошли до вассальной системы.

— Но в книге о становлении королевства написано, что островные дома сохраняли собственные армии и морские порты ещё до окончательного объединения.

Он медленно опустил указку.

— Ты прочитала книгу, которую я оставил вчера?

— Да.

— Там почти восемьсот страниц.

— Приложения заняли много места.

Наставник снял очки и некоторое время смотрел на меня.

— Иллирис, я собирался преподавать тебе этот курс два года.

— Можно быстрее.

После долгой паузы он убрал начальную карту и достал из шкафа другую, куда более подробную.

— Хорошо. Тогда попробуем иначе.

Так началась одна из моих любимых частей новой жизни.

Мы разбирали законы, старые войны, устройство герцогств и маркизатов, торговые пути, титулы, судебную систему и отношения великих домов с короной. Чем больше я узнавала, тем меньше Астерион походил на красивую сказку, показанную богами после моей смерти.

Здесь тоже существовали жадность, интриги, коррупция, политические браки, войны за влияние и существа, готовые продать любого ради подходящей должности.

Магия не сделала общество добрее.

Просто дала ему другие инструменты.

И странным образом именно это окончательно сделало мир настоящим.

Занятия магией были значительно менее захватывающими.

По крайней мере в начале.

Наставник почти не позволял использовать огонь. Вместо красивых атак я часами училась чувствовать резерв, проводить крошечные объёмы маны по каналам и останавливаться раньше, чем появлялась боль.

Однажды над моей ладонью висел крохотный фиолетовый огонёк размером с монету.

— Хватит увеличивать, — сказал наставник.

— Я могу больше.

— Знаю.

— Тогда почему нельзя?

— Потому что сегодня задача — пятнадцать минут удерживать именно такой размер.

Я посмотрела на огонёк.

— Это скучно.

— Контроль почти всегда скучнее разрушения.

— Несправедливое устройство магии.

— Зато живые маги потом очень его ценят.

Через пять минут рука начала слегка дрожать, а пламя стало то уменьшаться, то расти.

Ещё через несколько минут я вынуждена была признать, что вызвать резкий выброс силы действительно проще, чем удержать маленький огонь совершенно стабильным.

Унижение оказалось педагогически полезным.

К концу первого полугодия тело наконец перестало выглядеть так, будто хороший порыв ветра способен унести меня вместе с одеждой.

И тогда Верховный жрец Ариса занялся физической подготовкой лично.

К этому моменту я уже осторожно тренировалась сама. Начала с растяжки, работы с собственным весом и простейших комбинаций. Сознание помнило движения прежнего тела, но нынешние мышцы не собирались подчиняться чужим воспоминаниям только из уважения к моему опыту.

Это бесило.

Однажды ранним утром Верховный жрец Ариса застал меня во внутреннем тренировочном дворе. Я пыталась выполнить комбинацию ударов, которую на Земле могла повторить почти вслепую.

Он несколько минут наблюдал.

— Левая нога запаздывает.

Я остановилась.

— Спасибо. Не заметила.

— Врёшь.

— Конечно заметила.

— Тогда почему продолжаешь закреплять ошибку?

— Потому что мышцам нужно время.

Он подошёл ближе.

— Мышцам нужно правильное движение. Если тысячу раз повторишь неправильное, получишь тысячу идеально закреплённых ошибок.

Я вытерла лоб рукавом.

— Хотите показать, как надо?

— Сначала хочу понять, что это вообще за техника.

— Из очень далёкого места.

Он поднял бровь.

Тайну моей прошлой жизни знали только трое Верховных жрецов. Мы довольно быстро решили, что посвящать всех наставников в подробности не требуется.

— Вижу, — произнёс он. — У нас ногами работают иначе.

— У вас слишком многие предпочитают стоять перед противником почти честно.

— А ты считаешь это недостатком?

— Любая предсказуемая привычка становится недостатком, если враг её заметил.

Он усмехнулся.

— Покажи ещё раз.

Через двадцать минут я лежала на спине и смотрела в небо.

— Вы сделали это специально.

— Что именно?

— Бросили меня.

— Ты сама потеряла равновесие.

— После того как вы меня толкнули.

— Враг может оказаться ещё менее деликатным.

— Ненавижу преподавателей.

— Я только начал.

Он действительно оказался великолепным учителем.

Верховный жрец Ариса не пытался уничтожить мой земной стиль и построить новый с нуля. Наоборот, заставлял объяснять каждое непривычное движение, проверял его против местных техник и помогал адаптировать к новому телу и магическому миру.

То, что на Земле давало преимущество, здесь иногда становилось смертельно опасным.

Особенно против боевых магов.

Зато привычка работать на короткой дистанции, двигаться грязно и использовать любое доступное преимущество регулярно ставила в тупик тех, кто вырос на местных школах боя.

Мы спорили, тренировались, я часто оказывалась на земле, но постепенно стала замечать, что поднимаюсь быстрее.

Примерно тогда же, в конце первого года, случилась встреча, которая почему-то осталась в памяти гораздо дольше, чем должна была.

Накануне ночью мне снова снился огонь.

Иногда кошмары возвращали горный дом на Земле: выстрелы, кровь на деревянном полу, голос мужчины, которому я доверяла.

В другие ночи я снова становилась маленькой девочкой, прячущейся в дыму, пока женщина с кровью на лице шептала, чтобы я не выходила.

Хуже всего было, когда два набора воспоминаний смешивались.

Я проснулась задолго до рассвета и сразу поняла, что больше не усну.

После холодной воды и чистой одежды стало легче. Я натянула белую рубашку и чёрные брюки, забрала книгу о стихийной магии и ушла во внутренний сад.

До утренней службы оставалось несколько часов.

Моё любимое дерево росло у дальней стены — огромное, с гладким светло-серым стволом и серебряной листвой. Под ним стояла каменная скамья, но я чаще садилась прямо на траву.

Так сделала и сейчас.

Утро было прохладным. На листьях ещё держались капли росы, возле маленького фонтана перекликались птицы, а первые лучи солнца едва начинали пробиваться над крышей галереи.

Я успела прочитать несколько страниц, когда почувствовала взгляд.

Старый профессиональный навык сработал мгновенно.

Я перестала читать, но не подняла головы сразу.

Кто-то стоял у арки.

Не послушник.

Я медленно перевела взгляд.

Первая мысль оказалась до смешного непрактичной.

Красивый.

Очень.

Мужчина был высоким даже по местным меркам, почти под два метра, широкоплечим, сильным, но без тяжеловесности. Тёмная одежда сидела слишком хорошо, чтобы быть дешёвой, хотя сейчас была лишена любых заметных знаков рода или должности. Чёрные волосы чуть вились и доходили примерно до подбородка, а золотистая кожа резко контрастировала с серо-стальными глазами.

Именно глаза заставили меня перестать рассматривать остальное.

В них было слишком много усталости.

Не обычной.

Так смотрят после утраты, которая уже перестала быть новой для мира вокруг, но не для того, кто продолжает с ней жить.

Мне захотелось выглядеть лучше.

Мысль оказалась настолько неожиданной, что я чуть не нахмурилась.

За целый год ни один мужчина в Астерионе не вызывал у меня такого мгновенного физического интереса.

А этот даже не улыбнулся.

Прекрасно.

Я закрыла книгу.

— Если вы пришли на службу, главный зал находится в другой стороне.

Он моргнул, словно возвращаясь издалека.

— Знаю.

Низкий голос.

Разумеется.

— Тогда вы либо потерялись, либо сознательно нарушаете маршрут.

— Мне разрешили находиться здесь.

Я посмотрела внимательнее.

Центральный храм иногда предоставлял внутренние сады тем, кто хотел уединения после закрытых церемоний. И только тогда я вспомнила: накануне вечером в одном из боковых святилищ готовили памятную службу по просьбе высокопоставленного гостя.

Годовщина смерти.

Вот откуда этот взгляд.

Мужчина подошёл и сел у того же дерева, оставив между нами достаточно пространства, чтобы не вторгаться в личные границы. Прислонился спиной к стволу, вытянул длинные ноги и закрыл глаза.

Я смотрела на него несколько секунд.
Потом снова открыла книгу.
Прочитала строку.
Ничего не поняла.
Прочитала ещё раз.
Результат оказался тем же.
Чужая боль мешала не потому, что мужчина что-то делал.
Просто я слишком хорошо знала это состояние.
Наконец я закрыла книгу.
Он открыл глаза.
— Вы ужасно мешаете мне читать.
Серо-стальной взгляд стал чуть более живым.
— Я ничего не говорю.
— В этом и проблема.
На его лице мелькнула тень почти забытой улыбки.
— Обычно мешают именно разговоры.
— Обычно рядом не сидят с таким видом, будто мир уже закончился, но окружающие почему-то продолжают вести себя так, словно этого не заметили.
Глаза мгновенно похолодели.
Я попала точно.
Слишком точно.
Можно было замолчать.
И следовало.
— Простите, — сказала я уже серьезнее. — Не моё дело.
— Да.
Справедливо.
Я снова открыла книгу.
Не прочитала ни слова.
Через несколько секунд тихо выругалась про себя и положила её на колени.
— Я не знаю, кого вы потеряли. И спрашивать не собираюсь.
Мужчина медленно повернул голову.
— Тогда зачем продолжаешь разговор?
— Потому что по вам видно, что сегодня особенно плохо.
Челюсть напряглась.
Я продолжила уже осторожнее:
— Годовщины иногда хуже обычных дней. Все вокруг считают, что прошло достаточно времени, а память почему-то не интересуется календарём.
Он смотрел на меня уже иначе.
— Ты говоришь так, будто знаешь.
— Знаю.
Больше объяснять не хотелось.
Тогда он сказал сам:
— Сегодня годовщина смерти моего брата.
Вот оно.
— Я попросил провести службу.
Я кивнула.
Никаких «мне жаль».
Эту фразу я сама когда-то ненавидела почти физически.
— И теперь все говорят вам, что нужно отпустить?

Он коротко усмехнулся без веселья.

— Среди прочего.

— Время лечит?

В серых глазах мелькнуло раздражение.

Угадала.

— Время ничего не лечит, — сказала я. — Оно просто постепенно учит жить так, чтобы рана не открывалась от каждого движения.

— Очень вдохновляет.

— Я не пытаюсь вдохновить.

На этот раз уголок его губ едва заметно дрогнул.

Вот так он оказался ещё красивее.

Неудачно.

Я отвела взгляд к книге.

— Иногда достаточно прожить один день. Если целый день слишком тяжёлый — несколько часов. А потом в какой-то момент замечаешь: при мысли о человеке первым всплывает уже не день его смерти.

Мужчина замер.

— А что?

Я пожала плечом.

— Какая-нибудь глупость. Любимая еда. Смешная привычка. То, как он ругался или смеялся. И память впервые не только причиняет боль.

Несколько секунд он не отводил глаз.

— Ты слишком молода, чтобы говорить так.

— А вы слишком плохо меня знаете, чтобы делать выводы по лицу.

Почти улыбка.

На одной щеке появилась едва заметная ямочка.

Вот теперь ситуация стала совсем неприличной.

Мне внезапно захотелось, чтобы волосы лежали аккуратнее и рубашка была хоть немного интереснее.

Просто замечательно.

Он отвёл взгляд к фонтану.

— Он был старшим. Всегда должен был...

Фраза оборвалась.

Я не стала заканчивать за него.

Он провёл ладонью по лицу.

— Неважно.

Было важно.

Просто не мне.

— Хорошо.

Мужчина посмотрел с явным удивлением.

— Не спросишь?

— Нет.

— Почему?

— Вы не хотите рассказывать.

— Большинство всё равно спрашивает.

— Большинство любит чужое горе, особенно когда может назвать любопытство сочувствием.

В его лице что-то смягчилось.

Мы снова замолчали.

Но теперь тишина ощущалась иначе.

Солнце поднялось выше. Серебряные листья над нами засияли почти белым, в галереях послышались первые шаги служителей.

Скоро храм наполнится прихожанами.

Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь пришёл и назвал этого мужчину по имени.

Почему-то нравилось, что сейчас он был просто незнакомцем.

Он тоже не спросил моего имени.

И это нравилось ещё больше.

Я поднялась, прижав книгу к боку.

— Уходишь?

— Скоро начнётся служба. Мне лучше не попадаться посетителям.

Он нахмурился, но вопроса не задал.

Хороший признак.

Я сделала несколько шагов и остановилась.

— И ещё одно.

Он поднял взгляд.

— Не позволяйте годовщине стать единственным днём, который остаётся от вашего брата. У него была жизнь до смерти. Она тоже принадлежит вам.

За спиной долго было тихо.

Потом прозвучало:

— Спасибо.

Я всё-таки обернулась.

Боль никуда не делась.

Но теперь мужчина действительно смотрел на сад, а не сквозь него.

Я кивнула и ушла.

Только в комнате обнаружила, что всё ещё держу книгу закрытой.

Положила её на стол и подошла к зеркалу.

Чёрные волосы после сна лежали далеко не идеально, щёки от прохладного воздуха слегка покраснели, белая рубашка выглядела настолько просто, насколько вообще могла выглядеть одежда.

— Разумеется, именно сегодня, — пробормотала я.

Потом рассмеялась над собой.

Я не знала его имени.

Он не знал моего.

В огромном Аэстрани мы вполне могли больше никогда не встретиться.

И всё же серо-стальные глаза запомнились до мельчайшей детали.

Особенно почти случившаяся улыбка.

К двадцатилетию я уже значительно меньше напоминала пациентку храмовой лечебницы и гораздо больше — нормальную молодую женщину.

Юридическое совершеннолетие пришло почти незаметно.

В день, когда официальная опека Центрального храма закончилась, трое Верховных жрецов пригласили меня в небольшую гостиную, где два года назад решалась моя судьба после первой ночи.

На столе лежали документы.

Верховная жрица Аэлиры спокойно сказала:

— С сегодняшнего дня храм больше не является твоим законным опекуном.

Я посмотрела на бумаги.

— Значит, можно наконец сбежать от Верховной жрицы Лир и её режима питания?

— Попробуй, — невозмутимо сказала та.

Верховный жрец Ариса усмехнулся.

— У тебя есть выбор, — продолжила Верховная жрица Аэлиры. — Можешь снять комнаты в городе, продолжить обучение самостоятельно или остаться здесь под храмовым покровительством уже как совершеннолетняя.

Никакого давления.

Никакого напоминания о том, сколько мне дали.

И именно поэтому ответ оказался удивительно простым.

— Я останусь.

Верховная жрица Лир улыбнулась.

— Даже с нашим режимом питания?

— Я научилась добывать булочки нелегальными путями.

— Я знала.

С этого дня почти ничего не изменилось.

И одновременно всё.

Впервые я оставалась в храме не потому, что была несовершеннолетней сиротой, которую взяли под опеку по воле богов.

Я сама выбрала этот дом.

Следующие годы прошли быстрее.

Я свободно перемещалась по Аэстрану, знала город достаточно хорошо, чтобы не заглядывать в карту, могла самостоятельно покупать одежду, отличать честного торговца от того, кто решил втрое поднять цену молодой девушке, и всё меньше обращалась к чужим воспоминаниям ради бытовых мелочей.

Астерион постепенно переставал требовать перевода.

Наставники тоже перестали обращаться со мной как с хрупким пациентом.

На занятиях по магии появились настоящие боевые упражнения, хотя использование Мифического огня по-прежнему держали под строгим контролем. Верховный жрец Ариса дал мне два учебных коротких меча, и, впервые взяв их, я несколько секунд просто наслаждалась знакомым ощущением оружия в руках.

— Подходят? — спросил он.

Я провернула один клинок.

— Рукояти длиннее привычных.

— Привыкнешь.

— Уже собираюсь.

И привыкла.

Магию с клинками мы пока не смешивали.

Огонь жил отдельно.

Оружие — отдельно.

Контроль над каждым я должна была освоить прежде, чем вообще думать о чём-то более сложном.

К третьему году появилась ещё одна проблема.

Деньги.

Не потому, что храм в чём-то отказывал. Наоборот, иногда степень заботы становилась почти абсурдной.

Стоило однажды за ужином упомянуть, что старые сапоги начали натирать, как на следующий день возле шкафа стояли три новые пары.

Я пришла к Верховной жрице Аэлиры с одной из них в руках.

— Нет.

Она подняла взгляд от документов.

— Что именно?

— Вот это.
— Сапоги?
— Три пары из-за одного замечания.
— Две обычные. Третья походная.
— Это совершенно не улучшает ситуацию.
Она отложила перо.
— Тебе нужна обувь.
— Одна пара.
— Портной решил иначе.
— Портной работает на храм.
— И прекрасно знает, что ты уничтожаешь подошвы на тренировках быстрее большинства кадетов.

Я посмотрела на сапоги.
Потом на Верховную жрицу.

— Вы меня балуете.
— Возможно.
Ответ обезоружил.
— Даже отрицать не будете?
— Зачем?

Я вздохнула.
— Мне нужны собственные деньги.

Храмовое содержание было моим по закону и решению жрецов, но ощущалось всё равно чужим. Хотелось иметь средства, заработанные собственными руками, и не объяснять себе каждый раз, что я никому ничего не должна.

Обычная работа с расписанием плохо сочеталась с обучением.
Зато за пределами столицы начинались леса.

В лесах росли редкие травы и водились магические звери.

Первую вылазку Верховный жрец Ариса разрешил только при условии, что пойдёт со мной.

Я спорила.

Он сообщил, что отпускать Избранную Трёх одну охотиться на магических хищников после нескольких лет тренировок — отличный способ потом объяснять Арису, почему храму нужны новые Верховные жрецы.

Спор закончился.

В лесу магия впервые перестала быть учебным упражнением.

Нужно было читать следы, учитывать ветер, экономить силы и видеть окружающее целиком. Первые несколько часов мы вообще никого не встретили, и я уже начала подозревать, что звери получили отдельное предупреждение о моём приходе.

Потом справа хрустнула ветка.

Верховный жрец Ариса поднял ладонь.

Между деревьями появился зверь размером с крупную кошку, если бы природа решила добавить ей костяные пластины вдоль позвоночника и чрезмерно длинные передние клыки.

— Серебряный харт, — тихо сказал мой сопровождающий. — Молодой.

— Насколько опасен?

— Если спросить его самого, думаю, ответ будет оптимистичным.

Харт бросился.

Я ушла в сторону.

Короткий меч оказался в руке одновременно с движением.

Земной опыт и новое тело наконец встретились в реальном бою.

Никакой учебной площадки.

Никакого наставника, который остановит удар.

Зверь развернулся быстрее, чем ожидалось. Когти прошли совсем рядом с бедром.

Я почувствовала знакомую концентрацию.

Не удовольствие от убийства.

Тишину внутри, когда всё лишнее исчезает и остаются только движение, дистанция и следующий выбор.

Я позволила харту атаковать ещё раз.

Ушла внутрь движения и вогнала клинок под переднюю лапу туда, где костяные пластины не закрывали грудь.

Зверь рухнул.

Я отступила и дождалась, пока зверь перестанет двигаться.

Верховный жрец Ариса подошёл, осмотрел тушу, потом меня.

— Огонь не использовала.

— Не понадобился.

— И правильно.

Я посмотрела на него.

— Ожидала другой ответ.

— Ты пришла учиться выживать, а не демонстрировать самый мощный доступный инструмент при каждой возможности.

Мне пришлось признать, что звучит разумно.

Кожу и костяные пластины харта позже купил артефактор.

За них заплатили больше, чем я ожидала.

Через несколько недель наставник по алхимии показал, какие растения можно собирать без вреда для местных участков, как их хранить и какие действительно ценятся мастерами.

Так постепенно появилась система.

Я не превращала лес в личный кошелек и не охотилась ради удовольствия. Раз в несколько недель выбиралась за растениями или на зверя, если его части действительно требовались мастерским.

Это давало деньги.

Практику.

И иногда несколько часов тишины.

К четвёртому году храм окончательно перестал ощущаться временным местом.

Я знала, какая послушница печёт лучшие булочки, какой библиотекарь разрешит забрать редкую книгу на ночь, если пообещать не повредить переплёт, где в саду после полудня больше тени и в какой галерее зимой сильнее всего сквозит.

В городе появились любимые лавки, знакомый оружейник и алхимик, с которым я торговалась настолько регулярно, что это уже стало почти формой дружбы.

Однажды я принесла ему связку редкой травы.

Он осмотрел её.

— Двенадцать серебряных.

— Двадцать.

— Ты решила меня разорить?

— Неделю назад вы продали настой из неё за четыре золотых.

Алхимик замер.

— Откуда знаешь?

— Купила.

— Зачем?

— Хотела узнать цену готового продукта.

Он посмотрел на меня с настоящим возмущением.

— Нечестно.

— Я торгую с вами не первый год. Должна же развиваться.

— Пятнадцать.

— Девятнадцать.

— Шестнадцать.

— Восемнадцать и скидка на восстанавливающие зелья.

Он долго смотрел.

Потом протянул руку.

— Ты ужасная женщина.

Я пожалала её.

— Приятно, когда профессионал признаёт талант.

Собственные деньги дали мне ещё одну маленькую роскошь.

Я позволила себе любить красивую одежду без всякого оправдания практичностью.

Первое по-настоящему дорогое платье купила сама.

Глубокого фиолетового цвета, с приталенным корсетным лифом и лёгкими чёрными рукавами. Оно подчёркивало талию, открывало ключицы ровно настолько, чтобы нравиться мне, и при этом не превращало движение в пытку.

Я примерила его и долго смотрела в зеркало.

Из зеркала на меня больше не смотрела истощённая девушка из приюта.

Тело стало сильным и гибким. Плечи сохранили изящность, но под кожей появилась мышечная линия. Узкая талия, округлившиеся бёдра, ровная светлая кожа, чёрные волосы ниже ягодиц и яркие фиолетовые глаза.

Я увидела себя.

Не чужое тело, которое однажды согласилась принять.

Себя.

Двадцатидвухлетнюю женщину.

Красивую.

И совершенно не собирающуюся делать вид, будто не замечает этого.

Я улыбнулась отражению.

— Наконец-то.

Портниха за спиной встrepенулась.

— Что-нибудь изменить?

— Нет. Именно поэтому.

Пятый год подкрался почти незаметно.

А вместе с ним — Академия Эрдан.

По закону мне, как сироте, всё равно предстояло пройти обязательный отбор и ритуал призыва. Для большинства астериаров попытка связаться с Великим зверем оставалась выбором, но некоторые категории не получали права отказаться.

Я могла бы злиться на это.

Наверное, на месте прежней Иллирис и злилась бы.

Но меня пугала не необходимость ритуала.

Меня пугала возможность, что никто не откликнется.

За пять лет Великие звери так и не перестали казаться одной из самых невероятных частей этого мира. Древние, разумные, свободные существа, которые сами решали, достоин ли конкретный астериар связи.

Ни сила.

Ни храм.

Ни благословение.

Ни статус Избранной Трёх не могли заставить Великого зверя выбрать меня.

В этом была почти болезненно прекрасная справедливость.

За месяц до двадцать третьего дня рождения я снова сидела во внутреннем саду под тем же серебряным деревом.

На коленях лежали документы для Академии.

Рядом — официальное подтверждение храмового покровительства.

Пять лет назад я пришла сюда ночью, едва способная подняться по лестнице.

Теперь тело было сильным, магические каналы достаточно развитыми, а контроль над огнём настолько хорошим, насколько позволяла божественная печать. Я знала историю Астериона, законы, политическое устройство, основы армейской системы, правила этикета, дороги, цены и даже то, в какой таверне возле западных ворот лучше не заказывать рыбу по вторникам.

Мир давно перестал нуждаться в объяснении.

Верховная жрица Лир подошла тихо и села рядом.

— О чём думаешь?

Я посмотрела на документы.

— О том, что пять лет — очень много.

— И очень мало.

— Особенно если первые месяцы почти полностью проспять.

Она улыбнулась.

— Ты бы читала во сне, если бы нашла способ.

— Кстати, такой магии точно нет?

— Нет.

— Серьёзная недоработка Астериона.

Несколько минут мы молчали.

Потом Верховная жрица спросила:

— Академии боишься?

Я подумала.

— Ритуала призыва.

— Разумно.

— Самой Академии — нет.

— Слишком уверенно.

— Я пять лет тренировалась с вашим Верховным жрецом Ариса. После этого преподавателю физической подготовки придётся постараться, чтобы произвести впечатление.

Она рассмеялась.

Я подняла взгляд на серебряную крону дерева.

И почему-то вспомнила другое утро.

Очень высокого мужчину.

Серо-стальные глаза.

Тёмные волосы.

Годовщину смерти брата и тихое «спасибо».

За четыре года я больше его не встречала.

Не искала.

Жизнь просто продолжалась.

Иногда он вспоминался неожиданно: при виде человека с похожими глазами, во время памятной службы, однажды — когда я услышала чей-то смех и вспомнила его почти случившуюся улыбку.

Но воспоминание больше не требовало ничего.

Просто существовало.

Верховная жрица Лир коснулась моего плеча.

— Иллирис?

Я моргнула.

— Задумалась.

— О чём?

— О том, что иногда встречаешь человека один раз, а помнишь почему-то годами. Она посмотрела с гораздо большим интересом.

— Мужчина?

Я повернулась к ней.

— Вы Верховная жрица Богини Жизни.

— И?

— И сейчас совершенно откровенно сплетничаете.

— Служение Лир никак не запрещает любопытство.

— Красивый был.

— Вот видишь. Уже продуктивный разговор.

Я рассмеялась.

Когда-то подобная лёгкость была для меня почти невозможной.

Смеяться, не проверяя, где выход.

Не думать, чего от тебя хотят взамен.

Просто потому, что рядом сидит близкий человек и задаёт слишком любопытные вопросы.

Я собрала документы и поднялась.

Через месяц начиналась следующая часть жизни.

Эрдан.

Ритуал призыва.

Великие звери.

Четыре года обучения.

А далеко впереди всё ещё существовало обещание, данное Троим среди звёзд.

Я его не забыла.

Просто за пять лет оно перестало быть единственной причиной жить в Астерионе и однажды защищать его.

Этот мир больше не принадлежал только трём богам, которые показали его мне после смерти.

Здесь был храм, в котором я сама решила остаться после совершеннолетия. Серебряное дерево в саду, любимые книги, знакомые улицы, наставники, послушники, давно переставшие шарахаться от моих попыток сделать что-нибудь самостоятельно, и трое Верховных жрецов, которые умудрились стать семьёй раньше, чем я вообще поняла, что позволяю этому случиться.

Где-то за стенами храма жил огромный мир, который ещё предстояло узнать до конца.

Но чужим он больше не был.

Астерион стал моим миром.

И если однажды та Тьма, которую мне показали после смерти, действительно придёт за всем этим, ей очень не понравится, что боги решили подарить мне второй шанс.

Глава 4

Иллирис

Вступительные испытания в Академию Эрдан начинались в первые дни осени, и впервые за пять лет я была искренне благодарна создателям порталной сети за возможность не тратить почти две недели на дорогу между Аэстраном и Рейвенхольмом.

Само путешествие меня не пугало. После нескольких лет регулярных вылазок за пределы столицы я любила дороги, леса и редкие часы, когда город оставался далеко позади. Но провести десять дней в компании других поступающих, приехать в Рейвенхольм уставшей и только после этого отправляться на испытания казалось сомнительным способом продемонстрировать разумность.

Портальная арка превращала дорогу в несколько минут.

Благодаря ей утром в день отъезда я проснулась в собственной кровати, спокойно позавтракала и только потом позволила себе признать: сегодня действительно ухожу из храма.

Проснулась я ещё до рассвета и несколько минут лежала неподвижно, слушая знакомую тишину дальней галереи.

Страх перед Академией не было. Испытания скорее вызывали азарт, чем тревогу, а смертельный ритуал призыва находился дальше и сегодня никак не зависел от того, сколько раз я успею нервно перевернуться с боку на бок.

Но комната с самого пробуждения ощущалась иначе.

Светлые стены, книжные полки, кресло возле окна, письменный стол с оставленной вчера чашкой, несколько свёрнутых карт в узком стеллаже и раскрытая дверь в ванную оставались на своих местах. Ничего не изменилось, и всё же я смотрела на привычные вещи так, будто они уже понемногу отдалялись.

Рюкзак стоял возле шкафа. Я собрала его ещё вечером и успела дважды проверить, хотя могла перечислить содержимое по памяти. Документы и деньги лежали в отдельном внутреннем кармане, рядом — письменные принадлежности и два восстанавливающих зелья. Одежда, дорожная накидка, средства первой помощи и несколько мелочей занимали основное отделение. Книга, которую я всё-таки сунула внутрь, несмотря на очевидную бессмысленность такого решения в день вступительных испытаний, добавляла лишний вес и почему-то не вызывала никакого желания её выложить.

Вчера я уже пыталась поднять всё это и обнаружила, что моё тщательно продуманное «только необходимое» подозрительно напоминает попытку украсть часть храмовой библиотеки.

Сегодня легче рюкзак не стал.

Я всё-таки выбралась из постели и первым делом подошла к окну.

Начало осени в Аэстране почти не походило на земную осень, которую помнила моя первая жизнь. Утро было прохладным, но в саду ещё цвели поздние растения, а серебристая листва любимого дерева лишь начинала светлеть по краям. Настоящие дожди придут позже. Пока же над столицей раскинулось чистое небо, и первые полосы света уже проступали у горизонта.

Мир провожал меня красивым утром.

— Очень предупредительно, — пробормотала я неизвестно кому.

Ответа не последовало.

За пять лет я привыкла.

После встречи среди звёзд Аэлира, Лир и Арис больше ни разу не появлялись передо мной так же открыто. Иногда случались вещи, которые хотелось принять за знак: во сне слышался знакомый голос, пламя на алтарях неожиданно меняло оттенок или нужная книга оказывалась именно там, куда я случайно тянула руку. Но доказать, что к этому действительно

причастны боги, а не моё слишком богатое воображение и привычка искать закономерности, я не могла.

Наверное, так было даже лучше.

Они вернули меня к жизни, направили к храму и дали возможность начать заново, но не стояли над плечом каждый день.

Моя жизнь действительно осталась моей.

Горячая вода окончательно прогнала остатки сна. После ванной я ещё какое-то время рассматривала отражение, уже не пытаюсь сопоставить его с истощённым телом, в котором открыла глаза пять лет назад.

Теперь перед зеркалом стояла здоровая взрослая женщина с гибким, хорошо тренированным телом. Мышцы не делали меня массивной, но прекрасно знали свою работу. Рост по-прежнему оставался около ста шестидесяти сантиметров — тело явно не собиралось становиться выше ради удобства будущей военной службы, — зато сила, скорость и выносливость больше не вызвали желания поменяться с кем-нибудь физической оболочкой.

Я высушила волосы бытовой магией, тщательно расчесала и собрала в высокий хвост. Даже так тяжёлая чёрная волна спускалась почти до ягодиц, зато не лезла в лицо и не цеплялась за оружие.

Для дороги выбрала белую рубашку из плотной мягкой ткани, чёрные кожаные брюки, высокий пояс-корсет и сапоги до колен на низком устойчивом каблуке. На первый взгляд всё выглядело достаточно просто, но за пять лет я научилась очень ценить одежду, в которую мастер вплетал действительно полезные руны. Рубашка поддерживала комфортную температуру и легче очищалась, кожа была зачарована на прочность, а подошвы не скользили на мокром камне.

Большую часть вещей я купила сама.

И именно поэтому получала от них совершенно неприличное удовольствие.

Два коротких меча лежали на кровати.

Их поиск когда-то занял почти два месяца и стоил нервов нескольким оружейникам столицы. Большинство местных мастеров почему-то искренне верили, что женщине моего роста нужно либо укоротить хороший клинок до состояния игрушки, либо украсить рукоять так щедро, чтобы противник умер от эстетического потрясения раньше удара.

После третьего подобного предложения я поинтересовалась у хозяина лавки, захочет ли он лично проверить, насколько декоративно смотрится короткий меч возле его сухожилий.

Проверить он отказался.

Зато наконец начал показывать нормальное оружие.

Эта пара была именно такой, какой я хотела: немного короче стандартных местных клинков, отлично сбалансированная, с простыми чёрными рукоятями и защитными чарами на металле. Мечи легко ложились в руки и позволяли работать на близкой дистанции, к которой я привыкла ещё на Земле.

Я закрепила ножны крест-накрест на спине, несколько раз проверила хват и только после этого добавила кинжалы — один на бедре, второй во внутреннем креплении сапога.

Теперь можно было считать, что я одета.

Оставался рюкзак.

Я посмотрела на него с неприязнью.

Он продолжал выглядеть тяжёлым.

— Не начинай.

Рюкзак проявил достойную выдержку и ничего не ответил.

Пространственный артефакт решил бы проблему за секунду, но покупать его самой я так и не собралась. Даже небольшой качественный накопитель пространства стоил столько, что обычная семья могла откладывать деньги годами. За пять лет я заработала достаточно для

независимой жизни, оружия, книг и дорогой одежды, но тратить состояние исключительно ради удобства переноски вещей считала излишним.

В Академии всё равно будет комната.

Мне не требовалось носить с собой половину жизни ежедневно.

Я закинула рюкзак на плечо, почувствовала его вес и уже сделала шаг к двери.

Потом остановилась.

Не из-за рюкзака.

Из-за комнаты.

Я медленно оглянулась.

Пять лет назад меня внесли сюда почти истощённой, избитой и настолько непривычной к чужой заботе, что первые месяцы я воспринимала попытку принести мне чистое бельё как покушение на независимость.

Потом на полках появились мои книги.

На столе поселилась первая совершенно бесполезная ваза, купленная только потому, что понравился цвет. В ящике лежали письма наставников и смешные записки знакомых послушников. На спинке кресла висела любимая накидка, а на деревянной раме окна до сих пор оставалась тонкая царапина от тренировочного кинжала, который я однажды слишком резко метнула не туда.

За две жизни я спала в приютах, съёмных квартирах, гостиницах, дорогой собственной квартире и доме в горах. Почти везде первым делом запоминала выходы, проверяла замки и решала, куда положить оружие, чтобы достать его прежде, чем незваный гость доберётся до кровати.

Здесь необходимость делать это исчезла настолько постепенно, что я даже не заметила момента.

В этой комнате я могла заболеть и не считать слабость смертельной угрозой. Могла заснуть, не прислушиваясь к каждому шагу в коридоре. Могла оставить дверь незапертой днём и не думать, кто воспользуется этим против меня.

А главное — здесь меня ждали.

Наверное, поэтому обычный отъезд в Академию неожиданно отозвался внутри старым воспоминанием о другом утре, когда в восемнадцать лет меня выпустили за ворота земного приюта с документами, небольшими деньгами и пожеланиями удачи.

Тогда за спиной просто закрылась дверь.

Возвращаться было некуда.

Сейчас всё было иначе.

Я подошла к столу и провела пальцами по гладкому дереву.

— Вернись, — тихо сказала я.

Комната не ответила.

Но внутри стало легче.

Я накинула чёрный плащ, застегнула серебристую застёжку и вышла.

Храм уже просыпался. В дальних коридорах открывались двери, послушники готовили залы к утренним службам, а из кухонного крыла тянулся запах свежего хлеба.

В небольшом молитвенном зале между тремя храмовыми крыльями меня уже ждали Верховная жрица Аэлиры, Верховная жрица Лир и Верховный жрец Ариса.

Здесь не проводили большие службы. В помещении стояли лишь три простых алтаря, посвящённые Аэлире, Лир и Арису, несколько чаш, свечи и символы Троицы на светлых стенах.

Верховная жрица Лир первой посмотрела на мой рюкзак.

Потом на меня.

— Сначала поставь его.

— Он не настолько тяжёлый.

— Я не спрашивала.

Я послушно сняла рюкзак и поставила возле скамьи.

Она протянула свёрток.

— В дорогу.

— Я уже завтракала.

— Знаю. Это на потом.

Судя по весу, содержимого «на потом» хватило бы, чтобы накормить небольшую разведывательную группу.

Я заглянула внутрь. Две булочки с мясом, небольшой пирог, яблоки.

— Академия всё-таки кормит кадетов.

— Уверена, ты переживёшь наличие лишнего пирога.

— Ради вас постараюсь.

Верховный жрец Ариса тихо хмыкнул.

— Вот поэтому я говорил не обсуждать еду. Она всё равно получит последнее слово.

— Нет, — спокойно ответила Верховная жрица Лир. — Последнее слово будет у меня, когда она вернёт пустой свёрток.

Я решила сохранить силы для вступительных испытаний.

Шутки помогали удерживать утро нормальным.

Без них прощание слишком быстро стало бы тем, чем действительно являлось.

Я поставила свёрток рядом с рюкзаком и посмотрела на троих астриаров, которые за пять лет каким-то совершенно незаметным образом перестали быть просто Верховными жрецами, исполнявшими волю богов.

Верховная жрица Лир подошла первой. Поправила ворот моей рубашки, хотя тот не нуждался ни в каком исправлении, разгладила пальцами складку и только потом заговорила:

— Не заменяй нормальную еду восстанавливающими зельями. Следи за резервом, особенно во время испытаний. Если получишь ранение, покажись целителю сразу, а не после того, как закончишь всё, что придумала.

— Я умею оценивать ранения.

— Именно это меня и беспокоит. Ты слишком часто оцениваешь их как «пока не умерла».

Я открыла рот.

Передумала.

— Буду осторожна.

— Насколько ты вообще умеешь.

Её глаза стали слишком блестящими.

Верховная жрица Лир крепко обняла меня.

На этот раз тело не замерло даже на мгновение.

Я просто обхватила её за спину.

— Напиши, когда устроишься.

— Напишу.

— Не через неделю.

— В первый день.

— Хорошо.

Я уткнулась носом ей в плечо и тихо сказала:

— Буду скучать.

Её объятие стало крепче.

— Мы тоже.

Когда она отступила, рядом оказался Верховный жрец Ариса.

За пять лет он не стал мягким преподавателем. Всё так же мог загнать меня на тренировке до состояния, когда поднять меч означало отдельную победу, и на каждую жалобу отвечал, что противник моего удобства не оценит.

Но именно благодаря ему новое тело перестало казаться клеткой.

Он научил меня соединять старые навыки с возможностями астриара, перестраивать движения, отказываться от привычек, которые в магическом мире могли закончиться смертью, и сохранять те, что давали преимущество.

Сейчас Верховный жрец Ариса первым делом проверил крепления мечей.

— Не геройствуй без необходимости.

Я подняла бровь.

— Это вы мне говорите?

— Именно тебе.

— Пять лет вы учили меня заканчивать бой максимально быстро.

— Быстро — да. Красиво — нет.

— Я никогда не дерусь ради красоты.

— Поэтому и надеюсь, что Академия получит тебя целой.

Он положил ладонь мне на голову и совершенно бесцеремонно пригладил идеально собранные волосы.

Я тут же отшатнулась.

— Вы только что испортили причёску.

— Значит, теперь готова к дороге.

— Я начинаю понимать, почему вас не ставят отвечать за эмоциональную поддержку.

— Я отвечаю за то, чтобы те, кого эмоционально поддерживали другие, дожили до завтра.

Прежде чем я придумала ответ, он сам притянул меня к себе.

Коротко.

Крепко.

— Если станет действительно опасно, уходи, — произнёс уже без всякой насмешки. — Испытание можно пройти позже. Второй жизни никто не обещал.

От его слов внутри неприятно сжалось.

— Помню.

— Вот и хорошо.

Верховная жрица Аэлиры оставалась последней.

Наши отношения дольше всего выглядели официальными. Она редко прикасалась, никогда не суежилась вокруг меня и не пыталась окружить заботой открыто.

Просто нужная книга однажды оказывалась на столе.

Слишком любопытный чиновник внезапно прекращал задавать вопросы о храмовой воспитаннице без фамилии.

Двери закрытого архива открывались передо мной после короткого: «Я решила, что тебе уже можно».

Сейчас Верховная жрица протянула небольшой металлический вестник.

— Храм Рейвенхольма предупреждён. Настоятель знает только, что ты находишься под личным покровительством Центрального храма. Если понадобится лечение, помощь с документами или место, где можно закрыть дверь и побыть одной, иди туда.

Я приняла вестник.

— Спасибо.

— Ректор Эрдана тоже получил письмо.

Я сразу нахмурилась.

— Зачем?

— Потому что ты важна для нас.

Ответ оказался настолько простым, что на пару секунд выбил из привычного ритма.

Верховная жрица продолжила:

— Никакого преимущества на испытаниях это тебе не даст. Ректор как раз из тех асте-риаров, которых невозможно убедить принять слабого кадета просьбой Верховных жрецов. Поэтому мы и доверяем ему. Но он должен знать, что за пределами Академии у тебя есть семья.

Слово ударило мягче, чем когда-то могло.

— Я не хочу особого отношения.

— Оно в любом случае появится, если кто-то узнает, что последние пять лет тебя лично опекали трое Верховных жрецов Центрального храма.

— Вы меня не опекали пять лет. После двадцати я осталась добровольно.

Трое посмотрели на меня одинаково выразительно.

Я выдержала паузу.

— Хорошо. Возможно, это мало что меняет.

— Совершенно ничего, — сказал Верховный жрец Ариса.

— Жалуйтесь богам.

— Они и устроили всё это, — заметил он.

Я рассмеялась.

И только тогда увидела шкатулку на алтаре Ариса.

Верховный жрец забрал её и протянул мне.

Тёмное дерево, простая серебристая застёжка, никаких украшений.

Я сразу насторожилась.

— Что это?

— Подарок.

— Уже звучит опасно.

— Открой.

— У вас никогда не было хорошего чувства меры в подарках.

— Иллирис.

По тону стало понятно: спор продлится ровно столько, сколько понадобится мне, чтобы всё равно открыть шкатулку.

Я приняла её.

Внутри лежал чёрный браслет.

Тонкий, матовый, без камней, с едва различимой полосой рун по внутренней стороне.

Я узнала тип артефакта мгновенно.

— Нет.

Верховная жрица Аэлиры чуть приподняла бровь.

— Ты ещё ничего не спросила.

— Потому что вижу пространственный браслет.

— Хорошее зрение.

Я вынула его из шкатулки и почувствовала лёгкое сопротивление неактивированной при-вязки.

— Какой объём?

Верховный жрец Ариса на секунду задумался.

— Около шести на шесть.

Я закрыла глаза.

Даже компактный пространственный артефакт стоил дорого.

Такой — неприлично дорого.

— Нет.

— Уже было.

— Я серьёзно.

— Мы тоже.

— Мне не нужен артефакт размером с отдельную комнату.

— Понадобится, — сказала Верховная жрица Лир. — В Академии будут полевые занятия, снаряжение, книги, форма, запасная одежда.

— Существует обычный рюкзак.

— Мы заметили, — спокойно произнесла Верховная жрица Аэлиры, бросив взгляд на мой багаж.

Предательски тяжёлый рюкзак стоял возле скамьи и совершенно не помогал моей позиции.

— Я могла купить маленький сама.

— Могла, — согласилась она. — Но этот уже существует и принадлежит тебе.

— Вы правда заплатили за него?

Верховная жрица Аэлиры посмотрела на меня с невозмутимым спокойствием.

— Нет. Решили украсть из королевской казны.

Верховный жрец Ариса отвернулся.

Я несколько секунд смотрела на неё.

— Это сейчас была шутка?

— Ты задала вопрос, ответ на который знала заранее.

— Пять лет рядом со мной плохо на вас повлияли.

— Возможно.

Я снова посмотрела на браслет.

В прошлой жизни дорогие подарки почти всегда имели цену, которую сообщали позже. Доступ. Лояльность. Услуга. Обязательство.

Даже подарки мужчины, которого я любила, в итоге оказались частью тщательно рассчитанной роли.

Эти трое пять лет давали мне больше, чем я когда-либо умела принимать, и ни разу не выставили счёт.

Почему-то именно поэтому принять ещё один подарок было особенно трудно.

— Я не знаю, как за это отплатить, — тихо сказала я.

Верховная жрица Лир подошла ближе.

— Не надо.

— Так не бывает.

— Бывает. Ты просто слишком долго жила там, где не бывало.

Я посмотрела на неё.

Сильный аргумент.

Ненавижу сильные аргументы.

Верховная жрица Аэлиры произнесла спокойно:

— Прими подарок, Иллирис.

Без требования.

Без напоминания о том, сколько уже сделано.

Я сдалась.

Застегнула браслет на левом запястье и осторожно направила в руны тонкую нить чистой маны. Фиолетовый свет на мгновение прошёл по внутренней стороне металла и погас, закрепляя привязку.

В сознании тут же появилось странное ощущение пространства.

Не комнаты в привычном смысле.

Скорее понимание объёма, находящегося совсем рядом и одновременно нигде в физическом мире.

Я коснулась лежавшей в ладони шкатулки намерением.

Она исчезла.

В следующую секунду я уже чувствовала её внутри созданного пространства.

— Охренеть.

Трое Верховных жрецов посмотрели на меня.

Я вспомнила, где нахожусь.

— Простите.

— Арис слышал значительно хуже, — сказала Верховная жрица Аэлиры.

— Очень значительно, — подтвердил его Верховный жрец.

Я рассмеялась.

И именно в этот момент окончательно поняла, что пора уходить.

Смех ещё не успел исчезнуть, а глаза уже защипало.

Верховная жрица Лир заметила первой.

Ничего не сказала.

Просто раскрыла руки.

Я подошла сама.

Обняла её, потом Верховного жреца Ариса, а затем Верховную жрицу Аэлиры. Последняя на мгновение замерла, словно близость всё ещё была для неё такой же непривычной, какой когда-то была для меня, но почти сразу положила ладонь мне между лопаток.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За всё.

За комнату, еду, книги, лечение, тренировки и сотни маленьких вещей, о которых невозможно рассказать одним списком, потому что именно они незаметно сложились в жизнь.

— За то, что никогда не заставляли рассказывать больше, чем я могла. И за то, что позволили быть просто Иллирис, а не странной душой, которую однажды принесли вам боги.

— Иногда ты очень успешно напоминала именно странную душу, упавшую нам на голову, — пробормотал Верховный жрец Ариса.

Я толкнула его локтем.

Он только крепче прижал меня к боку.

— За две жизни я так и не понимала, почему одно место называют домом, а другое нет, — продолжила я уже тише. — Теперь понимаю.

Голос всё-таки дрогнул.

Раздражало.

Но прятать уже не хотелось.

Верховная жрица Лир погладила меня по волосам.

— Ты не уходишь навсегда.

— Мы будем ждать, — добавила Верховная жрица Аэлиры.

— А если станешь возвращаться слишком редко, — сказал Верховный жрец Ариса, — Верховная жрица Лир сама приедет в Академию.

— И привезу тёплые вещи, — спокойно уточнила она.

Я застонала.

— Убедили. Буду приезжать.

Когда мы наконец разошлись, Верховная жрица Аэлиры посмотрела на три алтаря.

— Осталось попрощаться ещё с кое-кем.

Я поняла сразу.

Трое Верховных жрецов отошли к дальней стене, оставляя меня перед алтарями Трои.

Пять лет назад я совершенно не умела молиться.

За это время выучила храмовые тексты, традиционные обращения и порядок основных обрядов, но, когда хотела говорить именно с Аэлирой, Лир и Арисом, заученные слова до сих пор ощущались чужими.

Поэтому я просто подошла ближе.

— Не знаю, слышите ли вы сейчас. Предположу, что да. Было бы немного обидно узнать, что Центральный храм — единственное место, где собственные боги плохо принимают обращения.

За спиной кто-то едва слышно кашлянул.

Я не обернулась.

— Пять лет назад я согласилась помочь вам потому, что хотела жить. Не из героизма. Вы предложили второй шанс, а я не собиралась благородно отказываться от жизни ради красивой смерти.

Свечи продолжали гореть ровно.

— Тогда Астерион был вашим миром. Красивым, интересным и совершенно чужим. А теперь я знаю, как здесь пахнет воздух после дождя, где в Аэстрани пекут лучшие булочки и почему вечером на западном рынке лучше не покупать рыбу. Знаю законы, историю и достаточно местных ублюдков, чтобы окончательно убедиться: идеального мира вы мне не обещали.

На алтаре Аэлиры едва заметно дрогнул огонь свечи.

Сквозняк.

Наверное.

Я улыбнулась.

— Но теперь здесь есть те, кого я люблю.

Горло снова сжалось.

Я сделала вдох.

— Поэтому обещание остаётся. Только теперь я даю его не потому, что должна вам за вторую жизнь. Если Тьма действительно придёт за Астерионом, я сделаю всё, что смогу, чтобы её остановить. Не ради пророчества и не потому, что вы называли меня Избранной. А потому что этот мир теперь тоже мой.

В зале ничего не изменилось.

Несколько секунд.

А затем по коже прошла едва заметная волна тепла.

Огонёк на алтаре Лир вспыхнул золотистым.

На алтаре Аэлиры — глубоким фиолетовым.

На алтаре Ариса — красным.

Всего на один вдох.

Потом свечи снова стали обычными.

Я медленно улыбнулась.

— Ладно. Будем считать, что услышали.

За спиной никто ничего не прокомментировал.

И за это я любила троих Верховных жрецов ещё немного сильнее.

Вернувшись к скамье, я первым делом отправила в пространственный браслет рюкзак.

Вес исчез мгновенно.

Следом туда отправились свёрток с едой и часть дорожных вещей.

Мечи и кинжалы я оставила при себе. Артефакт оставался полезным ровно до момента, когда оружие требовалось достать быстрее, чем успеешь сформировать намерение.

Я накинула плащ.

На пороге всё-таки обернулась.

Пять лет назад эти трое вышли встречать меня на храмовые ступени, когда я едва могла стоять.

Сегодня я уходила сама.

— До встречи дома.

Верховная жрица Лир улыбнулась. Верховная жрица Аэлиры слегка кивнула, а Верховный жрец Ариса поднял руку в прощальном жесте.

Я вышла прежде, чем снова передумаю взрослеть.

Аэстран встретил прохладным солнечным утром и шумом, который после храмовых коридоров показался почти оглушительным.

По улицам двигались кареты, открывались лавки, у булочных собирались первые очереди. На одной из широких площадей храмовая стража регулировала поток прихожан, а торговцы уже успели разложить товары на прилавках.

Я выбрала дорогу к портальной площади в обход особенно знакомых мест.

Не потому, что боялась передумать.

Просто не хотела проверять, насколько легко можно отложить взросление ещё на час ради любимой книжной лавки.

Портальная площадь занимала пространство размером с небольшой городской квартал. Я бывала здесь много раз, но никогда ещё не видела такого количества астериаров моего возраста.

Поступающих узнавали без труда.

Оружие, документы, напряжённые лица и родственники, пытающиеся в последние минуты сообщить всё, чему почему-то не успели научить детей за двадцать три года.

Сама стационарная арка возвышалась над площадью массивным каменным силуэтом. Огромные опоры, широкий свод и густая вязь рун по внутренней поверхности. Рядом располагались кассы, контроль документов, посты городской стражи и рабочие места артефакторов, следивших за состоянием узла.

Из-за потока поступающих несколько проходов сегодня обслуживали преимущественно направление Рейвенхольма.

Я предъявила документы, оплатила переход и получила металлическую пластину доступа, подтверждающую оплату и право активации арки.

До моей очереди оставалось достаточно времени.

Прекрасно.

Можно было просто спокойно подождать.

Разумеется, именно тогда рядом начался конфликт.

Сначала я не обратила внимания. Два хорошо одетых молодых мужчины разговаривали с третьим. Обычная сцена на переполненной площади.

Потом донеслась фраза:

— Мы просто пытаемся понять, зачем тебе вообще ехать.

Я посмотрела внимательнее.

Третий мужчина был огромным.

Очень высокий, широкоплечий, мощный, словно вся фигура создавалась под тяжёлое оружие. Русые волосы доходили до плеч и были собраны простой кожаной лентой, лицо оказалось неожиданно красивым, а ярко-зелёные глаза смотрели на собеседников спокойно и почти без интереса.

Двое напротив выглядели дороже.

Хорошие дорожные камзолы, качественное оружие, заметные родовые знаки на воротниках.

Первый из них усмехнулся:

— С твоим происхождением шансов всё равно нет.

Высокий мужчина нахмурился.

— Происхождение не влияет на отклик Великого зверя.

Я чуть не улыбнулась.

Он действительно отвечал на сказанное буквально.

— Я говорю не об этом, — раздражённо бросил второй. — Хотя сомневаюсь, что какой-нибудь зверь вообще захочет иметь дело с таким.

Вокруг уже образовалось то особенное пустое пространство, которое появляется возле публичного конфликта. Все делают вид, что не слушают, и при этом не пропускают ни слова.

— Ты не можешь знать, кто откликнется, — спокойно ответил мужчина.

— Ты всегда такой тупой?

Вот теперь тонкость окончательно закончилась.

Высокий всё ещё выглядел так, словно перед ним просто используют особенно слабые аргументы.

Я посмотрела на очередь.

На арку.

Снова на троицу.

Можно было не вмешиваться.

Никакой причины.

Совершенно не моё дело.

Именно с таких мыслей обычно начинались решения, которые потом почему-то становились частью моей жизни.

— По крайней мере, он отвечает на то, что вы говорите, — произнесла я, подходя ближе.

— У вас двоих с этим заметно хуже.

Три головы повернулись ко мне.

Темноволосый высокорождённый смерил меня взглядом сверху вниз.

Из-за разницы в росте ему действительно пришлось заметно опустить подбородок.

— Тебя спрашивали?

— Нет. Поэтому консультация бесплатная.

Где-то рядом кто-то тихо фыркнул.

Зеленоглазый задержал взгляд на мне немного дольше остальных. Без благодарности и без раздражения. Просто оценивал.

Просто оценивающе.

— Иди своей дорогой, девочка, — бросил высокорождённый.

Я улыбнулась.

— Мне двадцать три. А тебе, судя по качеству разговора, около двенадцати. Так что с «девочкой» сейчас получилась интересная ситуация.

Его товарищ перестал ухмыляться.

— Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь?

— Пока с двумя поступающими, которые решили устроить представление у порталной арки. Если у вас есть титулы, которыми полагается пугать окружающих, можете назвать их сейчас.

Первый сделал шаг ближе.

Высокий мужчина переместился почти мгновенно.

Всего на полшага.

Но теперь оказался чуть между нами.

Вот это он понял без дополнительных объяснений.

— Не лезь, — бросил ему высокорождённый.

— Ты подошёл к ней.

— И что?

— Она этого не хотела.

Я чуть подняла бровь.

Сказано было настолько спокойно, будто речь шла о простейшем законе физики.

Высокорождённый покраснел.

— Вы друг друга нашли.

— Мы познакомились секунд двадцать назад, — заметила я. — Но потенциал действительно впечатляющий.

Зеленоглазый посмотрел на меня.

Кажется, не понял, шучу ли я.

Ещё лучше.

Второй мужчина схватил приятеля за локоть и бросил быстрый взгляд в сторону стражи.

В отличие от товарища, он хотя бы умел оценивать аудиторию.

— Оставь. Увидимся на испытаниях.

Первый выдернул руку.

Перед уходом посмотрел на меня.

— Надеюсь, лес тебя пережует в первый же день.

— Я тоже рассчитываю на интересное знакомство.

Он скривился и ушёл.

Товарищ последовал за ним.

Я проводила их глазами и повернулась к высокому мужчине.

Он по-прежнему смотрел на меня.

— Что?

— Зачем вмешалась?

— Они раздражали.

— Они говорили со мной.

— Именно.

Он нахмурился.

— Я справлялся.

— Ты отвечал на каждое оскорбление так, будто они пришли сдавать тебе устный экзамен по логике.

В зелёных глазах появилось лёгкое раздражение.

— Я понимаю, когда меня оскорбляют.

— Наверное. Просто заставляешь оскорбляющего сначала формулировать мысль достаточно чётко.

— Их аргументы были плохими.

Я несколько секунд смотрела на него.

Потом всё-таки рассмеялась.

Мужчина нахмурился сильнее.

— Что смешного?

— Ничего. Просто теперь понимаю, почему они так разозлились. Издеваться над тобой очень трудоёмко.

Он явно собирался уточнить, что именно в этом смешного, когда служащий у линии доступа поднял пластину.

Очередь двинулась.

— Похоже, пора, — сказала я.

Мы оба оказались в одном потоке на Рейвенхолме.

Мужчина пошёл рядом, почти сразу подстроив слишком длинный для меня шаг.

У линии контроля документы проверяли повторно.

Мои печати Центрального храма вызвали у чиновника короткий интерес, но вопросов он не задал.

С документами зеленоглазого всё оказалось немного иначе.

Чиновник задержал взгляд на специальной отметке в регистрационной пластине, и выражение его лица едва заметно изменилось.

Мужчина увидел.

Я тоже.

Никто ничего не сказал.

После проверки мы оказались у самой арки.

— Я Иллирис.

Он повернул голову.

— Рейгар.

Фамилии не последовало.

Я не стала спрашивать.

Если астериар что-то сознательно не называет, далеко не всегда нужно немедленно лезть внутрь.

— Приятно познакомиться, Рейгар.

— Взаимно.

Настолько серьёзно, будто мы только что заключили международное соглашение.

Мне начинал нравиться этот человек.

Впереди артефактор проверил очередной цикл и дал знак.

Каждый проходящий касался активирующей пластины, вливал небольшое количество собственной маны и удерживал в намерении выбранный узел назначения. Арка считывала оплаченный доступ и соединяла путешественника с нужной точкой сети.

Когда подошла наша очередь, внутреннее пространство между опорами уже подрагивало серебристо-синим светом.

— На какой факультет? — спросил Рейгар, пока мы приближались к линии.

— Призывателей.

Он посмотрел внимательнее.

— По своей воле?

Я чуть усмехнулась.

— По закону — нет. Если бы выбор был, всё равно пошла бы.

В его лице впервые появилась настоящая реакция.

— Ты тоже?

— Сирота.

Рейгар немного помолчал.

— Я тоже.

Вот теперь стала понятна отметка в документах.

И разговор высокорождённых.

Я посмотрела на него уже без прежней иронии.

— Значит, нас обоих государство решило познакомить с судьбой в обязательном порядке.

— Тебя это не злит?

— Сам закон? Злит. Ритуал я бы выбрала и без него.

— Почему?

Перед нами оставался один человек.

Я посмотрела на мерцающее пространство внутри арки.

— Потому что Великий зверь всё равно не обязан выбирать меня. Ни храм, ни закон, ни боги не могут заставить его откликнуться. Хочу узнать, найдётся ли тот, кто сделает это сам.

Рейгар медленно кивнул.

— Понятно.

Артефактор поднял руку.

Моя очередь.

Я приложила ладонь к пластине, позволила небольшой нити маны пройти в руны и чётко удержала в сознании Рейвенхольм.

Арка откликнулась холодным касанием.

Пространство перед глазами свернулось в серебристый свет, желудок неприятно подкатил к горлу, словно я резко провалилась вниз, а в следующую секунду сапоги снова коснулись камня.

Воздух изменился.

Стал прохладнее.

Пах хвоей и горами.

Я сделала несколько шагов от принимающей арки и остановилась.

Позади находилась уменьшенная копия столичной портальной площади: арка, посты стражи, помещения артефакторов и зоны ожидания. Впереди начинался город.

А далеко за крышами поднимались горы.

Высокие серые пики тянулись вдоль горизонта.

Где-то там находился Эрдан.

Пять лет подготовки.

И вот я приехала.

— Иллирис.

Я обернулась.

Рейгар уже прошёл следом и стоял неподалёку.

— Что?

Он слегка нахмурился.

— Ты сказала, что не согласна с законом.

— Не согласна.

— Хотя сама хочешь на ритуал.

— Одно другому не мешает. Я могу хотеть прыгнуть в реку и всё равно считать плохой идеей закон, который требует столкнуть туда каждого сироту.

В зелёных глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Обычно говорят, что для сирот это честь.

Я фыркнула.

— Астериары вообще любят называть чужую невозможность отказаться честью. Звучит благороднее.

Он смотрел на меня ещё секунду.

— И что предлагаешь?

— Если нас всё равно заставляют пройти ритуал, предлагаю пережить его назло всем, кто уже заранее записал нас в покойники.

Уголок его губ неожиданно дрогнул.

Почти улыбка.

— Разумно.

— У меня бывают хорошие идеи.

Он посмотрел на мечи за моей спиной.

— Не уверен.

Я медленно подняла бровь.

— Мы знакомы меньше получаса, а ты уже позволяешь себе выводы.

— Ты первой полезла в чужой конфликт.

— Они мешали очереди.

— Нет.

Я рассмеялась.

Кажется, социальные намёки он всё-таки понимал.

Просто не всегда считал нужным на них реагировать.

До открытия ворот Академии оставалось несколько часов. Рейгар собирался сразу идти к дороге на Эрдан и ждать там.

Я после пяти лет жизни в храме и достаточно раннего подъёма не собиралась добровольно проводить свободное утро у закрытых ворот.

— Я посмотрю город.

— Сейчас?

— Он уже существует. Почему откладывать?

Рейгар задумался, словно этот аргумент тоже требовал проверки.

— Если повезёт, увидимся в Академии, — добавила я.

— Если пройдем испытания.

— Мне больше нравится «когда».

Он кивнул.

— Тогда до встречи.

Рейгар ушёл в сторону дороги к Академии.

Я проводила взглядом широкую спину и неожиданно поняла, что действительно надеюсь увидеть его снова.

Очень странный мужчина.

Мне понравился.

Рейвенхольм оказался ровно таким, каким его описывали наставники, и при этом гораздо живее любых книг.

После Аэстрана город казался почти камерным. Большинство домов не поднималось выше двух-трёх этажей. Серый и тепло-коричневый камень сочетался с тёмным деревом, на окнах висели цветочные ящики, над дверями лавок качались вывески. Из открытой таверны пахло жареным мясом и специями.

Неделя поступления явно считалась здесь отдельным праздником.

Улицы заполняли будущие кадеты и их семьи. Торговцы выставили походные наборы, одежду, амулеты «на удачу на испытаниях» и совершенно бесполезные сувениры с изображением Академии. Возле оружейной лавки трое молодых мужчин уже доказывали друг другу превосходство разных клинков, а из таверны доносилось празднование поступления, которого ещё никто не успел заслужить.

Я шла медленно.

Если всё получится, ближайшие четыре года Рейвенхольм станет почти вторым домом.

Мысль нравилась.

Небольшой храм Трёх богов я нашла недалеко от центра. По сравнению с Центральным он выглядел скромно, но знакомое сочетание трёх символов вызывало неожиданно тёплое ощущение.

Теперь у меня действительно было место, куда можно прийти и здесь.

Я уже собиралась идти дальше.

Потом увидела книжную лавку.

На этом разумные планы закончились.

— Только посмотреть, — сказала я себе.

Очень убедительно.

Колокольчик над дверью звякнул.

Внутри пахло бумагой, кожей и старым деревом.

Я была потеряна.

Лавка оказалась значительно глубже, чем выглядела с улицы. Высокие стеллажи занимали стены почти до потолка, на столах лежали свежие издания, а дорогие рукописи хранились за стеклом.

Пожилой хозяин в круглых очках мельком посмотрел на оружие и дорожную одежду.

— В Академию?

— Настолько заметно?

— На этой неделе сюда заходят либо поступающие, либо родители, которые внезапно решили купить детям знания оптом.

— Я не родитель.

— Значит, ещё хуже.

Он вернулся к записям.

Я пошла вдоль полок.

Военное дело, история, артефакторика, алхимия, Великие звери.

У последнего раздела задержалась дольше, но большую часть книг либо уже читала, либо видела значительно более серьёзные исследования в храмовой библиотеке.

Следующий стеллаж был посвящён высокорождённым.

Эта тема тоже казалась знакомой. За пять лет я достаточно изучила высшую знать Астериона, чтобы понимать основные особенности физиологии и права: более сильные резервы, физические способности, регенерация, особенности питания кровью и целая система норм, которые существовали почти исключительно для великих домов.

Я уже собиралась пройти мимо, когда заметила тонкую книгу в тёмно-бордовой обложке.

«Кровь и предназначение. О редких связях высокорождённых домов».

Название звучало достаточно драматично, чтобы победить здравый смысл.

Я вытащила книгу и открыла.

Случайно попала на главу о предназначенных.

О них я читала раньше, но храмовые тексты рассматривали тему в основном с точки зрения закона и истории. Редчайшая связь двух высокорождённых, воспринимаемая как благословение богов. После подтверждения предназначенности политические помолвки и брачные договоры теряли силу, потому что право такой пары считалось выше любых заранее заключённых соглашений.

Этот автор интересовался не законами.

Он описывал саму связь.

Сильное влечение ещё до осознания её природы.

Резкий защитный инстинкт.

Собственнические реакции, которые у разных пар проявлялись по-разному.

Особую жажду крови предназначенного.

Я перелистнула страницу.

— Ничего тревожного, — пробормотала я.

Голос хозяина донёсся откуда-то сверху:

— Если вы о предназначенных, автор ещё старается быть деликатным.

Я подняла голову.

Он стоял на стремянке и переставлял книги.

— Вы читали?

— Сорок лет продаю книги. Иногда приходится.

— Насколько это вообще достоверно?

Хозяин пожал плечами.

— Настолько, насколько можно судить о явлении, с которым большинство высокорождённых никогда не сталкивается. Настоящие предназначенные пары чрезвычайно редки.

Я снова посмотрела в книгу.

— Здесь написано, что окончательно связь закрепляется через принятие крови.

— Да.

— После этого другие романтические и сексуальные партнёры перестают интересовать обоих?

— По свидетельствам самих предназначенных — да.

Я подняла бровь.

— Очень удобно.

— Для кого?

— Для жрецов, законников и супругов.

Хозяин рассмеялся.

— Вы циничны.

— Практична.

— Купите книгу.

— Я только смотрю.

Он посмотрел на раскрытые страницы в моих руках.

— Конечно.

Я прочитала ещё несколько страниц.

Купила.

Хозяин ничего не сказал.

Но выражение лица было совершенно невыносимым.

До открытия ворот Академии оставалось время, улицы были широкими и достаточно спокойными, а я прекрасно умела следить за окружением периферическим зрением.

По крайней мере, именно так я считала.

Я открыла книгу на ходу.

«Первые проявления связи могут долго оставаться нераспознанными. Сильное физическое влечение само по себе не является доказательством предназначенности и требует подтверждения характерной кровной реакцией...»

Разумно.

Я перевернула страницу.

На перекрёстке прошла повозка.

Справа двое детей играли возле фонтана.

Впереди было свободно.

Всё под контролем.

«Особенно осторожно следует относиться к попыткам определить связь только по эмоциональной привязанности или защитным реакциям, поскольку подобное поведение встречается и у обычных...»

Я врезалась в стену.

Тёплую.

Твёрдую.

И совершенно точно дышащую.

Книга едва не вылетела из рук.

Я отшатнулась и схватилась за нос.

— Твою мать.

Перед лицом оказалась мужская грудь.

Очень широкая.

Тёмная рубашка под длинной чёрной курткой.

Я сделала шаг назад и подняла голову, уже собираясь объяснить владельцу этой груди, что останавливаться посреди дороги тоже не лучший способ существования.

Слова исчезли.

Сначала я увидела золотисто-загорелую кожу.

Знакомую линию подбородка.

Чёрные слегка волнистые волосы, теперь уложенные значительно аккуратнее, чем тем утром в храмовом саду.

А потом — серо-стальные глаза.

Что-то резко дёрнулось в груди.

Я знала эти глаза.

Четыре года.

Четыре грёбаных года я ни разу не встретила этого мужчину в огромном Аэстрани и почти убедила себя, что короткая беседа под серебряным деревом останется одним из странных воспоминаний первых лет новой жизни.

А теперь он стоял прямо передо мной.

И смотрел так, словно тоже вспомнил.

Глава 5

Иллирис

Он смотрел на меня так, словно тоже вспомнил.

Несколько мгновений мы просто стояли посреди улицы, нелепо молча, пока Рейвенхольм продолжал жить совершенно обычным утром. Мимо прошла женщина с корзиной, возле соседней лавки торговец распахивал ставни, у фонтана кто-то громко рассмеялся, а я всё ещё держалась за ушибленный нос и разглядывала мужчину, которого четыре года назад встретила под серебряным деревом после памятной службы в память о его брате.

Изменился он заметно.

Тогда я запомнила прежде всего усталость и ту особенную пустоту в серо-стальных глазах, которая появляется после утраты и делает окружающий мир далёким и почти бессмысленным. Сейчас от неё не осталось и следа. Передо мной стоял собранный, сильный и до раздражения привлекательный мужчина почти двухметрового роста, широкоплечий, тренированный, с золотисто-загорелой кожей и чёрными волосами до подбородка. Волосы были уложены с той тщательно созданной небрежностью, на которую обычно требуется гораздо больше времени, чем на честный беспорядок.

Серо-стальные глаза тоже изменились. Теперь в них жило совершенно откровенное веселье.

Особенно после моего очень выразительного «твою мать».

Он скользнул взглядом по ладони, которой я всё ещё прикрывала нос, задержался на раскрытой книге в другой руке и снова посмотрел на меня.

— Я надеялся, что при второй встрече произведу на тебя более сильное впечатление.

Голос не изменился. Низкий, слегка хрипловатый и настолько приятный, что тело отреагировало раньше, чем разум успел напомнить: красивые голоса уже однажды приводили меня к очень плохим жизненным решениям.

— Поздравляю, — ответила я. — Нос до сих пор болит.

Уголки его губ дрогнули, на щеках появились ямочки, и я мысленно выругалась.

Чёрт.

Память за четыре года ничего не приукрасила.

— Я стоял на месте.

— Спорное утверждение.

— Могу найти свидетелей.

— А я могу достать мечи.

Он покосился через моё плечо на рукояти.

— Угрожаешь оружием мужчине после того, как сама в него врезалась?

— Заранее обозначаю распределение ответственности.

— И вся ответственность, разумеется, моя?

— Безусловно.

— Даже несмотря на то, что ты шла по улице с книгой перед лицом?

Я опустила глаза на тёмно-бордовую обложку, всё ещё раскрытую примерно там, где автор с большой серьёзностью рассуждал о редчайших предназначенных связях высокорождённых.

Очень удачно.

Я спокойно захлопнула книгу.

— Не комментируй.

Одна его бровь медленно поднялась.

— Я пока не успел.

— Вот и сохрани этот прекрасный результат.

— Теперь мне особенно интересно.

— Любопытство иногда сокращает продолжительность жизни.

Он чуть наклонился ко мне. При его росте движение получилось особенно наглым.

— А угрозы всегда звучат настолько романтично?

— Ты первым увидел романтику в обещании физического насилия.

— Я увидел название книги.

— И сделал очень неправильный вывод.

— Я ещё никакого вывода не озвучил.

— Продолжай в том же духе.

Он рассмеялся — не усмехнулся и не изобразил вежливое веселье, а действительно рассмеялся, открыто и легко, будто мы не столкнулись случайно после четырёх лет молчания, а продолжили разговор, прерванный вчера.

Я поймала себя на улыбке.

Раздражало.

Мужчина слишком легко создавал ощущение давнего знакомства, хотя четыре года назад мы провели вместе меньше часа. Просто за время того единственного разговора каким-то образом умудрились добраться до тем, куда порой не пускают тех, кого знают годами.

Он перестал смеяться, но улыбка осталась.

— Ты изменилась.

— Очень надеюсь. В прошлый раз я выглядела так, будто затяжной дождь способен стать смертельной угрозой.

Его лицо стало внимательнее.

— Я не только об этом.

— Тогда уточни.

Несколько секунд он рассматривал меня без той привычной мужской оценки, от которой автоматически хочется либо расправить плечи, либо предложить заплатить за представление.

— Ты была очень худой, — произнёс он наконец. — И слишком серьёзной для девушки, которая сидела под деревом с книгой.

— У меня была плохая ночь.

— У меня — день.

Веселье между нами на мгновение исчезло.

Я вспомнила его у серебристого ствола: измученное лицо, закрытые глаза и тихое признание, что сегодня годовщина смерти старшего брата и именно по его просьбе храм провёл памятную службу.

Возвращаться туда не хотелось.

Кажется, ему тоже.

— Зато теперь ты выглядишь гораздо менее склонным портить настроение деревьям, — заметила я.

Ямочки появились снова.

— А ты значительно чаще угрожаешь незнакомым мужчинам.

— Тогда у меня не было мечей.

— Значит, характер не изменился. Улучшилось оснащение.

— Наконец-то правильный вывод.

Он ещё мгновение смотрел на меня, а затем протянул руку.

— Кажется, в прошлый раз мы так и не сделали самого простого. Кассиан.

Я опустила взгляд на большую сильную ладонь с заметными мозолями. Из-под края рукава на запястье выглядывала тонкая полоска старого шрама.

Вложила пальцы в его руку.

Прикосновение оказалось неожиданно приятным. Никакой магической вспышки, никакой мистики — просто тёплая кожа и сильные пальцы, сжавшие мою ладонь ровно настолько, чтобы почувствовать силу, но не давление.

— Иллирис.

Он отпустил не сразу.

— Просто Иллирис?

— Именно.

— Без фамилии?

Я встретила его взгляд. Вопрос прозвучал с любопытством, но без оценки.

— Без неё.

— Хорошо.

Вот и всё.

Ни сочувствия, ни неловкости, ни попытки выяснить, каким образом взрослая девушка оказалась без рода.

Мне понравилось.

— А ты просто Кассиан? — поинтересовалась я.

Веселье в серых глазах стало совершенно неприличным.

— Нарден.

Две секунды я молчала, а потом медленно высвободила руку.

— Конечно.

Он снова рассмеялся.

— Что?

— Ничего. Вселенная просто очень любит издеваться над моей наблюдательностью.

Кассиан Нарден.

Герцог Севера.

Младший сын прежнего герцога, который вообще не должен был унаследовать Север, пока шесть лет назад не погиб его старший брат. Кассиан принял герцогский титул гораздо раньше, чем кто-либо ожидал.

Я знала историю дома Нарден достаточно хорошо, чтобы когда-то несколько занятий подряд разбирать политические последствия неожиданной смены наследника. Знала дату смерти старшего герцогского сына. Знала, что молодой Кассиан вступил в наследование гораздо раньше, чем кто-либо ожидал.

И четыре года назад сидела рядом с ним после памятной службы, совершенно не понимая, кто передо мной.

Наконец две очевидные линии соединились.

— Так вот по кому тогда была служба, — тихо произнесла я.

Кассиан сразу стал серьезнее.

— Ты знала о ней?

— Только то, что какой-то высокопоставленный гость попросил храм провести памятный обряд. Имён мне никто не называл. А тебя я в лицо не знала.

— Ты знала моё имя.

— Конечно. Я пять лет изучала политику Астериона. Просто парадные портреты в хрониках слабо похожи на мужчину, который сидит под деревом после бессонной ночи.

Его губы едва заметно дрогнули.

— Справедливо.

— К тому же я не спрашивала, кто ты.

— Помню.

Ответ прозвучал тихо, и я тоже вспомнила тот разговор.

Большинство спрашивает.

Ты не хочешь рассказывать.

Почему-то оказалось приятно, что для него та встреча тоже не растворилась среди множества других дней.

Я опустила глаза на книгу.

— Значит, герцог Нарден.

— Звучит так, будто ты собираешься потребовать компенсацию за нос из герцогской казны.

— Ещё думаю.

— Могу предложить официальные извинения.

— Насколько официальные?

Кассиан слегка наклонил голову.

— С поклоном.

— Твоим?

— Я рассчитывал на твой.

Я медленно посмотрела на него. Улыбка на красивом мужском лице стала почти невинной.

— Хочешь посмотреть, как я тебе поклонюсь?

— Теперь чувствую угрозу.

— Наконец-то инстинкт самосохранения.

— Значит, поклон отменяется?

— Ты упустил редкую возможность.

— Жаль. Я почти начал надеяться на зрелище.

Вот гад.

Я прищурилась. Кассиан выдержал мой взгляд совершенно спокойно, но что-то в нём изменилось. Веселье никуда не исчезло, просто под ним проступил совершенно осознанный интерес.

Флиртовать этот мужчина умел.

И хуже всего было то, что мне нравилось.

После прошлой жизни физическое влечение само по себе меня не пугало. С ним всё было просто: мужчина красивый, тело реагирует, дальше можно наслаждаться этим фактом или ничего не делать. Настоящие проблемы начинались там, где появлялось доверие.

До доверия между нами оставалось примерно расстояние от Рейвенхольма до противоположного края материка.

Поэтому пока я могла позволить себе удовольствие.

— Ты со всеми женщинами так разговариваешь? — спросила я.

— Нет.

— Обнадёживает.

— Только с теми, кто сначала врывается в меня, затем угрожает двумя мечами и всё равно продолжает стоять рядом.

— Очень неприятная наблюдательность.

— Профессиональная.

— Герцогская?

— Академическая.

Я наконец вспомнила, что вообще-то приехала сюда не для изучения серо-стальных глаз.

— Ты в Эрдане?

— Очевидно.

— Учишься?

— Пока.

— На каком факультете?

Он покосился на мечи за моей спиной, потом на книгу.

— Сначала ты.

— Почему?

— Мне интересно, куда собирается девушка, способная одновременно читать о предназначенных и носить на себе три клинка.

— Четыре.

Его взгляд немедленно опустился ниже.

Я улыбнулась.

— Не ищи. Последний хорошо спрятан.

— Теперь мне ещё интереснее.

— Факультет призывателей.

Шутливость немного отступила.

— По обязательной категории?

Точность вопроса удивила больше, чем его содержание.

— Да. Сирота.

Кассиан коротко кивнул, и я добавила:

— Но если бы закон позволял отказаться, всё равно пошла бы.

— Почему?

— Потому что хочу попробовать.

Теперь он смотрел на меня иначе.

— Ты понимаешь, чем заканчивается ритуал, если никто не откликается?

— Смертью. Я умею читать мелкий шрифт.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Его взгляд стал жёстче, но почему-то это не раздражало.

— Великий зверь не выбирает по фамилии, силе или красивой статистике резерва. Иногда никто не откликается на того, кому все пророчат связь. Иногда отклик получает астериар, от которого никто ничего не ожидал. Никто заранее не знает совместимость душ.

Мне понравилось, что он не заговорил о храбрости, достоинстве и другой красивой ерунде.

— Именно поэтому и хочу пройти ритуал. Если кто-то выберет меня, то потому, что сам решил.

В его лице мелькнуло одобрение.

— Хороший ответ.

— Спасибо за оценку, профессор.

— Пока нет.

— Значит, старшекурсник.

— Четвёртый курс.

— Призывателей?

— Да.

Я улыбнулась медленнее.

— Секция Чёрного Пламени.

Теперь удивился уже он.

— Знаешь структуру факультета?

— Знаю структуру Академии, имя лидера Чёрного Пламени, большую часть известных великих домов и слишком много политических браков. Пять лет обучения не прошли совсем впустую.

— А меня в лицо всё равно не узнала.

— Не порть впечатление.

Он опять рассмеялся, и только тогда я вдруг осознала, насколько близко мы стоим. Расстояние между нами сократилось само собой, без очевидного шага с чьей-либо стороны. Мне приходилось довольно сильно запрокидывать голову, чтобы смотреть ему в глаза, и в общении с высокими мужчинами это обычно раздражало.

Сейчас — нет.

Наверное, потому что Кассиан ни разу не попытался использовать рост, чтобы нависнуть.

Он просто был огромным.

Несправедливая особенность природы.

— Значит, если поступишь, увидимся в Академии.

— Если поступлю.

— Вступительный ты пройдёшь.

Я подняла бровь.

— Это определено после десяти минут разговора?

— Четыре года назад ты заметила моё состояние раньше половины тех, кто знал меня давно. Сейчас носишь оружие так, чтобы правая сторона всегда оставалась свободной для выхвата, и несколько раз перестраивалась на улице, не позволяя прохожим зайти тебе за спину.

Я машинально скосила взгляд вправо.

Кассиан ухмыльнулся.

— Вот зараза.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— Я решил иначе.

— Начинаю вспоминать, почему за четыре года ни разу тебя не искала.

— Потому что не знала имени.

— Не порть красивую версию.

Ответить он не успел.

— Кассиан.

Женский голос прозвучал за его спиной.

Я повернула голову.

К нам приближалась высокая стройная девушка примерно моего возраста. Красивое аристократическое лицо, длинные тёмно-каштановые волосы с красноватым отливом, золотисто-карие глаза и идеально сидящий дорожный костюм глубокого винного оттенка. Даже без знания политических хроник было понятно: девушка привыкла к дорогим вещам и пространствам, где её присутствие замечают.

Кассиан едва заметно напрягся.

Совсем чуть-чуть, но я стояла достаточно близко, чтобы увидеть.

Девушка остановилась рядом.

— Я думала, ты уже ушёл к Академии.

— Передумал.

Она улыбнулась и легко коснулась его предплечья.

По телу прошёл настолько резкий и нелогичный импульс раздражения, что я немедленно разозлилась уже на себя.

Мы с этим мужчиной официально знакомы меньше получаса. Никаких прав ни на его руки, ни на прошлое, ни на настоящее у меня, разумеется, не было. Разум понимал это прекрасно.

Телу понадобилось чуть больше времени.

Кассиан опустил взгляд на женскую ладонь.

— Селин.

Тепла в голосе не было.

Девушка убрала руку сама, словно жест вообще ничего не значил, и только после этого посмотрела на меня. Улыбка стала светской и безупречной.

— Простите. Я, кажется, прервала разговор.

— Немного, — ответила я.

Серо-стальные глаза Кассиана на мгновение блеснули.

Девушка задержала на мне взгляд чуть дольше положенного.

Не обиделась.

Оценила.

Это было интереснее.

— Селин Кайрвен.

Конечно.

Наследница Западной провинции. Дочь маркиза Эдгара Кайрвена. Высокорождённая, сильный боевой маг и одна из наиболее обсуждаемых молодых аристократок королевства. Её имя регулярно всплывало в политических материалах рядом с вопросами будущих союзов Запада.

В том числе с Севером.

— Иллирис.

Я не добавила ничего.

Селин чуть склонила голову.

— Мы раньше встречались?

— Нет.

— Странно. Я обычно хорошо запоминаю воспитанников Центрального храма, если они появляются в высшем обществе.

Сказано было мягко, почти дружелюбно, но смысл пришёлся точно в цель. Она уже заметила храмовую печать на документах, дорогую одежду, оружие и отсутствие фамилии и вместо прямого оскорбления просто дала понять: девушка из храмового покровительства находится не совсем в том кругу, где Селин привыкла её видеть.

Умная.

— Наверное, потому что я редко появлялась там, где от гостей прежде всего требовали правильно представиться, — так же спокойно ответила я. — Обычно предпочитала места, где полезно уметь что-нибудь ещё.

Улыбка на её губах сохранилась. Только золотисто-карие глаза стали внимательнее.

— Академия в этом отношении действительно полезна. Здесь происхождение довольно быстро перестаёт быть единственным преимуществом.

— Именно поэтому я сюда и приехала.

Кассиан не вмешивался, хотя прекрасно слышал каждое слово.

Селин перевела внимание на книгу в моих руках. Название скрыть я уже не успевала.

— Интересное чтение перед вступительными.

— У меня широкий круг интересов.

— Это заметно.

Всего два слова.

А короткого взгляда на Кассиана хватило, чтобы смысл стал совершенно прозрачным.

Я едва не улыбнулась.

— Не беспокойтесь, леди Кайрвен. Пока я всего лишь изучаю теорию.

— Я и не беспокоюсь.

— Тогда мы обе можем спокойно продолжить утро.

Пауза продлилась чуть дольше.

Кассиан тихо хмыкнул.

Селин повернулась к нему.

— Ты собирался идти вместе со мной.

— Нет.

Она не потеряла улыбку.

— Мы обсуждали это на прошлой неделе.

— Ты предложила. Я не согласился.

Вот теперь стало окончательно понятно: между ними есть история.

Какая именно — пока не моё дело.

Селин несколько секунд смотрела на него.

— Ты иногда удивительно буквально воспринимаешь разговоры.

— Только когда их смысл пытаются изменить задним числом.

В её лице на мгновение мелькнул холод.

— Хорошо. Значит, увидимся в Академии.

Она снова повернулась ко мне.

— Удачи на вступительном, Иллирис.

Имя без фамилии прозвучало совершенно нейтрально.

Слишком нейтрально.

— И вам, леди Кайрвен.

Селин чуть склонила голову и ушла — без последнего оскорбления, без истерики и даже не оглянувшись.

Но я почти физически ощущала: разговор она запомнила.

И меня тоже.

— Очень интересно, — пробормотала я.

— Что именно? — спросил Кассиан.

— Ничего, что касается тебя.

— Уже касается.

Я посмотрела на него.

— Даже не надейся.

— На что?

— Что я начну расспрашивать о вашей истории.

— Не начнёшь?

— Нет.

Он несколько секунд молчал.

— Она сказала правду. Мы были близки. Это закончилось.

Коротко.

Без подробностей.

Их я не просила.

— Хорошо.

Кассиан прищурился.

— И всё?

— А что ещё?

— Большинство спросило бы, почему.

— Большинство, видимо, очень любит чужие отношения.

Он тихо рассмеялся.

— Ты совершенно не меняешься.

— Не лъсти.

Я посмотрела на часы над входом в ближайшее административное здание и поняла, что до начала регистрации осталось значительно меньше времени, чем хотелось бы.

— Мне пора.

Улыбка Кассиана исчезла чуть быстрее, чем следовало.

— Уже?

Мне понравилось.

И это тоже раздражало.

— Я приехала поступать, а не развлекать герцога на улице.

— Пока успешно совмещала.

— Наслаждайся воспоминанием.

Я убрала книгу в пространственный браслет. Кассиан проследил движение.

— Хороший артефакт.

— Подарок семьи.

Больше он ничего не спросил.

Ещё один плюс в его пользу, который я совершенно не собиралась сейчас учитывать.

— Рада была наконец узнать твоё имя.

— А я — твоё.

— Четыре года поздновато.

— Зато запомню.

Серо-стальные глаза задержались на мне ещё мгновение.

— Увидимся в Эрдане, Иллирис.

— Если пройду.

— Увидимся.

Уверенность в его голосе была почти наглой.

Я развернулась и направилась к дороге на Академию — не быстрее обычного и не медленнее. Только завернув за ближайший угол, позволила себе выдохнуть и признать очевидное: встреча получилась значительно интереснее, чем я была готова переживать в восемь утра.

И больше всего раздражала даже не Селин.

Её рука на предплечье Кассиана действительно вызвала во мне совершенно необоснованную неприязнь.

Не ревность.

По крайней мере, я пока отказывалась называть это именно так.

Просто слишком красивый мужчина слишком быстро залез под кожу.

Неприятно, но не смертельно.

Я прожила двадцать семь лет на Земле и ещё пять в Астерионе. Как-нибудь справлюсь с одним герцогом и его ямочками.

Наверное.

Эрдан выглядел впечатляюще даже после пяти лет жизни в Центральном храме.

Рейвенхольм стоял в предгорьях, а Академия располагалась выше — на широком каменном плато между рекой и первыми настоящими горными склонами. Дорога постепенно поднималась, и с каждым поворотом передо мной открывалось всё больше огромного комплекса из серого камня, тёмного дерева и высоких башен.

Центральные корпуса возвышались над внешними стенами, между ними тянулись крытые переходы и каменные мосты, на солнце поблёскивали высокие арочные окна. Академия одновременно напоминала древний университет, военную крепость и отдельный город, однажды решивший, что одного назначения ему совершенно недостаточно.

Возле главных ворот собралась огромная толпа. Родственники прощались с поступающими, кто-то в последний момент проверял крепления оружия, служащие Академии разводили потоки кандидатов по регистрационным зонам. Над воротами светилась большая руническая схема комплекса.

Первый контроль пропустил меня во внешний двор, и здесь уличный хаос мгновенно превратился в организованную систему.

Семь длинных регистрационных стоек были расставлены полукругом. Над каждой висел цветной указатель с названием направления. Цвета, судя по всему, использовали исключительно для удобства поступающих: чёрный обозначал факультет призывателей, синий — боевой магии, красный — стихийной, зелёный — целителей. Алхимиков, артефакторов и зачарователей направляли к отдельным корпусам, где их ждали теоретические и практические испытания другого типа.

У чёрной стойки кандидатов было заметно меньше.

И атмосфера отличалась.

Здесь почти не было родителей. Многие либо попрощались ещё за воротами, либо пришли одни. Наверное, перспектива ритуала, после которого часть поступающих никогда не вернётся домой, делала последние минуты слишком личными.

Я заняла очередь и машинально пересчитала ближайшие ряды.

Около семидесяти кандидатов.

Семьдесят живых лиц.

В книгах смертность выглядела цифрой, процентом, строкой в отчёте. Здесь она переставала быть абстрактной.

Некоторые из стоящих рядом скоро умрут.

Возможно, я тоже.

По позвоночнику прошёл неприятный холод, но желания развернуться не появилось.

— Ещё можно передумать? — спросил парень впереди.

Светлые короткие волосы, нервная улыбка и слишком крепко сжатый ремень сумки.

Я посмотрела на него.

— Если ты из добровольной категории, думаю, до самого ритуала.

— А ты?

— Обязательная.

Он сразу понял.

— Сирота?

— Да.

— Я добровольно.

— Тогда решение всё ещё твоё.

Парень посмотрел на чёрный указатель.

— Уже решил.

По голосу было ясно: очень хочет в это поверить.

Я не стала разубеждать.

Очередь двигалась быстро. У стойки проверяли личность, возраст, медицинский допуск, результаты магического тестирования и категорию участия. Тем, кто пришёл добровольно, отдельно подтверждали согласие на смертельно опасный ритуал. У тех, кого закон обязывал пройти отбор, в документах стояла соответствующая отметка.

Когда подошла моя очередь, за столом сидели трое: женщина в чёрном академическом камзоле с серебристой отделкой, мужчина постарше с безупречной военной выправкой и молодой служащий, разбиравший документы.

— Имя?

— Иллирис.

— Фамилия?

— Нет.

Я протянула пакет бумаг.

Молодой служащий увидел печати Центрального храма и едва заметно поднял брови. Женщина справа тоже посмотрела.

Ни одного вопроса.

Профессионалы.

Они быстро проверили храмовое свидетельство личности, подтверждение возраста, медицинский допуск и старые регистрационные данные. Служащий задержался только на отдельной отметке.

— Категория обязательного призыва подтверждена.

— Да.

Женщина взяла результаты магического тестирования.

— Стихийный маг огня. Резерв высокий.

— Верно.

— В случае успешного ритуала какой профиль собираешься развивать?

— Стихийный. Но основной факультет менять не собираюсь. Если Великий зверь откликнется, мне нужна полноценная подготовка призывателя.

В её глазах мелькнуло одобрение.

— Причина?

— Связь со зверем требует отдельного обучения. Магию огня я смогу продолжить развивать как боевой профиль внутри факультета.

Ответ её устроил.

Мужчина в центре положил передо мной свёрнутую карту.

— Тогда слушай правила вступительного. На лесное испытание даётся максимум сорок восемь часов. Это предельный срок, а не обязательное время пребывания внутри зоны. Выполнишь условия и выйдешь к конечному контрольному контуру раньше — экзамен завершится раньше.

— Что оценивается?

— Навигация, выносливость, решения при угрозе, расход ресурсов и маны, использование собственного профиля, состояние на выходе и выполнение основной задачи. Скорость учитывается, но сама по себе высокого результата не даёт. Можно прийти первым и провалиться, если половину пути тебя вытаскивали наблюдатели или весь резерв остался в первом попавшемся звере.

Разумно.

Он развернул карту и указал на отмеченную линию.

— Чёрный лес начинается примерно в полутора километрах от восточных ворот. Каждая группа входит через отдельный сектор. Конечная точка здесь. Маршрут выбираешь самостоятельно.

На карте были обозначены основные перепады высот, крупные водные источники, границы экзаменационной зоны и несколько участков повышенной активности магических зверей.

— Обязательные промежуточные точки?

— Нет. Задача — добраться до конечного контура в установленный срок и сохранить способность продолжать действовать. Мы проверяем не умение идти по проложенной дороге, а способность принимать решения.

Экзамен становился интереснее.

— Помощь другим?

— Разрешена. Умышленное нападение на кандидата — немедленный провал. Самооборона допускается. Объединяться в группы можно, расходиться тоже. Охота на зверей не является задачей, поэтому бессмысленный бой ради демонстрации силы никаких преимуществ не даст.

Женщина положила передо мной небольшой чёрный кристалл в металлической оправе.

— Аварийный сигнал. Сжимаешь, подаёшь ману — ближайшая наблюдательная группа идёт к тебе. Использование автоматически завершает твой экзамен провалом, кроме случаев, когда сигнал подан ради спасения другого кандидата и комиссия признаёт решение обоснованным.

— То есть если я активирую его ради раненого, которого сама не могу вынести, решение будет разбирать комиссия?

— Именно.

Я закрепила информацию в памяти.

— В лесу работают наблюдательные группы, но они не ведут каждого кандидата за руку и не обязаны вмешиваться при любой опасности. Это настоящий лес с настоящими магическими зверями. Пока ситуация остаётся в пределах условий испытания, рассчитываешь на себя.

— А общий сигнал отступления?

— Три протяжных сигнала через контрольные артефакты. Если услышишь — немедленно прекращаешь всё, активируешь аварийный кристалл и выполняешь команды наблюдателей. Причина значения не имеет.

Молодой служащий положил рядом металлическую пластину.

— Вторая группа. Сбор возле дальних ворот через двадцать минут.

— Если закончу маршрут завтра утром?

— Пересечёшь конечный контрольный контур — время остановится. После медицинского осмотра комиссия оценит результат. Если будешь допущена дальше, переходишь к следующему этапу отбора факультета призывателей.

Ритуал.

Желудок на мгновение неприятно сжался.

Вот он.

Уже совсем рядом.

Я забрала карту, пластину и аварийный кристалл.

— Спасибо.

— Удачи.

Отойдя от стойки, я убрала документы в браслет, карту оставила в руке, а кристалл закрепила в отдельном кармане на поясе.

Вторая группа собиралась неподалёку — около двадцати кандидатов.

Селин среди них не было.

Я заметила это автоматически и тут же мысленно одёрнула себя.

Хватит.

Кассиан красивый. Селин умная и неприятно точная. Между ними была какая-то история.

Всё.

Экзамен значительно важнее.

Нас пересчитали, сверили номера и повели через дальние ворота Академии.

Шум остался за стеной почти сразу.

Широкая дорога уходила к тёмной полосе леса. Справа далеко поднимались горы, слева между деревьями временами поблёскивала река. С каждым шагом воздух становился прохладнее, пахло влажным камнем, хвоей и текущей где-то поблизости водой.

Через пятнадцать минут впереди показались высокие каменные столбы, полностью покрытые рунами.

Контрольная граница.

Преподаватель остановил нас перед ней.

— После пересечения внешнего контура время стартует одновременно для всей группы. По прямой до выхода около тридцати километров, но настоящий путь будет зависеть от рельефа и ваших решений. Чёрный лес используется Академией давно, однако безопасным полигоном от этого не стал. Здесь живут магические звери, которые не знают, что вы сдаёте экзамен, и не обязаны облегчать вам задачу.

Несколько кандидатов нервно переглянулись.

— Всё остальное вам уже объяснили на регистрации. Повторю только главное: общий сигнал отступления не обсуждается. Услышали — прекратили всё и выполняете инструкции наблюдателей. Никаких героических идей.

Он оглядел группу.

— Ясно?

Ответ прозвучал почти одновременно.

Руны на столбах вспыхнули.

— Вторая группа. Вперёд.

Я пересекла границу.

На металлической пластине появилась тонкая светящаяся линия.

Время пошло.

Первые минуты почти все двигались вместе.

Ожидаемо.

Кто-то знакомился на ходу, двое мужчин уже спорили над картой, несколько кандидатов решили держаться группой до самого конца.

Я ничего не имела против совместной работы. В определённых условиях несколько бойцов объективно полезнее одного.

Но двадцать незнакомых астериаров, каждый со своим темпом, маршрутом и желанием командовать, скорее напоминали хороший способ потерять время.

Я прошла с ними минут десять, затем ускорила, а ещё через несколько свернула с широкой тропы.

Никто не последовал.

Прекрасно.

Чёрный лес быстро оправдал название.

Никакой мрачной магии или древнего проклятия — просто огромные хвойные деревья с почти чёрной корой и настолько густыми кронами, что дневной свет едва проникал вниз приглушённым зеленовато-серым сиянием. Между стволами поднимались папоротники, толстый мох пружинил под сапогами, кое-где среди корней светились крошечные магические растения.

Красиво.

И совершенно неудобно для навигации.

Я достала карту и, посмотрев на окружавшую меня стену стволов, быстро пришла к очевидному выводу: снизу обзор отвратительный.

Нужна высота.

Подходящее дерево нашлось через несколько минут. Ствол был таким толстым, что его едва обхватили бы трое взрослых мужчин, а нижние ветви начинались достаточно высоко, чтобы подъём хотя бы немного оправдывал пять лет тренировок.

Когда-то я свалилась бы метров через три.

Сейчас тело работало так, как должно.

Я убрала плащ в браслет, проверила крепления оружия и полезла вверх. Пальцы уверенно находили зацепы в грубой коре, ноги принимали вес, мышцы плеч и спины отзывались привычным напряжением.

Через несколько минут я устроилась на толстой ветке примерно в пятнадцати метрах над землёй.

Отсюда лес выглядел иначе. Кроны по-прежнему скрывали большую часть местности, но между ними уже проглядывали горные склоны и дальние ориентиры. На востоке тянулась каменная гряда, южнее блестела река, ещё дальше виднелась светлая полоса скального обрыва.

Я развернула карту на коленях.

Самый очевидный маршрут шёл по широким тропам, затем к реке и через отмеченный переход выводил на северо-восток, почти к конечной зоне. Безопасно, удобно и долго.

Второй срезал расстояние через низину, но болотистые отметки делали его сомнительным.

Третий проходил ближе к предгорьям и заметно сокращал путь, зато пересекал несколько зон повышенной активности зверей.

Слишком очевидный выбор из трёх вариантов мне не нравился.

Я изучила рельеф внимательнее и через несколько минут заметила тонкую линию ручья, спускающегося из гор. На карте он пересекал каменную гряду, а затем поворачивал почти точно в сторону конечной зоны. Официальной тропы рядом не было, и визуальное русло будто упиралось в крутой склон.

Высотные отметки говорили другое.

Если вода проходит через гряду, значит, в камне есть либо ущелье, либо разрыв. А дальше русло сокращало путь минимум на несколько километров.

Возможно, гораздо больше.

Либо удобная лазейка.

Либо место, которое составители карты специально оставили для тех, кто действительно умеет её читать.

Я улыбнулась.

— Вот это уже интереснее.

Перед спуском я решила ещё раз осмотреть землю и услышала голоса.

Трое мужчин шли прямо под деревом.

Судя по одежде — высокорождённые. Дорогие походные ткани, родовые застёжки, отличное оружие.

Меня они не заметили.

Исправлять ситуацию я не собиралась.

— Если пройду ритуал, попрошусь в Чёрное Пламя, — говорил первый. — В другие секции смысла нет.

— Сначала переживи призыв, — ответил второй.

— Переживу. В нашем роду пять поколений призывателей.

Я мысленно вздохнула.

Происхождение могло дать прекрасную подготовку. Деньги. Наставников. Доступ к знаниям.

Совместимость души с Великим зверем оно не гарантировало.

Третий засмеялся.

— Я дракона хочу.

— Как будто выбираешь ты.

Хорошо.

Хотя бы один понимает.

— Если откликнется несколько, возьму дракона.

Я прикрыла глаза.

Вот теперь стало хуже.

— А если дракон не откликнется? — спросил второй.

— Тогда что-нибудь крылатое. Только не мелочь. Старейшина был бы лучше.

Раздражение медленно поднималось внутри.

Великий зверь возвращается в физический мир через связь, принимает часть чужой души, отдаёт часть собственной сущности и сам выбирает астериара по совместимости.

А этот рассуждает так, будто собирается выбирать породистую лошадь.

— А если выберет зверь, который тебе не нравится?

— Откажусь.

Вот теперь я перестала даже мысленно улыбаться.

Надеюсь, Великие звери действительно хорошо чувствуют идиотов.

Троица постепенно ушла дальше. Я подождала, пока голоса полностью растворятся среди деревьев, и только потом спустилась.

Вернув плащ на плечи, ещё раз сверилась с картой.

Северо-восток. Ручей. Каменная гряда.

Вперёд.

Следующие несколько часов прошли легче, чем ожидалось.

Я держала высокий темп, но не бежала. Бег без необходимости в незнакомом лесу — прекрасный способ слишком быстро устать, подвернуть ногу или первой сообщить местному хищнику о своём приближении. Поэтому двигалась широким быстрым шагом, примерно каждые полчаса проверяя направление по карте и естественным ориентирам.

Лес оставался красивым.

И совершенно не безопасным.

Следы зверей встречались гораздо чаще самих хозяев. На одном из стволов четыре глубокие борозды начинались почти на уровне моей головы и уходили вверх. Когти вошли в чёрную кору настолько глубоко, будто дерево было мягкой глиной.

Чуть дальше попалась куча помёта с осколками костей.

Я без всякого стыда обошла территорию широкой дугой.

Экзамен проверял здравый смысл. Попытка лично познакомиться со всем, что способно оставить след размером с мою ладонь, в это понятие точно не входила.

Около полудня я устроила первый настоящий привал.

Небольшая каменная площадка между корнями поваленного дерева давала хороший обзор и не хранила свежих следов. Проверив ближайшие кусты, я достала из браслета еду.

Булочки Верховной жрицы Лир.

Улыбка появилась сама собой.

Первую я съела с таким удовольствием, что мысленно признала: она снова была права.

Как обычно.

Запила водой, дала ногам десять минут отдыха и поднялась. Сидеть дольше смысла не было — мышцы уже начали остывать.

Чем ближе становились предгорья, тем сложнее шёл путь. Склон постепенно рос, между деревьями появлялось всё больше валунов, несколько раз приходилось цепляться руками за корни и каменные выступы.

Зато маршрут работал.

Примерно через час я услышала воду.

Ручей оказался гораздо полноводнее, чем выглядел на карте. Ледяная горная вода неслась между чёрными валунами, падала с небольших уступов и вспенивалась белым.

Я присела на берегу и опустила пальцы.

Холод ударил почти болезненно.

— Охренеть.

Пары секунд хватило, чтобы кисть начало ломить.

Я всё равно умылась.

Ледяная вода мгновенно смыла пот и часть усталости. Капли побежали по шее, пряди у висков намокли и прилипли к коже.

Прекрасно.

Флягу я наполнила через небольшой фильтрующий артефакт, хотя вода выглядела идеально чистой. Опыт очень убедительно учил не путать прозрачность с безопасностью.

И уже собиралась идти дальше, когда на противоположном берегу между мхом заметила знакомое алхимическое растение.

Редкое.

И очень дорогое.

Я несколько секунд смотрела на него.

Потом на карту.

— Нет.

Растение продолжало существовать вызываясь спокойно.

Я прекрасно знала, сколько за него заплатит знакомый алхимик в Аэстрате.

— У меня вступительный экзамен.

Природа не впечатлилась аргументом.

Через минуту я уже переходила ручей по камням.

Аккуратно срезала три зрелых стебля, убрала их в отдельный контейнер пространственного браслета и вернулась к маршруту.

— Это не отвлечение. Это экономическая эффективность пути.

К счастью, свидетелей не было.

Ущелье появилось минут через сорок.

И я сразу поняла, почему официальная тропа проходила далеко в стороне.

Разрыв в каменной гряде действительно существовал, но две каменные стены сходились настолько близко, что местами между ними оставалось всего несколько метров. По дну нёсся ручей, а узкая сухая полоса тянулась вдоль края, временами почти исчезая под нависающими камнями и переплетением корней.

Зато направление было идеальным.

Я ещё раз проверила карту, подняла взгляд на ущелье и вздохнула.

— Ладно. Посмотрим.

Первый участок прошёл легко.

Второй гораздо убедительнее объяснил отсутствие официального маршрута.

Вода заняла почти всё дно, а единственный сухой проход представлял собой влажный каменный карниз метрах в трёх над потоком.

Не смертельно.

Но оказаться в ледяной воде с оружием и всем снаряжением хотелось примерно никак.

Я снова убрала плащ, перестегнула один из мечей, чтобы рукоять не цеплялась за стену, и встала боком.

Камень был скользким. Под пальцами попадались узкие трещины, подошвы сапог приходилось ставить осторожно, проверяя каждую опору прежде, чем переносить вес.

Шаг.

Ещё один.

Без спешки.

Примерно на середине сверху посыпались мелкие камни.

Я мгновенно замерла и подняла голову.

Тишина.

Только шум воды снизу и редкий шелест ветвей далеко наверху.

Ветер.

Мелкое животное.

Осыпь.

Или что-нибудь с зубами, что пока решило не знакомиться.

Я постояла ещё несколько секунд, прислушиваясь, а потом продолжила движение. Последний участок прошла быстрее и спрыгнула на широкую каменную площадку. — Вот поэтому остальные ходят по тропам.

Зато ещё через час карта окончательно подтвердила: риск окупился.

Я срезала значительную часть пути.

Если темп сохранится, завтра можно выйти к конечному контуру задолго до истечения сорока восьми часов.

Меня это вполне устраивало.

Рекорд не интересовал.

А вот возможность быстрее добраться до ритуала призыва — очень.

К вечеру усталость всё-таки начала накапливаться. Ноги налились тяжестью, плечи неприятно тянуло, хотя магический резерв оставался практически полным — использовать силу почти не приходилось.

Тело было сильным.

Но не бесконечным.

За оставшуюся часть дня я сделала ещё два коротких привала, нормально поела и заставила себя пить воду, даже когда пить не хотелось.

Никаких зелий.

Верховная жрица Лир могла бы мной гордиться.

Солнце постепенно опускалось, а под густыми кронами темнота появилась значительно раньше настоящего заката.

Двигаться ночью я не собиралась.

За годы охоты возле столицы усвоила простое правило: зверь, который днём предпочитает избежать встречи, после заката способен серьёзно пересмотреть свои взгляды. Кроме того, постоянный магический свет превратил бы меня в очень удобный ориентир.

Спасибо.

Не надо.

Я заранее начала искать место для ночёвки.

Первое большое дерево отпало из-за свежих следов у корней. Второе окружали многочисленные отпечатки копыт. Третье выглядело почти идеально: старое, огромное, с высокими толстыми ветвями и без признаков того, что кто-то крупный регулярно использует его как дом, столовую или точилку для когтей.

Я дважды обошла ствол, проверила ближайшие заросли и только после этого полезла наверх.

На высоте около десяти метров нашлась широкая развилка, в которой можно было устроиться полулёжа, прислонившись к стволу и оставаясь скрытой за густыми ветвями.

Вот теперь пространственный браслет окончательно оправдал свою стоимость.

Я достала второй плащ, верёвку и небольшой дорожный комплект. Закрепила себя у ствола так, чтобы узел не мешал дышать, но удержал, если во сне моё тело внезапно решит самостоятельно изучить законы падения.

Проверила крепление.

Дважды.

Сапоги оставила на ногах. Мечи тоже. Один кинжал переложила ближе к правой руке.

И только после этого позволила себе поесть.

Оставшаяся булочка давно остыла, но хуже от этого не стала.

Я медленно жевала, наблюдая, как между ветвями темнеет небо.

Лес постепенно менял голос.

Дневные птицы одна за другой стихали. Где-то далеко впервые раздался низкий протяжный рёв. Через несколько минут ему ответил другой.

Оба достаточно далеко.

Меня это полностью устраивало.

Я ещё раз открыла карту, прикрыв слабый свет маленького кристалла ладонью.

Завтра — вдоль ручья, затем северо-восточнее через невысокий перевал. После него до конечной контрольной зоны останется сравнительно небольшой участок.

Если ничего не изменится, экзамен действительно получится закончить раньше предельных двух суток.

Я убрала карту, удобнее устроилась у ствола и совершенно некстати вспомнила Кассиана. Его ямочки.

Довольный взгляд на название книги.

А следом — руку Селин на его предплечье.

Я раздражённо выдохнула.

Вот последнее вообще было лишним.

Селин мне не понравилась не потому, что когда-то была близка с Кассианом.

По крайней мере, я собиралась придерживаться именно этой версии.

Она была умной, отлично обученной светским уколам и совершенно очевидно за несколько минут успела оценить меня как потенциальную проблему. Этого уже было достаточно, чтобы относиться к ней настороженно.

А что происходило между ней и Кассианом — их дело.

Я закрыла глаза.

Лучше думать о ритуале.

Вот он действительно имел значение.

Интересно, откликнется ли кто-нибудь?

Я не просила дракона, феникса, волка или крылатую кошку. Не мечтала о Старейшине ради статуса. Не собиралась выбирать вид, размер или силу.

Мне нужен был только один ответ.

Чтобы какое-то древнее разумное существо посмотрело на мою душу и добровольно решило связать с ней собственную.

Да.

Этого было достаточно.

С этой мыслью я уснула.

Не знаю, сколько прошло времени.

Разбудил меня крик.

Мужской.

Настоящий.

Настолько громкий и полный страха, что глаза открылись раньше, чем сознание окончательно вернулось.

Рука уже лежала на рукояти меча.

Я замерла, вслушиваясь.

Второй крик раздался ближе.

А потом лес взорвался рёвом.

Не одним.

Сразу несколькими.

Глубокие звериные звуки прокатились между чёрными стволами, сверху с шумом сорвались птицы, где-то в темноте с треском рухнула крупная ветка.

Я резко села, насколько позволяла страховочная верёвка.

Сон исчез без остатка.

Внизу было слишком темно, чтобы различить движение, но крики повторились.

И теперь в них отчётливо слышался уже не только страх.

Боль.

Я выдернула меч из ножен и замерла, всматриваясь в ночной Чёрный лес.

Похоже, спокойная часть экзамена закончилась.

Глава 6

Иллирис

Крик резанул по нервам, как лезвие по стеклу, сметая остатки сна. Я замерла на развилке дерева, прижав ладонь к рукояти меча. Где-то ниже по склону захлебнулся рычанием зверь, ему ответил второй. Синяя вспышка магии полыхнула между стволами, выхватив из темноты изломанные тени, и почти сразу погасла. Треснула ветка. Кто-то закричал снова — уже от боли, так, что у меня внутри всё оборвалось.

Правила экзамена никто не отменял. У каждого есть артефакт, в лесу наблюдатели, а моя задача — дойти до точки. Остаться в строю. Всё верно. Логично. И абсолютно бесполезно, когда твоё нутро сжимается от чужого ужаса, доносящегося из темноты.

— Чёрт.

Решение пришло само, вытеснив благоразумные доводы на задворки сознания. Я убрала страховочную верёвку и плащ в пространственный браслет и скользнула вниз по стволу. Цепляясь за толстые нижние ветви, я повисла на руках и мягко спружинила на хвою. Темнота здесь, под кронами, была почти осязаемой — густой, пахнущей сырой землёй и прелым листом. Но слух выстраивал карту боя с жестокой ясностью: ломались ветви, хрипели люди, глухо, утробно рычали магические звери.

Напрямую не пошла. Стая, окружающая добычу, всегда ждёт дурака, прущего напролом. Взяла выше, по дуге огибая место схватки, и вскоре ноздри уловили сладковато-железный запах крови, а между стволами проступило неровное оранжевое сияние костра. Я прижалась плечом к шершавой коре, выглянула.

Четверо поступающих сбились в кучу у догорающего огня. Рыжеволосая девушка — я узнала её: ещё у ворот она улыбалась моей привычке бормотать себе под нос — держала широкий полупрозрачный щит. Он дрожал и пожирал её ману с голодной скоростью. Рядом парень с жёлтой боевой аурой тратил импульсы, отпуская их слишком рано, и они уходили в тёмные кусты, лишь раздражая хищников. Раненый мечник всё ещё сжимал оружие и берёт левую ногу. Целительница металась между ними, не зная, за кого хвататься.

Волков было десять. Не просто звери — организованная боевая единица. Пара отвлекала спереди, пока третий заходил с фланга. Молодняк держался позади, ожидая, когда кто-то оторвётся от круга. А за костром, на небольшом возвышении, застыл вожак. Почти чёрная шерсть, светлый шрам через морду. Его белые глаза не отражали огонь, а будто впитывали его. Он просто смотрел, оценивая, и это ледяное спокойствие пугало больше, чем клыки остальных.

Я вытащила оба меча. Устраивать лесной пожар на экзамене — плохая идея. Поэтому пустила Мифический огонь лишь по правому клинку, тонким, послушным слоем. Фиолетовое пламя легло на металл, как вторая кожа. За пять лет этот контроль стал мне дороже, чем первые эффектные выбросы. Огонь больше не рвался наружу при каждом выбросе адреналина. Он ждал приказа.

Один волк уже заходил Тейрану за спину. Раненый не видел. Я вышла из укрытия и пересекла оставшееся расстояние, чувствуя, как хвоя пружинит под ногами. Зверь повернул голову в последнее мгновение. Левый меч скользнул по костяной пластине, высекая искры, и волк дёрнулся, открывая горло. Правый клинок вошёл под челюсть, и я коротко выдохнула Мифический огонь в рану. Вой оборвался бульканьем. Второй волк бросился сбоку. Я ушла от лапы, чувствуя, как когти рассекают воздух у самого живота, и отступила к группе, ловя на себе взгляды — смесь надежды и недоверия.

— Не разбегаться! — рявкнула я, перехватывая взгляд Вэлины. — Потом познакомимся. Слева!

Волк прыгнул на Тейрана.

— Вэлина, сбей его! Забудь про стену!

Она среагировала чисто инстинктивно. Стена воздуха схлопнулась, короткий порыв ударил зверя в бок, развернув в полёте, и Тейран успел полоснуть мечом по брюху. Не смертельно, но достаточно, чтобы зверь отпрянул.

— Имена! — крикнула я.

— Я Вэлина! Парень с аурой — Денар, раненый — Тейран, целительница — Сайна!

— Держи прыжки и фланги. Не пытайся закрыть всех.

Денар уже снова замахивался для пустого удара.

— Жди ближе! — я перехватила его раздражённый взгляд. — Не дари им резерв.

— Я знаю, как драться, — процедил он.

— Тогда не разбрасывайся им, как ребёнок игрушками.

Волк прыгнул на него, и Денар, сжав зубы, выдержал. Удар жёлтой аурой пришёлся точно в грудь зверю, опрокинув его. Вэлина тут же придавила его к земле потоком воздуха.

— Денар, — бросила я. — Продолжай в том же духе.

— Прекрасно, Денар, — передразнил он, но в голосе уже не было злости, лишь злое возбуждение боя.

Мы быстро перестроились. Вэлина перестала сжигать резерв на гигантский щит и теперь использовала воздух как кнут, ломая атаки. Денар цедил ману, выжидая. Тейран, стиснув зубы, держал свой сектор с упрямством, достойным лучшего применения, а Сайна перестала метаться, сосредоточившись на остановке крови.

Волки это почувствовали. Давление ослабло, стая занервничала. Вожак поднял голову. Он не рычал. Просто низкий, утробный звук прокатился по поляне, и я увидела, как его звери начали расходиться шире. Он думал так же, как я: развали оборону, убери самого слабого. Его единственный глаз остановился на Сайне.

— Целительница — цель, — предупредила я, не сводя глаз с чёрной туши. — Вэлина, прикрой справа. Денар, не ведись на первый рывок. Тейран, не геройствуй.

— А ты? — спросила Сайна, и в голосе её был не страх, а профессиональная сосредоточенность.

Я выдернула меч из земли, куда он вошёл, чтобы отогнать зверя, и снова пустила по нему фиолетовое пламя.

— Постараюсь испортить ему аппетит.

Вожак бросился на меня. Огромная туша, несущаяся с невероятной для таких размеров скоростью. В последний миг он, как я и ожидала, вильнул, меняя цель на Сайну. Денар почти попался, но удержал импульс. Вэлина ударила сбоку, но зверь лишь пригнулся, не сбавляя хода.

Сайна замерла. Всего на секунду. Но этого было достаточно.

Я прыгнула через край костра, чувствуя, как жар пламени лижет лицо. Правый меч ударил по костяной пластине на плече, и от отдачи кисть пронзила острая боль. Зверь развернул морду, и пасть оказалась слишком близко, обдавая горячим смрадом. Второй меч не успевал. Рука сама рванулась к кинжалу на бедре. Я ударила снизу, целясь в глаз.

Лезвие вошло с отвратительным хрустом. Вожак взревел, дёрнулся так, что рукоять вырвало из пальцев. Тяжёлая лапа ударила меня в бок, когти вспороли кожу, и меня отбросило, как тряпичную куклу. Я рухнула на спину, воздух выбило из лёгких, перед глазами вспыхнул оранжевый свет, а в ушах зазвенело. Бок взорвался болью, горячей и мокрой.

— Иллирис! — крик Вэлины донёсся словно сквозь вату.

Я заставила себя сделать вдох. Лёгкие протестующе заныли. Бок горел. Но я пошевелила пальцами, согнула ногу. Работает. Я поднялась сначала на колено, потом на ноги. Мир качнулся, но устоял.

Вожак мотал головой, пытаясь сбросить кинжал, засевший в глазу. К нему шли ещё два волка. Нельзя дать им перегруппироваться.

— Вэлина, остальных! — рявкнула я. — Денар, слева!

Денар выстрелил жёлтым импульсом, останавливая зверя за моей спиной. Вэлина порывом воздуха отбросила второго от жоака. Чёрный волк перестал бороться с кинжалом. Его единственный целый глаз нашёл меня. Рычание стало ниже, глубже. В нём не было боли, только чистая, концентрированная ярость.

— Давай, — выдохнула я.

Он прыгнул. Я перестала экономить. Мифический огонь рванулся по каналам, но вместо стены я сжала его в плотный, обжигающий поток. Узкая струя фиолетового пламени ударила его в воздухе, под грудь, где кончалась костяная броня. Свет залил поляну, жар коснулся лица. Я удержала границы заклинания, не давая ему взорваться вширь, и оборвала его в тот момент, когда зверь рухнул.

Жоак прокатился по хвое и затих. Навсегда.

Остальные волки остановились как вкопанные. Повисла звенящая тишина, особенно резкая после грохота боя. Денар уже собирал новый импульс.

— Не надо. — Я качнула головой. — Если уходят — отпускаем.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую, но промолчал. Первый волк попятился, потом развернулся и растворился между стволами. Следом ушли остальные.

Я позволила себе выдохнуть. Поляна качнулась.

— Я сейчас либо сяду, либо упаду, — призналась Вэлина, опуская руки.

— Сядь, — посоветовала Сайна, уже опускаясь возле Тейрана. — А ты, — её взгляд остановился на мне, — иди сюда.

— Сначала он.

— У него уже не так всё плохо.

Я посмотрела на свою рубашку. Тёмное пятно расползлось от рёбер к бедру. — Есть немного.

— Сядь. — В голосе Сайны появилась сталь, которую я слишком хорошо знала. — Целитель здесь я.

Я присела, позволяя ей осмотреть рану. Она действовала без магии, просто осмотрела, сдвинув края разрезанной ткани.

— Повезло, — вынесла вердикт она. — Мышца цела, края ровные. Обработай и перевяжи. Если появится жар — пойдёшь к целителю без споров.

— Договорились.

— Так легко? — она подозрительно прищурилась.

— Не привыкай.

Она коротко улыбнулась и вернулась к Тейрану.

Денар подошёл, потирая плечо.

— Ты вообще откуда взялась? Мы тебя не слышали.

— Спала неподалёку. — Я поморщилась, промывая рану. — Потом вы решили обеспечить всему лесу ночное развлечение.

— Я говорила, что поляна открытая, — влезла Вэлина.

— Ты сказала, что устала и не полезешь на дерево с рюкзаком, — парировал Денар.

— Костёр должен был отпугнуть зверей, — добавил Тейран.

Я кивнула на мёртвого жоака. — Похоже, его никто не предупредил.

Денар хохотнул. Напряжение, висевшее в воздухе, наконец лопнуло.

Я закончила перевязку, чувствуя, как наваливается усталость. — Здесь оставаться не стоит. Кровь, трупы... поднимайтесь выше, найдите плотные кроны. Тейрану помогите верёвкой.

— А ты? — спросила Вэлина.

— Пойду дальше, когда рассветёт.

Она посмотрела на мой бок. — С этим?

— Может идти, — спокойно ответила Сайна. — Без попыток побить рекорды скорости.

— Спасибо, — вдруг произнёс Тейран. Слово прозвучало настолько просто и искренне, что я на секунду растерялась. Благодарность я всегда принимала хуже, чем удар.

— Пожалуйста, — ответила я, застёгивая пояс. — Только следующую стоянку выбирайте так, чтобы волкам пришлось хотя бы немного поработать, чтобы до вас добраться.

Я ушла, пока они собирались. Длинные прощания — не моя стихия.

Лес постепенно светлел, наполняясь серым предрассветным светом. Птицы начинали свою утреннюю переключку. Я нашла ручей, умылась ледяной водой, чувствуя, как она смывает засохшую кровь и усталость. Позавтракала рыбой, пойманной с четвёртой попытки — копё оказалось не лучшим инструментом для рыбалки, — и заставила себя растянуть отдых на пятнадцать минут. Это было хорошее вложение времени.

К полудню лес поредел, и между стволами показалась каменная башня с чёрным флагом Академии. Конечная точка. Желание перейти на бег было почти невыносимым, но я сдержалась. Растянуть лодыжку за полкилометра до финиша — это был бы идеальный анекдот для Верховного жреца Ариса.

За рунным контуром меня встретил служащий. Номерная пластина вспыхнула белым, угасла.

— Иллирис, без фамилии. — Он сверился с записями. — Время зафиксировано. Ты первая, кто завершил лесной этап.

Улыбка вышла сама собой.

Медицинский допуск я прошла с каменным лицом, стараясь не выдать, как меня выворачивает от чужой маны, скользящей по коже. Целительница, к её чести, не стала спорить и не настаивала на полном исцелении.

А потом меня повели к ритуальному комплексу факультета призывателей.

Внутри всё сжалось. Не тот страх, что заставляет бежать, а тот, что заставляет тело замедлять, а разум — сфокусироваться до предела. Дорога заняла достаточно времени, чтобы воображение успело нарисовать самые мрачные картины.

Когда мы обогнули каменный выступ, я остановилась.

Плато было огромным. Каменное покрытие уходило к краю, где стоял алтарь из чёрного камня, покрытый рунами, мерцавшими даже при свете дня. За ним возвышалась гигантская арка, внутри которой небо казалось глубже, темнее, чем вокруг. Словно она открывала путь не в воздух, а в какую-то бездонную даль.

Справа от алтаря лежала Айрэлия Сар'Вейн. Белая крылатая тигрица. Она была огромна. Не просто велика — её размер ощущался как сдвиг реальности, как существо из другого пласта бытия. Ледяно-голубые глаза смотрели прямо на меня, и на мгновение я почувствовала себя невероятно хрупкой. Я слегка склонила голову. Тигрица медленно моргнула. Словно приветствие было принято.

— Впечатляет, — тихо сказала я служащему, который меня сопровождал.

— Они слышат больше, чем мы привыкли считать, — ответил он.

— Я и не собиралась вести себя неприлично.

Регистрация была быстрой. Бланк. Подтверждение смертельного риска. Строка о теле. Я вывела: «Верховным жрецам Центрального храма Трёх богов, Аэстран». И только когда перо оторвалось от бумаги, до меня дошёл смысл написанного. Если никто не откликнется, в храм придёт вестник. Потом — моё тело. Верховная жрица Лир не принесёт еду, которую «случайно» приготовили для меня. Верховный жрец Ариса не будет ждать на тренировочном дворе. Мне стало страшно. Не философски, а просто, по-человечески. До холода в пальцах.

Но я знала, что всё равно бы стояла здесь. Не из-за закона. А потому что хотела этого. Не хозяина и зверя, а связь двух душ, которые выбирают друг друга навсегда. Мысль о том, что

кто-то сможет принять меня целиком, без прикрас, без возможности отменить это решение, была сильнее страха.

— Иллирис.

Я подняла взгляд. Лиарена Вейран стояла передо мной. Полковник, куратор факультета. Айрэлия подняла голову за её спиной, и я снова почувствовала это — незримую, но почти физическую связь между ними.

— Медицинский допуск есть. Лесной этап ты закончила первой. По пути вмешалась в бой и получила ранение.

— Да.

— Вопросов о лесе не будет. Ты понимаешь, что ни закон, ни Академия не могут заставить Великого зверя выбрать тебя?

— Да.

— Понимаешь, что процесс после активации необратим, и твои навыки и покровительство храма не дают гарантий?

— Да.

Она смотрела прямо в глаза. — Тогда последний вопрос. Ты готова?

Я перевела дыхание. Ветер шелестел перьями Айрэлии. Бок саднил. Но за страхом была простая, ясная мысль. Закон привёл меня сюда. Решение оставалось моим.

— Готова.

— Иди.

Я подошла к алтарю. Чёрный камень был тёплым. Я положила ладони на руны, чувствуя их вибрацию. Лиарена Вейран что-то говорила о мане, но я уже всё знала. Я закрыла глаза, нашла резерв и направила тонкую нить чистой маны в центр знака.

Алтарь ожил. Свет побежал по линиям, соединяясь с аркой. Ветер стих. Наступила звенящая тишина, в которой я слышала только стук своего сердца.

А потом пришла боль.

Не боль тела. Боль души. Словно из меня начали вырывать кусок, который я всю жизнь считала неделимым. Моей первой реакцией был чистый, животный инстинкт — сжаться, удержаться, не отдавать. Тело напряглось, пальцы впились в камень, пытаюсь оттолкнуться. Контур держал. Боль усилилась стократно.

— Не сопротивляйся, Иллирис, — голос Лиарены донёсся издалека. — Позволь этому случиться.

Позволить. Всю жизнь я училась не отдавать. А теперь нужно было открыть душу. И я вспомнила слова Верховного жреца Ариса: иногда удар нужно не блокировать, а позволить силе пройти мимо. Я заставила себя расслабиться. Пальцы разжались. И боль перестала быть борьбой. Она стала процессом.

Границы моей души раскрылись. Сознание наполнилось воспоминаниями: приют, первая кража, старик в баре, проявивший ко мне доброту, кровь на моих руках, горный дом, любовь, приведшая к смерти. Потом — новая жизнь, боги, Верховные жрецы, ставшие семьёй, Кассиан, его смех, Рейгар, его спокойная прямота. Огонь. Мечи. Это было мной. Всё это было мной.

Часть души отделилась. Я согнулась над алтарём, чувствуя невыразимую потерю. Арка потемнела, раскрылась, и моя часть ушла за Грань.

Наступила пустота. Я знала своё имя, свою жизнь, но внутри зияла дыра такой точной формы, что каждая секунда отдавалась новой болью. Я ждала.

Сначала — холодное, оценивающее прикосновение. Потом — лёгкое, любопытное. Тяжёлое, хищное. Тёплое, мягкое. Они приходили, касались, оценивали и уходили. Каждое прикосновение было безмолвным диалогом, от которого я не могла скрыться. Меня видели насквозь, и это было невыносимо. Я не могла казаться лучше, сильнее, достойнее. Я была просто я.

Одно присутствие задержалось. Я почти поверила. Но оно тоже ушло.

Страх поднялся из глубины, сковывая. А если никто? Сколько времени прошло? Минута? Час? Вечность? Я представила храм. Лица Верховных жрецов. Незаконченную книгу на столе. И вдруг поняла: я хочу жить. Не просто избежать смерти, а жить. Закончить Академию, увидеть мир, узнать, кого выберет Рейгар, снова поспорить с Кассианом. Увидеть, что будет дальше.

Я хотела потянуться к следующему присутствию, удержать его. Но остановила себя. Нет. Я не хочу получить связь из отчаяния. Я уже сделала свой выбор. Пришла. Открылась. Отдала. Теперь — не моё решение.

И в тот момент, когда я перестала ждать, всё стихло.

Присутствия исчезли. Все.

Я осталась одна.

А потом... я почувствовала его. Он не приближался. Он просто был. Словно находился где-то за пределами моего восприятия и лишь теперь позволил себя заметить. Огромное. Древнее. Тёмное. Но не холодное. Сила была настолько плотной, что всё, что я чувствовала раньше, показалось лёгким бризом перед ураганом.

И это не ощущалось чужим.

Пустота внутри меня вдруг получила ответ той самой формы, для которой была создана. Так точно, что перехватило дыхание.

Он не изучал меня. Не сомневался. Он просто коснулся моей души с абсолютной уверенностью существа, которое давно всё для себя решило и было лишь слегка раздражено тем, что мне потребовалось столько времени, чтобы перестать метаться.

Первая мысль вырвалась сама:

Наглый.

В ответ пришла волна эмоции. Тёплая. Тяжёлая. И совершенно, безошибочно довольная. Я замерла. Он услышал?

Не успела я осознать это, как случился отклик. Его присутствие сомкнулось вокруг моей души и приняло её. Боль потери исчезла. На её месте возникла связь. Не поглощающая. Не подчиняющая. Просто глубокая, как будто в комнате, где всю жизнь было одно окно, внезапно распахнулось другое, и за ним открылся мир.

Я задохнулась. Связь переплеталась. Моя часть оставалась в нём, его сущность — во мне. От него шли сила, нетерпение, древняя самоуверенность и такое абсолютное удовлетворение, что мне стало почти смешно.

А потом в моём сознании раздался голос. Не с площади. Внутри. Глубокий мужской голос, в котором надменности хватило бы на несколько герцогств, произнёс одно слово.

«Наконец-то».

Глава 7

Иллирис

«Наконец-то».

Голос прозвучал не снаружи, а внутри — глубокий, мужской, с таким величественным удовлетворением, будто именно я последние несколько тысячелетий заставляла его ждать за Гранью и только сейчас соизволила явиться.

Я всё ещё прижимала ладони к тёплому камню алтаря, пытаюсь осознать сразу несколько вещей. Я жива. Ритуал завершён. Моя душа кого-то заинтересовала настолько, что он принял её без колебаний. И этот кто-то уже успел предъявить претензию.

Новое присутствие ощущалось внутри связи как отдельная личность — огромная, древняя, настолько уверенная в собственном праве здесь находиться, что Кассиан со своим герцогским высокомерием показался бы образцом смирения. По связи текли чужие эмоции: удовлетворение, нетерпение, лёгкое любопытство. Не мои. Его. Это было странно до головокружения, но первое потрясение быстро уступило место привычному рефлексу — проверить, насколько древние Великие звери терпимы к встречной наглости.

«Прости, что задержалась, — ответила я мысленно. — Сначала пришлось родиться, вырасти, умереть, родиться ещё раз и доучиться до Академии. График был плотным».

Пауза. Затем его внимание стало ощутимее, как тяжёлый взгляд, направленный прямо в центр сознания.

«Ты дерзишь своему Великому зверю прежде, чем увидела его».

Уголки моих губ дёрнулись.

«Ты начал знакомство с претензии. Тон выбрал первым».

В ответ — короткое одобрение, которое он явно не собирался признавать словами.

«Я лишь сообщил факт. Я слишком долго ждал возможности вернуться в Астерион».

Вот эта формулировка зацепила. Я медленно выпрямилась. Ноги после ритуала казались ненадёжными, но держали, а пустота внутри души исчезла. На её месте была связь — плотная, тёплая, как дверь, за которой постоянно ощущалось живое присутствие.

— Вернуться? Значит, «наконец-то» относилось не лично ко мне?

«Я ждал души, которую действительно стоило выбрать».

Я фыркнула.

«Очень скромно».

«Скромность редко бывает признаком точной оценки».

— Конечно, — пробормотала я вслух.

«Имя у души, которую стоило выбрать, ты знаешь. Было бы справедливо ответить тем же».

Его присутствие изменилось, стало серьёзнее, и на мгновение я почувствовала такой возраст, что спорить с ним казалось такой же хорошей идеей, как дразнить горную лавину.

«Ашэрион Ноктэар. Великий теневой феникс. Верховный старейшина Теневых».

Тёплая тёмная волна прошла по связи.

«Для тебя — Аш».

Имя было коротким, удобным и совершенно не соответствовало той бездне, что ощущалась за ним. Я повторила его мысленно, и тишина на мгновение стала глубже. Он ждал. И я поняла, что не хочу начинать эту связь с тщательно отобранной версией себя. Однажды я уже существовала рядом с тем, кому показывала только удобные части правды. Закончилось это собственной смертью.

«Аш. Есть кое-что, что ты должен обо мне знать».

«Я слушаю».

Я закрыла глаза.

«Мне двадцать три в этом теле. Но это не вся моя жизнь».

Я рассказала ему всё. Землю. Приют. Профессию, которую выбрала, потому что она позволяла контролировать хоть что-то в мире, где у меня не было ничего. Рассказала о предательстве, о смерти в собственном доме. О встрече с тремя богами, о второй жизни, о печати.

Он не перебивал. Ни разу не осудил. Только когда я упомянула мужчину, из-за которого погибла, по связи прокатилась такая глухая, тёмная ярость, что у меня перехватило дыхание.

«Он мёртв?» — спросил Аш, и в его тоне не было пустого любопытства.

«Понятия не имею. Я умерла раньше, чем успела выяснить».

«Непорядок».

Я почти рассмеялась. Это прозвучало так, будто он уже прикидывал способы добраться до другого мира.

«Успокойся. Это далеко».

«Расстояние — не аргумент».

Я решила пока не развивать тему межмировой мести. Вместо этого открыла ему несколько воспоминаний. Не всю жизнь, только ключевые моменты. Приют, первое оружие, кровь, выстрелы, холод пола. Звёзды и три фигуры передо мной. Он принял их молча, и по связи прошло не отвращение, не жалость, а какое-то тяжёлое, окончательное принятие.

«Ты доверила мне это очень быстро».

«Ты взял часть моей души. Какой смысл после этого притворяться загадочной?»

От него пришло тёплое чувство. Принятие.

«Разумно».

«От тебя это почти признание в любви».

«Не преувеличивай».

«Поздно».

Арка передо мной дрогнула. Связь резко потяжелела, наполнилась силой, и Аш переключил внимание на происходящее.

«Начинается».

Серебристо-чёрная глубина внутри арки вспыхнула. Руны загорелись, тени на площади вытянулись, будто их потянул невидимый ветер. Но из-за Грани никто не вышел. Вместо этого что-то начало входить в мир через нашу связь.

Сначала — облако живой тьмы с фиолетовыми прожилками. Потом в нём проступил силуэт. Колоссальная птица проявлялась постепенно, словно мир заново вспоминал форму существа, которое когда-то потеряло физическое тело. Голова, клюв, шея, мощная грудь, лапы с когтями длиной в мой кинжал. Крылья, которые, расправившись, могли бы накрыть половину плато.

Он обретал плоть не мгновенно, а слой за слоем, и от этого зрелища захватывало дух. Оперение было чёрным, как сама ночь, но по нему то и дело пробегали аметистовые и тёмно-сиреневые отблески, словно внутри перьев жило пламя, не дающее света. А когда открылись глаза — ярко-фиолетовые, с вертикальными зрачками, — они сразу нашли меня.

По связи прошла волна спокойной уверенности. Просто абсолютной правильности собственного выбора.

Аш расправил крылья. Площадь стала темнее.

Где-то позади резко вдохнули. Айрэлия Сар'Вейн поднялась, расправила собственные крылья и после долгой паузы склонила голову в приветствии. Айрэлия издала низкий протяжный звук. Между Великими зверями прошёл какой-то безмолвный обмен, которого я не уловила, но Аш ответил ей коротким движением головы.

«Впечатлена», — произнёс он, и это не было вопросом.

«Ты занял собой половину ритуальной площади. Было бы странно не впечатлиться».

«Хорошо».

«Самодовольный».

«Осведомлённый».

Я рассмеялась.

Лиарена Вейран подошла ближе, сохраняя уважительную дистанцию.

— Ашэрион Ноктэар, Академия Эрдан приветствует ваше возвращение в Астерион.

«Хотя бы понимают, кого приветствуют», — прокомментировал Аш мне.

— Не начинай, — прошептала я одними губами.

Лиарена заметила мою реакцию, но не подала виду.

— Он уже свободно говорит?

— Да. С этим проблем точно нет.

— Хорошо. Следующие месяцы вам придётся учиться различать собственные эмоции, случайные всплески связи и намеренную передачу.

— Уже заметила.

Она предложила нам короткий полёт в пределах защитных контуров. Для Великих зверей это был естественный способ привыкнуть друг к другу. Я посмотрела на Аша.

— Слышал?

По связи пришло негодование.

«Ты собираешься спросить, умею ли я летать в новом теле».

«Собиралась».

«Я феникс».

«Очень содержательно».

Он опустил одно крыло, и нижние перья легли на камень, образуя широкую тёмную дорожку. Я оценила высоту, потом взглянула на него. Подниматься по живому крылу, на котором ты стоишь, как на склоне горы, — это совершенно особый опыт. Перо под сапогом слегка пружинило, но выдерживало.

Я устроилась у основания шеи, где оперение было короче и плотнее. Седла не было. Ремней тоже. Только тени, которые мягко скользнули к моей талии.

«И за что держаться?»

«За меня».

«Практично. Ты весь в перьях».

«Иллирис».

«Я оцениваю маршрут».

Аш не стал спорить. Вместо этого тени сомкнулись вокруг моей талии, не стягивая, а просто страхуя. Я наклонилась вперёд, и он рванул с места.

Первый удар крыльев поднял нас в воздух. Земля дёрнулась вниз, желудок остался где-то позади, а в лицо ударил ветер. Мы сорвались с края плато, и на секунду передо мной раскрылась долина, которая приближалась слишком быстро. Я вцепилась в оперение, ругаясь сквозь зубы.

По связи прокатилось веселье.

Огромные крылья поймали поток, и падение превратилось в подъём. Аш взмыл по широкой дуге, легко, будто огромное тело перестало иметь значение в тот момент, когда под ним оказался воздух.

Мир развернулся внизу. Академия лежала между горами как отдельный город из серого камня, река блестела на солнце, за лесом угадывался Рейвенхольм. Горизонт венчали заснеженные вершины. Ветер выбивал волосы из причёски, но мне было плевать.

Я рассмеялась. Громко. После леса, волков, смертельного ритуала и страха эта внезапная свобода ударила сильнее любого вина. Я раскинула руки, и тени удержали.

По связи пришла радость. Не моя. Аша. Глубокая, почти хищная. В воздухе он был дома. На короткое мгновение я почувствовала поток под крыльями, тонкое понимание движения воздуха, и это было настолько красиво, что перехватило дыхание.

«Это было твоё?» — спросила я.

«Случайно передалось».

«Красиво».

Связь на секунду стала теплее.

Аш накренил крыло, разворачиваясь над центральными башнями. Несколько кадетов на верхней площадке задрали головы. Один едва не свалился с перил.

«Кажется, ты привлекаешь внимание».

«Они давно не видели ничего достойного».

«Скромность, видимо, осталась за Гранью».

«Бесполезное изобретение».

Мы сделали широкий круг, поднялись выше, и там, в ровном потоке ветра, я наконец осознала всё целиком. Мой Великий зверь. Не назначенный богами, не навязанный законом. Он увидел мою душу — грязную, сложную, неидеальную — и выбрал её сам.

«Аш».

«Что?»

«Спасибо».

Пауза.

«За что?»

«За выбор».

Он долго молчал. Потом от него пришло тёплое, спокойное чувство.

«Я не сделал тебе одолжения, Иллирис. Из всех душ, которых коснулся во время ритуала, я не захотел ни одной другой».

Это ударило сильнее любых красивых фраз. Я отвернулась, но он всё равно почувствовал.

Усталость накатила быстро. Ночь без сна, бой, ранение, ритуал, полёт — тело наконец решило напомнить о себе. Аш уловил это раньше, чем я сама успела сформулировать.

«Возвращаемся».

«Я ещё могу».

«Знаю. Именно поэтому возвращаемся до того, как „могу“ превратится в „почему я лежу на земле“».

«Ты случайно не знаком с Верховной жрицей Лир?»

«Нет».

«Очень похож».

Посадка вышла мягкой. Аш плавно погасил скорость, лапы коснулись камня почти беззвучно, и он сложил крылья. Я спустилась по его крылу, чувствуя, как гудят ноги.

К нам уже спешил служащий с папкой. Аш мгновенно сосредоточился на нём, тени между перьями замедлились.

«Кто?» — спросил он.

«Сотрудник Академии. Регистрация».

Мужчина остановился на уважительном расстоянии.

— Кадет Иллирис?

— Пока странно слышать, но да.

Он улыбнулся и открыл папку. Аш наблюдал за каждым его движением, и я чувствовала это почти физически. Не контроль. Страховка.

— Полное имя Великого зверя?

Я едва не закатила глаза.

— Ашэрион Ноктэар. Великий теневой феникс.

Перо остановилось. Мужчина поднял голову.

— Теневой?

— Да.

— Статус?

«Верховный старейшина», — подсказал Аш.

— Верховный старейшина Теневых, — повторила я.

Служитель сделал запись, стараясь держать лицо. Получилось не очень. Я получила кадетский знак, маленький чёрный жетон, который отозвался на ману коротким свечением. Иллирис. Факультет призывателей. Первый курс.

— До вечернего построения нужно получить форму и комплекты, — сказал он.

— Поняла.

Я посмотрела на Аша. Он был размером с дом. Зайти в корпус в такой форме не получится.

— Тебе нужно в Долину или уменьшиться.

«Мне и так удобно».

Пауза.

«Ты собираешься в библиотеку?»

«Обязательно».

Вздых.

«Тогда уменьшусь».

Тени поднялись, обвили его тело, скрывая от глаз. Через несколько мгновений облако рассеялось, и передо мной стоял всё тот же Ашэрион Ноктэар — только теперь длиной около восьмидесяти сантиметров. Размах крыльев всё ещё был внушительным, оперение оставалось чёрным с аметистовыми переливами, а взгляд не потерял ни капли величия.

«Какой компактный ужас», — прокомментировала я.

«Я Верховный старейшина».

«Очень грозный».

Мы отправились за формой. По дороге я заглянула в карту, и Аш немедленно отреагировал.

«Столовая».

«Сначала форма».

«Ты голодна».

«Переживу».

«После ритуала и полёта — не факт».

Я бросила на него взгляд.

«Ты подозрительно быстро становишься похож на Верховную жрицу Лир».

«Это та женщина из твоих воспоминаний?»

«Моя приёмная мать. Профессиональный враг пустого желудка».

«Разумная женщина».

«Предатель».

Склад формы оказался огромным, но пожилая женщина за столом решила все вопросы быстро. Я выбрала практичный набор: чёрные брюки, шорты с высокой талией, корсет, парадный камзол, высокие сапоги. Боевой вариант — юбка-шорты, усиленный корсет, наручи, перчатки, плащ. Всё подогнали артефактным контуром за минуту. Я переделалась сразу, чувствуя, как ткань садится по фигуре.

Аш наблюдал со стойки.

Когда я надела шорты и повернулась к зеркалу, его внимание стало тяжелее.

«Привлечёт внимание».

Я посмотрела на своё отражение.

«И?»

«Мне это не нравится».

Границу следовало провести сразу. Я повернулась к нему.

«Аш. Одежду выбираю я. Если она мешает драться — скажи. Если просто заставляет мужчин смотреть — это их проблема».

Связь на мгновение стала серьёзной. Я ждала спора. Его не последовало.

«Хорошо».

«Так просто?»

«Ты моя призывательница, а не подопечная. Я могу быть недоволен и всё равно уважать твоё решение».

«Опасно быстро говоришь правильные вещи».

«Я древний. Было время потренироваться».

Я убрала мечи в браслет, но кинжалы оставила. Один на бедре, второй в сапоге. На внутренней стороне наруча нашлось крепление для метательного ножа. Я вставила его, опустила рукав.

Аш заметил.

«Старые привычки», — объяснила я.

«Я знаю».

И он действительно знал. Знал, почему скрытое оружие успокаивает меня лучше любых обещаний.

«Не собираюсь отучаться за один день».

«И не нужно. Просто помни, что теперь угрозу замечаешь не только ты».

Я поправила и без того ровный рукав.

«Пойдём».

«Столовая», — немедленно напомнил он.

— Библиотека по пути.

«Нет».

«Да».

«Ты сказала: форма, еда, библиотека».

«У тебя слишком хорошая память».

«У меня прекрасная память».

«Пять минут в библиотеке».

Скептическое молчание.

«Что?»

«На Земле ты показала мне свою квартиру. Книги были везде».

«Это ничего не доказывает».

«Ты не умеешь находиться в библиотеке пять минут».

Я сжала челюсть.

«Начинаю жалеть, что была с тобой откровенной».

«Поздно. Сначала еда».

Желудок предательски сжался.

«Хорошо. Еда».

От Аша пришло удовлетворение.

«Но потом библиотека».

«Нормальная порция».

«Не начинай».

«Я только начал».

Я рассмеялась и пошла по галерее. Совсем недавно я вышла из храма будущей поступающей. Теперь я была кадеткой первого курса факультета призывателей с Великим теневым

фениксом и связью, которая с каждой минутой ощущалась всё более правильной. И впервые за две жизни я знала точно: рядом существует существо, которому я не оставила половинчатую версию себя. Он видел Землю, знал, кем я была, знал, как я умерла. И всё равно остался.

Наверное, так и должно начинаться настоящее доверие.

Глава 8

Иллирис

До библиотеки я добралась не сразу. Аш всё-таки выиграл спор о еде.

Не полностью: до нормальной столовой мы так и не дошли, потому что для этого пришлось бы свернуть в сторону, противоположную северному корпусу, а на подобное самопожертвование я пока не была готова. Но возле внутреннего перехода нашлась буфетная стойка для кадетов с горячими пирогами и ягодным настоем. После одного выразительного «Ешь» я купила два пирога и съела их под внимательным наблюдением Великого теневого феникса, который сам в пище не нуждался и всё равно умудрялся выглядеть так, будто лично отвечает за количество калорий в моей жизни.

«Доволен?» — спросила я, дожёвывая последний кусок.

Аш сидел на перилах рядом, совершенно невозмутимый.

«Временно».

«Даже Верховная жрица Лир иногда признаёт победу быстрее».

«Значит, ей не хватает настойчивости».

Я покачала головой.

«Когда-нибудь я вас познакомлю».

«Ты уже обещала».

«Теперь угрожаю».

По связи прошло спокойное удовлетворение, и я поняла, что в одном Аш был прав: в библиотеке я проведу значительно больше пяти минут.

Северный корпус оказался старше административной части: двухэтажный зал с арочными окнами, стеллажи из почти чёрного дерева до потолка, передвижные лестницы, галерея второго этажа. И запах — бумага, старые переплёты, дерево, лёгкая пыль, магические составы для ценных книг. Я замерла у входа, втягивая воздух.

Аш, летевший впереди, вернулся и завис на уровне моего плеча.

«Только не говори, что это впечатлило тебя сильнее первого полёта».

«Это другое».

«Книги стоят на деревянных полках».

Я медленно повернула голову.

«Ты сейчас оскорбил несколько тысяч лет культуры».

«Я описал помещение».

«Грань плохо на тебя повлияла».

Несколько кадетов оглянулись на нас, но я уже заметила табличку «История призывателей и Великих зверей», а дальше — «Тактика совместного боя». Опасность.

В Центральном храме библиотека была больше, но там всё было размазано по десяткам дисциплин. Здесь целый корпус посвящён войне, призывателям и Великим зверям. Я сделала несколько шагов и перестала замечать окружающих.

Аш, устроившийся на стойке выдачи, явно наслаждался вниманием.

«На нас смотрят», — сообщил он с удовлетворением.

«На тебя».

«Разумно».

«Не распушай хвост».

«У меня великолепное хвостовое оперение. Нет причин его скрывать».

Я обернулась: он действительно чуть раздвинул перья, позволяя теням эффектнее скользить между ними.

«Самовлюблённая птица».

Фиолетовые глаза сузились.

«Феникс».

«Птица».

«Иллирис».

Я улыбнулась и пошла вдоль стеллажей.

Через полчаса у меня было четырнадцать обязательных книг и ещё девять дополнительных, которые я «просто посмотрела». Аш наблюдал с верхней полки, прикрыв глаза.

«У тебя проблема».

«Любознательность не считается заболеванием».

«Обязательных книг четырнадцать».

«Я знаю».

«У тебя уже двадцать три».

«Дополнительные — это разумно».

«Название „Сто распространённых ошибок молодых призывателей“ оскорбительно».

«Почему?»

«Тебе не требуется учебник, чтобы совершать ошибки».

Я рассмеялась и сняла книгу. Стопка закрывала обзор, и именно поэтому я не увидела мужчину, вышедшего из-за стеллажа.

Мы столкнулись плечом. Книги с грохотом посыпались на пол.

— Простите, — сказали мы одновременно.

Я присела, но он уже поднял два дальних тома. Первое впечатление — красивый. Мысль сорвалась в связь раньше, чем я успела её остановить, и Аш мгновенно отозвался: «Согласен».

«Это не было приглашением к обсуждению».

«Ты передала».

«Случайно».

«Значит, нам действительно нужно учиться границам».

Я сосредоточилась на мужчине. Примерно метр девяносто, но сложен легче и пропорциональнее Рейгара. Золотистая кожа, тёмно-золотые волнистые волосы, янтарные глаза, правильные черты. Аристократическая внешность без высокомерия, скорее с искренним смущением из-за столкновения.

Он протянул мне книги.

— Вина моя. Вышел, не посмотрев.

— Поделим. Я тоже мало интересовалась дорогой.

Его взгляд скользнул по рассыпанной литературе.

— Вижу.

— Это прозвучало осуждающе.

Он улыбнулся мягко, совсем не как Кассиан, и почему-то я поймала себя на этом сравнении. Незнакомец присел и поднял ещё одну книгу.

— «Сто распространённых ошибок молодых призывателей». Полезная. На первом курсе читал, потом на втором, когда выяснилось, что половину предупреждений я благополучно проигнорировал.

— Успокаивает.

— Это почти академическая традиция.

Мы разговорились. Он оказался Элианом Солвейном, наследником Южного герцогства, третьекурсником. Никаких вопросов о фамилии, о храмовом знаке, о моём происхождении. За это он сразу заработал дополнительный пункт.

Элиан помог донести книги до стола, по пути рассказывая о факультете с практической стороны: какие переходы лучше в дождь, где меньше очереди, кто из преподавателей опасен, а кто только кажется. На имени Севериана Кельтара он стал серьёзен.

— Если профессор Кельтар на контроле магии говорит «интересно», отойдите подальше.

— Почему?

— После его «интересно» обычно что-нибудь взрывается.

— Он преподаёт контроль.

— Именно.

— И регулярно взрывает аудитории?

— Поэтому Академия строит их из хорошего камня.

Я рассмеялась.

— Уже хочу на занятие.

«Мне уже не нравится этот профессор», — заявил Аш.

«Ты его не видел».

«Я слышал достаточно».

Элиан заметил мой взгляд на очередной книге.

— Эта не в списке.

— Знаю.

— Дополнительных уже восемь?

— Девять.

— Это не улучшает ситуацию.

— Аш говорил то же самое.

«Наконец разумный союзник».

«Не радуйся».

Элиан улыбнулся.

— Пытается остановить?

— Безрезультатно.

— Тогда шансов действительно нет.

Когда мы наконец оформили все книги и я убрала их в пространственный браслет, Элиан спросил:

— Теперь столовая?

Аш мгновенно отозвался: «Да».

Я вздохнула.

— Решение принято.

— Он голоден? — уточнил Элиан.

— Нет. Он считает, что голодна я.

— Прав?

Я прислушалась к желудку. После быстрого перекуса прошло несколько часов.

— К сожалению.

«Без „к сожалению“».

— Вот. Уже командует.

— Не командует, — спокойно заметил Элиан. — Ворчит.

«Я не ворчу».

— Он возражает.

— Значит, точно ворчит.

Аш оскорблённо замолчал.

Столовая призывателей оказалась шумной: двухуровневый зал, длинные столы, рунические таблички с блюдами. Я взяла мясо в пряном соусе, запечённые овощи, хлеб и ягодный напиток. Аш одобрил количество молча — это уже победа.

Мы нашли стол у окна; феникс устроился на подоконнике, Элиан сел напротив. Но спокойно поесть удалось минуты две. К нам подошли трое третьекурсников из Секции Чёрного Пламени.

Темноволосый парень остановился возле Элиана.

— Солвейн, ты решил сменить секцию и начал вербовать первокурсников раньше Нардена?

Элиан даже не изменился в лице.

— Я встретил Иллирис в библиотеке.

— Конечно. Все опасные знакомства начинаются между учебниками.

Девушка рядом посмотрела на Аша.

— Это действительно он?

Феникс медленно повернул голову.

«Кто — он?»

Я перевела:

— Аш хочет понять, что значит «он».

Третьекурсница не смутилась.

— Теневой Великий зверь, которого сегодня призвали первым. Огромный феникс, славший круг над Академией.

— Информация уже разошлась?

Темноволосый рассмеялся.

— Если рассчитывала сохранить тайну, стратегия сомнительная.

Я посмотрела на Аша.

— Это всё ты.

«Я просто вернулся в мир».

— Именно это он утверждает.

Девушка засмеялась.

— Уже свободно разговаривает?

— Более чем.

«Нормально разговариваю».

— И регулярно спорит с формулировками.

Аш распушил перья.

Третий кадет поставил поднос.

— Можно?

— Конечно.

Через минуту нас стало пятеро астериаров и один очень довольный вниманием феникс. Разговор пошёл легко: шутки над преподавателями, прошлогодний турнир, Великие звери. Аш с удовольствием комментировал всё в ментальном канале, и я переводила.

Когда темноволосый упомянул, что Нарден утром исчез перед организационным сбором и вернулся слишком довольный, я перестала жевать.

Элиан спокойно повернулся к нему.

— Какая связь между лесным экзаменом Иллирис и Кассианом?

— Никакая, — слишком быстро ответил парень.

Девушка пнула его под столом.

Аш заинтересовался: «Любопытно».

«Не делай выводов раньше меня».

«Я только наблюдаю».

Я решила не развивать тему. Мы засиделись: еда закончилась, а разговор перескочил на Рейвенхольм, рынок, горное озеро. Я слушала и чувствовала себя хорошо — без необходимости быть Избранной, без осторожности храмовых коридоров. Просто первый день в Академии, смех, новые знакомые, Аш рядом.

Когда ударил колокол, третьекурсница взглянула на часы.

— Построение через пятнадцать минут.

Мы поднялись. Элиан застегнул камзол.

— Провожу до плаца. Мне всё равно туда же.

— Я найду.

— Знаю.

Сказано было так спокойно, что спорить не хотелось.

По дороге он указал на медицинский корпус.

— Бок ещё болит?

Я машинально коснулась корсета.

— Немного.

— Целитель уже проверял?

— После финиша был обязательный допуск. Всё нормально.

— Тогда хорошо.

И больше ничего. Аш, до того спокойно наблюдавший, заметил:

«Этот умеет не давить».

«Именно».

Перед выходом на плац я остановилась.

«Аш, ты на построение?»

«Нет. Это ваши организационные дела. Хочу посмотреть Долину».

«Хорошо».

Он направился к переходу, но на арке обернулся.

«Если понадобится — позови».

«Это обычное построение».

«Я всё равно услышу».

«Знаю».

Тёплое ощущение прошло по связи, и он улетел. Через несколько минут я почувствовала далёкий всплеск его состояния — силу, простор, ветер. Истинная форма, полёт в сторону Долины. Связь не исчезла, просто стала чуть дальше.

Плац заполнялся. Первокурсников собирали ближе к центру, старшие курсы расходились по зонам. Пять чёрных знамён с разными оттенками пламени. Прошедших ритуал оказалось меньше, чем кандидатов утром. Я невольно замедлилась, вспомнив бланк с распоряжением о теле. Кто-то сегодня не вышел с ритуальной площади.

Элиан заметил моё молчание.

— Первое построение всегда тяжёлое.

— Помнишь своё?

— Всех, кто стоял рядом в очереди. Даже тех, чьих имён почти не знал.

Без красивой трагедии. Именно поэтому слова задели.

— Спасибо, что проводил.

— Рад был познакомиться. Увидимся ещё.

— Академия большая, но не настолько.

— Тогда до встречи, Иллирис.

— До встречи, Элиан.

Он ушёл к старшим курсам, а я направилась к общему строю. Рейгара увидела сразу: он стоял у дальнего края, невозмутимый, в чёрной форме, которая сидела на нём почти подозрительно хорошо. Я подошла.

— Иллирис.

— Ты жив.

— Ты тоже.

— Прекрасное начало дружбы.

Уголок его рта дрогнул.

— Поздравляю.

— И тебя.

Мы пожали руки, и, неожиданно для самой себя, я шагнула ближе и коротко его обняла. Рейгар застыл на секунду, потом осторожно положил ладонь мне на плечо. Когда я отступила, он смотрел удивлённо.

— Что?

— Ничего.

— Тогда не смотри так.

— Я не думал, что ты обнимаешься.

— Я тоже.

Он улыбнулся едва заметно.

— Кто тебя выбрал?

— Аш. Ашэрион Ноктэар. Теневой феникс.

— Впечатляет. У меня Сильвена Арктэя.

Я улыбнулась.

— Серебристая крылатая волчица?

— Знаешь?

— Я действительно много читала.

— Конечно.

Почему-то это «конечно» прозвучало так, будто мы знакомы месяц.

Рядом возникла миниатюрная, светлая девушка, с золотистыми волосами и небесно-голубыми глазами. — Простите... это вы про того огромного теневого феникса?

— Про него, — ответила я, и в тот же момент Аш из Долины отозвался:

«Она назвала меня огромным. Наблюдательная».

Я мысленно хмыкнула.

Миэли представилась без фамилии, я тоже. Рейгар — и того проще. Оказалось, её выбрала Аурэлия — золотой пегас, а сама Миэли выросла при храме Лир. Мы быстро нашли общий язык, и я вдруг почувствовала странное лёгкое тепло — не связь с Ашем, не влечение к Кассиану, а просто симпатию к этой девушке.

— Значит, нас трое сирот без фамилий, которых Великие звери зачем-то выбрали, — подытожила я.

Рейгар спокойно поправил: — Меня сюда привёл закон.

— Закон заставил прийти к алтарю. Сильву выбирать тебя он не мог.

Он замолчал, а Миэли мягко добавила: — Значит, она всё равно выбрала сама.

Закрытость на его лице ослабла. — Да.

Голос Лиарены Вейран, усиленный магией, прервал нас. Первый курс построился неровно, но одного взгляда куратора хватило, чтобы мы подтянулись. Я оказалась между Рейгаром и Миэли.

— Удобный, — шепнула Миэли, кивнув на Рейгара.

— Очень. Можно использовать как ориентир.

Рейгар медленно повернул голову. — Я слышу.

— Тем лучше.

На помосте стояла Лиарена, майор Тессар и пять лидеров секций. Кассиана я заметила сразу — высокая фигура в чёрном форменном камзоле, волосы убраны назад, руки сцеплены за спиной. Он выглядел образцовым. Стоило мне посмотреть на него, как его голова чуть поднялась, серо-стальные глаза нашли меня в толпе, и по губам скользнула та самая довольная улыбка. Я закатила глаза, и улыбка стала шире.

Из Долины Аш спросил: «Это Кассиан?»

«Да».

«Сильная реакция».

«Заметила».

«Он опасен?»

«Не думаю. Но осторожность не помешает».

«Принято».

Лиарена начала речь — чётко, без лишних сантиментов. Поздравила, напомнила о смертельном риске ритуала и о том, что Великих зверей не заставляли выбирать.

— Тем, что вы стоите здесь, вы обязаны решению двух душ.

Потом она объяснила про секции, пять Пламен, равный статус.

— Если старшекурсник заявит, что его секция объективно превосходит остальные, перед вами либо очень преданный кадет, либо очень убедительный лжец. Иногда оба.

Кассиан едва заметно склонил голову — видимо, фраза предназначалась ему.

— В этом году шестьдесят пять первокурсников, по тринадцать в каждую секцию. Чёрное Пламя показало лучший результат в прошлом году, поэтому его лидер первым объявит состав.

Кассиан шагнул вперёд и преобразился: вся игривость исчезла, перед строем стоял мужчина, привыкший командовать.

— Когда услышите имя, выходите и занимайте место под знаменем. Не заставляйте повторять. Мне лень.

Лиарена медленно повернула голову.

— То есть повторение неэффективно расходует время факультета, полковник, — добавил он, не моргнув.

По строю прошёл смех.

— Начинай, Нарден.

— Есть.

Он зачитал первые имена. Рейгар вышел. Потом Миэли. Я осталась одна, и на мгновение стало странно пусто. Кассиан опустил взгляд в список, поднял его прямо на меня, и в серо-стальных глазах мелькнуло удовлетворение.

— Иллирис.

По строю прошелестел шёпот. Я вышла. Под знаменем уже стояли Рейгар и Миэли.

— Снова втроём, — тихо сказала она.

— Видимо, по отдельности мы показались Академии недостаточно опасными.

Рейгар посмотрел. — Мы знакомы несколько часов.

— Именно. У тебя ещё есть шанс передумать.

— Поздно. Уже распределили.

Я встала рядом. И в этот момент почувствовала холодный взгляд. Повернула голову — Селин всё ещё стояла в общем строю, и на один краткий миг её контроль дал трещину: губы перестали улыбаться, пальцы сжали край перчатки, в золотисто-карих глазах сверкнул лёд. Через секунду всё исчезло, она снова выглядела безукоризненно, но я уже поняла.

Миэли заметила.

— Знакомы?

— Немного. Кажется, я очень быстро кому-то не понравилась.

Из Долины Аш спросил: «Угроза?»

«Пока нет. Просто запомни её».

«Уже».

Рейгар вдруг тихо сказал:

— Сильва считает, что того, на кого ты так смотришь, стоит запомнить.

— Она уже анализирует меня?

— Всех.

Миэли рассмеялась.

— Аури говорит, что Сильва анализирует даже деревья.

— Сильва говорит, что деревья иногда падают, — перевёл Рейгар.

Мы рассмеялись. Над нами шевельнулось чёрное знамя. Где-то в Долине Аш знакомился с новым пространством, оставаясь тёплым присутствием на краю сознания.

Первый день ещё не закончился, а у меня уже появился Великий зверь, секция, двое странно приятных знакомых, один слишком красивый лидер Чёрного Пламени, спокойный наследник Юга и женщина, которая, похоже, решила меня ненавидеть. Скучно точно не будет.

И впервые за долгое время неизвестность впереди не заставляла искать запасной выход. Мне было интересно.

Глава 9

Иллирис

Когда последние имена были названы и все шестьдесят пять первокурсников разошлись под знамёна своих секций, усталость навалилась разом, как обвал. Пока шло распределение, любопытство и остаточный азарт после ритуала держали тело в рабочем состоянии. Но стоило Лиарене Вейран отпустить нас вслед за лидерами, как напомнил о себе ноющий бок, ноги налились свинцом, а за глазами появилось знакомое туманное ощущение, обещавшее очень крепкий сон — если, конечно, я когда-нибудь доберусь до кровати.

Для начала следовало выяснить, где эта кровать находится и с кем из почти полусотни кадетов Чёрного Пламени мне предстоит жить ближайшие четыре года.

Кассиан собрал тринадцать первокурсников возле нашего знамени, пересчитал одним внимательным взглядом и повёл через плац к жилому корпусу. Вокруг ещё было шумно: кто-то обсуждал распределение, кто-то знакомился с будущими соседями, а за спиной уже спорили, какое Пламя закончит учебный год первым. Я шла между Миэли и Рейгаром, наслаждаясь прохладным вечерним воздухом и стараясь не обращать внимания на Кассиана впереди.

Получалось недолго.

Возле первого каменного перехода он что-то сказал одному из четвёрокурсников, замедлился и спустя несколько шагов оказался рядом со мной. Слишком естественно. Будто именно здесь всё время и собирался идти. Я заметила его краем глаза, но смотреть не стала.

— Ты настолько старательно меня игнорируешь, что я начинаю чувствовать себя оскорблённым, — произнёс он с ленивой насмешкой, сразу вернувшей утренний Рейвенхольм.

Я всё-таки повернула голову. В вечернем свете серо-стальные глаза казались темнее, а чёрная форма четвёртого курса сидела на нём настолько хорошо, что Академию хотелось обвинить в предвзятости при пошиве.

— Если герцога Севера можно оскорбить несколькими минутами без моего внимания, политические справочники сильно преувеличивают твою устойчивость.

Миэли тихо кашлянула, пряча улыбку. Рейгар скосил взгляд на Кассиана, явно пытаясь понять, является ли это нормальным способом разговора с лидером секции или я решила проверить военную дисциплину ещё до первого занятия. Кассиан, судя по довольной улыбке, был совершенно счастлив.

— Я всего лишь хотел узнать, довольна ли ты распределением.

— Пока не решила. Секцию хвалят, старшие курсы производят приличное впечатление, Элиан вообще оказался разумным мужчиной. Единственный сомнительный элемент — руководство.

Кто-то сзади рассмеялся. Кассиан даже не обернулся.

— Значит, придётся лично убедить тебя в качестве руководства.

— Звучит как угроза.

— Я рассчитывал на обещание.

— Осторожнее, Нарден. Некоторые мои обещания заканчиваются ножом.

Его взгляд коротко скользнул к кинжалу у моего бедра.

— Ты умеешь делать угрозы подозрительно привлекательными.

— Это уже проблема твоих вкусов.

— Возможно, у меня просто хороший вкус.

Я отвернулась, потому что губы слишком очевидно собирались улыбнуться. Это было несерьёзно. Немного глупо. И очень приятно. Кассиан не требовал искать безопасные формулировки, не обижался на колкости, не прикрывался титулом и не использовал старшинство

как способ заставить меня отступить. Он бросал реплику и ждал, приму ли игру. Я принимала. Слишком охотно.

Из Долины пришёл голос Аша: «Тебе весело».

«Мне нравится его раздражать».

«Не только».

«Не начинай».

От феникса пришло откровенное веселье.

«Он вызывает у тебя очень заметную реакцию».

«Спасибо за наблюдение. Я постараюсь пережить».

«Я уверен».

Связь осталась открытой ещё мгновение, затем Аш сам отступил в тишину.

Кассиан тем временем отвечал одному из первокурсников, спросившему о Долине Великих зверей. Голос сразу изменился: исчезла ленивая провокация, осталась спокойная собранность.

— Долина начинается за северными защитными контурами факультета. Это территория Великих зверей, а не парк для прогулок. Связанный призыватель может находиться там со своим Стражем, но если чужой Великий зверь обозначает, что не хочет видеть тебя возле собственной пещеры, прояви редкую для первокурсника мудрость и уйди.

Несколько минут он отвечал на вопросы. Я слушала. В роли лидера Кассиан действительно менялся — не становился другим существом, всё та же уверенность, тот же лёгкий сарказм, — но шутки переставали быть главным. Он хорошо знал факультет, говорил коротко, не унижал неопытность и не выдавал очевидные правила за тайное знание четвёртого курса.

Когда вопросы закончились, он снова оказался рядом.

— Ты подозрительно тихая.

— Я способна думать не только о тебе.

— Разочаровывает.

— Если настолько хочется моего внимания, можем договориться о тренировочном поединке.

Интерес в серых глазах вспыхнул мгновенно.

— Вот это уже хорошее предложение.

— Только потом не жалуйся, что первокурсники обижают старших.

Кассиан рассмеялся.

— А если проиграешь?

— Расскажу всем, что ты воспользовался положением.

— А если выиграешь?

— Тогда рассказывать будут другие.

Миэли засмеялась вместе с ним. Рейгар наконец спросил:

— Вы действительно собираетесь драться?

Я посмотрела на него. — Конечно. Мне нужно проверить, чему вообще учат на четвёртом курсе.

— Мне нравится твой друг, — сказал Кассиан. — Задаёт правильные вопросы.

— Он не твой союзник.

— А у нас уже есть стороны?

— С момента, когда ты подошёл.

Кассиан задумчиво кивнул, будто получил сведения стратегического значения.

— Тогда должен предупредить: я старше по курсу, лидер секции и значительно обаятельнее.

— Последний пункт добавил от отчаяния?

— Из объективности.

На этот раз Миэли рассмеялась уже в голос. И мне пришлось признать: ожидание следующей реплики Кассиана начало приносить удовольствие само по себе.

К счастью, жилой корпус появился раньше, чем мы успели превратить обычную дорогу в полноценный публичный спектакль.

Он стоял ближе к горной части Академии. За широкими окнами перехода уже виднелись тёмные склоны, а где-то за ними располагалась Долина. Присутствие Аша ощущалось на краю сознания тёплой устойчивой точкой. Не мысли. Не постоянный поток чувств. Просто знание: он там. Живой. Связанный со мной. Удивительно быстро это начало восприниматься как новая норма.

Общежитие мало напоминало казарму. Серый академический камень здесь смягчали панели из тёмного дерева, ковровые дорожки, большие окна и тёплые магические светильники. Каждая секция занимала собственный этаж, и над входом в блок Чёрного Пламени был высечен чёрный язык огня внутри серебряного круга.

Кассиан остановился возле стойки с ключевыми пластинами и развернулся к нам. Флирт исчез. Перед нами снова был лидер секции.

— На этаже живут все четыре курса Чёрного Пламени. Комнаты личные, в каждой собственная ванная. Гостиная, кухня и секционный зал общие. В чужие комнаты без приглашения не лезем, чужое оружие не трогаем, после себя убираем.

Он выдержал короткую паузу.

— Особенно на кухне. В прошлом году один очень талантливый кадет решил, что грязная сковорода способна очиститься самостоятельно, если оставить её на три дня.

Одна из первокурсниц спросила: — И очистилась?

— Да. Через окно. Её выбросил сосед.

Группа рассмеялась. Кассиан дождался тишины.

— Через час собираемся в общей гостиной. Старшие познакомятся с вами, вы — с ними. После этого вечер свободный. Завтра у первого курса день на обустройство, поэтому сегодня советую не проверять, действительно ли сон переоценён.

— А если мы уже уверены? — спросила я.

Серо-стальные глаза сразу нашли меня.

— Тогда мне придётся особенно внимательно следить за одной первокурсницей.

— В мою комнату без приглашения не входи.

— Я ещё не сказал, что собираюсь.

— Предупреждаю заранее.

— Очень разумно.

Он начал раздавать ключевые пластины. Рейгар получил комнату сто двенадцать. Миэли — сто тринадцать. Мне Кассиан протянул следующую.

— Сто четырнадцать.

Я посмотрела на пластину. Потом на Миэли. На Рейгара. И снова на Кассиана.

— Случайность?

Он оперся бедром о стойку.

— Тебя не устраивает?

— Наоборот. Именно поэтому подозрительно.

— Ты очень недоверчивая.

— Эта привычка приносила больше пользы, чем обратная.

Фраза прозвучала легко. Но Кассиан на короткий миг перестал улыбаться. Не стал спрашивать. Не полез глубже. Только взгляд сделался внимательнее. Потом привычная насмешка вернулась.

— Тогда считай, что сегодня Академия сделала тебе подарок без подвоха. Комнаты просто шли свободным блоком.

— Разочарована. Я ждала интриги.

Кассиан чуть наклонился ближе.

— Дай мне время.

Тихо. Только для меня. По коже прошла тёплая искра совершенно неуместного удовольствия. Я забрала ключ и отступила.

Миэли ждала возле коридора. Стоило отойти достаточно далеко, как она посмотрела на меня с подозрительно невинной улыбкой.

— Вы всегда так разговариваете?

— Нет. Только с особо раздражающими.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Ничего.

По тому, как она улыбнулась, ничего ей понятно не было только официально.

— Миэли.

Она рассмеялась и скрылась в своей комнате. Рейгар уже открывал дверь.

— Даже не начинай, — сказала я.

Он пожал плечами. — Я ничего не собирался говорить.

— Вот и прекрасно.

И вошла к себе.

Дверь закрылась. Шум коридора сразу стал тише.

Моя комната. Мысль ощущалась странно. Пять лет этим словом назывались покои Центрального храма. Там я знала каждый звук, изменение света на стене, шаги служителей утром и тихий скрип одной половицы возле книжного шкафа. Вчера я впервые за две жизни действительно уехала из дома. Не сбежала. Не сменила очередное временное жильё. Уехала, зная, что могу вернуться.

Академическая спальня пока была чужой. Аккуратной. Безликой. Но ей предстояло стать моей.

Я прошлась по комнате. Кровать у левой стены — широкая, с нормальным упругим матрасом. Рядом тумба и встроенный светильник. Напротив — шкаф. Возле окна массивный письменный стол и кресло с высокой спинкой. Отдельная стойка для оружия. Книжные полки вызвали разочарование. Четыре. Всего. Я медленно посмотрела на пространственный браслет, где уже лежала сегодняшняя библиотечная добыча. Завтра понадобится стеллаж. Возможно, два. Пустая стена возле стола позволяла. Настроение сразу улучшилось.

Чёрного здесь было много даже по моим вкусам: угольный ковёр, почти такие же шторы, тёмное покрывало, серо-чёрная обивка кресла. Если ночью погасить свет, половину мебели можно потерять.

Из Долины донёсся голос Аша:

«Мне нравится».

— Разумеется.

«Тени сделали бы лучше».

— Я даже не сомневалась.

Я отдернула штору. За окном сгустились сумерки. Подоконник оказался широким, почти как в храме. Я села боком, попробовала устроиться так, будто держу книгу. Жёстко. Но место отличное. Две большие подушки. Плед. Наверное, тёмно-фиолетовый, глубокий, почти сливовый. И несколько серебристых деталей, чтобы комната окончательно не решила изображать мавзоль.

«Подоконник подходит», — заметил Аш.

«Для тебя»

«Для нас обоих».

«Значит, понадобятся действительно большие подушки».

«Покупай».

«Какая удивительная лёгкость в распоряжении моими деньгами».

«Я могу добыть деньги».

Я замерла.

«Каким образом?»

Пауза.

«В Астерионе много существ, у которых золота больше, чем необходимо».

Я несколько секунд молчала. Судя по эмоциональному фону, шутил Аш не полностью.

«Нет».

«Почему?»

«Потому что мы не будем начинать совместную жизнь с ограбления богатых астериаров».

«Скучно».

«Я начинаю понимать, зачем Великим зверям отдельная Долина».

«Нас туда не помещают. Это наша территория».

«Именно. Очень мудрая территориальная политика».

От него пришло ворчливое недовольство. Я улыбнулась и открыла дверь ванной.

Она была небольшой, простой и великолепной. Каменная ванна вдоль стены, умывальник, зеркало, несколько полок и шкафчик. В бортик был встроен артефакт подачи воды, руны отдельно отвечали за нагрев и слив. Главное — личная. Я даже машинально проверила, нет ли второй двери. Не было. Прекрасно. После земного приюта, съёмных комнат, временного жилья и первых недель в новом теле закрывающаяся дверь до сих пор значила для меня слишком много.

«За это я уже готова любить Академию».

«За ванну?»

«За личную ванну».

«Низкие требования».

«Мы знакомы меньше суток. Не делай выводов о моих требованиях».

«Некоторые очевидны».

«Невыносимый».

Распаковка благодаря пространственному браслету заняла немного времени. Академическую форму я убрала в шкаф, мечи поставила на оружейную стойку, запасные клинки распределила по привычным местам. Несколько личных книг отправились на пока ещё свободные полки. Потом достала маленький записывающий кристалл. Активировала.

Над его поверхностью появилась знакомая сцена в Центральном саду. Мой двадцать второй день рождения. Верховная жрица Лир улыбалась слишком счастливо для женщины, которая за час до этого ругала меня за пропущенный обед. Верховный жрец Ариса выглядел суровым, хотя я прекрасно помнила, что непосредственно перед записью пытался незаметно стащить украшение с торта. Верховная жрица Аэлиры стояла спокойнее остальных, но в её глазах была та мягкая теплота, которую посторонние редко успевали заметить.

Я поставила кристалл на полку. Комната сразу стала немного менее чужой.

«Нам нужно место для меня», — напомнил Аш.

Я сняла корсет и с облегчением отложила на кресло. К вечеру он уже неприятно давил рядом с карапинами от волка.

«Подоконник твой, если позволишь иногда читать рядом».

«Разрешаю».

«Какая честь».

Усталость становилась всё ощутимее. До секционной встречи оставалось чуть больше двадцати минут, поэтому я опустилась в кресло и позволила голове лечь на высокую спинку. Из приоткрытого окна тянуло прохладой. Аш ощущался далеко, но уверенно.

«Когда вернёшься?»

Обычно ответ приходил быстро. Сейчас прошло несколько секунд.

«Скоро».

Я открыла глаза. Насторожили не слова. Изменилось само ощущение по связи. Не страх. Не боль. Сосредоточенность. Всё внимание Аша явно переключилось на что-то рядом с ним, а эмоциональный фон стал тише.

«Всё хорошо?»

«Да. Мне нужно поговорить с Ваэркхионом Мор'Драганом».

Я выпрямилась. Ваэр. Великий чёрный дракон Кассиана. Верховный старейшина драконов. Один из древнейших Стражей. То, что Аш почти сразу после возвращения решил отдельно поговорить именно с ним, разбудило любопытство мгновенно.

«О чём?»

Ответа не последовало. Связь не закрылась резко. Аш не отстранился. Он просто обозначил границу. Настолько ясно, что дальнейший вопрос уже стал бы давлением. Я вспомнила разговор с Элианом в библиотеке. Полное доверие не означает полного доступа. Я сама показала Ашу Землю, потому что захотела. Он имел такое же право оставить разговор со своим древним собратом между ними.

Я медленно выдохнула.

«Хорошо. Если всё в порядке — поговори. Расскажешь, если захочешь».

Тёплая эмоция коснулась связи. «Спасибо».

Одно слово. Без шуток. Мне понравилось.

«Я скоро вернусь».

Больше не спрашивала.

До собрания оставалось мало времени. Я снова надела корсет, поправила рубашку. Наручи и мечи решила оставить. Два кинжала на бёдрах были скорее частью меня, чем вооружением. Стоило открыть дверь, как почти одновременно щёлкнули замки по обе стороны. Миэли вышла из комнаты сто тринадцать, Рейгар — из комнаты сто двенадцать. Мы втроём остановились.

— Это уже подозрительно, — сказала я.

Миэли улыбнулась. Она сняла камзол, осталась в светлой рубашке и академических шортах, золотистые волосы собрала в свободную косу.

— Я хотела постучать к тебе. Завтра обязательно нужно в город.

— Уже составила список.

— Подушки?

— Две.

— Плед?

— Фиолетовый.

Голубые глаза одобительно блеснули.

— Я хочу светло-голубой. И небольшой ковёр возле кровати. У тебя тоже всё чёрное?

— Такое ощущение, что название секции воспринимают слишком буквально.

Мы пошли по коридору и почти сразу начали обсуждать завтрашние покупки. Мне нужны были книжные полки и несколько вещей. Миэли — покрывало, светильник и городская одежда. Через пару минут выяснилось, что полотенцами Академия тоже не смогла удовлетворить наши эстетические требования.

Рейгар шёл рядом. Молчал. Но слушал.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила я.

— Нет.

Миэли остановилась. — Совсем?

— Всё есть.

— А в комнату?

— Что в комнату?

— Что-нибудь добавить.

— Зачем?

— Чтобы было уютно.

Рейгар нахмурился так, словно я предложила украсить стены останками врагов.

— Она нормальная.

— Что стоит на подоконнике?

— Ничего.

— На столе?

— Нож. Карта. Ключ.

Я посмотрела на Миэли. Она посмотрела на меня, потом просто сказала:

— Завтра идёшь с нами.

— Нет.

— Почему?

— Мне ничего не нужно.

— Будешь выбирать то, что тебе ничего не нужно.

Рейгар перевёл взгляд на мой пространственный браслет. Я сразу поняла проблему с аргументом про перенос покупок.

— Для моральной поддержки.

— Она вам не нужна.

— Видишь? Он уже хорошо нас понимает.

Миэли серьёзно кивнула. — Именно поэтому должен идти.

Рейгар несколько секунд смотрел на нас. Потом продолжил путь.

— Пойду, если вы не станете покупать вещи в мою комнату.

— Конечно, — ответила Миэли.

Слишком быстро. Он повернул голову.

— Ты врёшь.

— Я целительница.

— Это не аргумент.

— Но звучит убедительно.

Я рассмеялась. Если бы утром кто-то сказал, что вечером я буду обсуждать пледы с двумя астериарами, которых ещё вчера не знала, вряд ли поверила бы. Сейчас происходящее ощущалось удивительно естественно.

Общая гостиная Чёрного Пламени занимала центральную часть секционного этажа. Большой камин. Диваны и кресла. Широкие лавки возле окон. Несколько игровых столов. Книжные полки. У входа на кухню уже поставили воду, чай, фрукты и лёгкую еду. Никакого построения по курсам. Кто-то сидел на ковре возле огня, второкурсники спорили над игрой, пара четвёрокурсников заняла подоконник. Разница между курсами ощущалась в уверенности и манере двигаться по пространству, но никакой отдельной зоны для «важных старших» не существовало.

Элиана я заметила почти сразу. Он сидел возле окна вместе с Тареном, Лэйной и Орвином — теми самыми третьекурсниками из столовой. Когда встретился со мной взглядом, просто улыбнулся и сдвинулся, освобождая место.

— Кажется, знаю, куда мы идём.

Мы подошли. Тарен первым поднял руку.

— Теневой первокурсник без теневого феникса. Комната сразу выглядит безопаснее.

— Не расслабляйся. Он слышит меня из Долины.

Тарен машинально посмотрел вверх. Лэйна рассмеялась.

Элиан спросил: — Освоилась?

— Уже составила список того, что нужно исправить.

— За полчаса?

— Я эффективная.

— Ей не хватает книжных полок, — сдала меня Миэли.

Я повернулась. — Откуда ты вообще знаешь масштаб проблемы?

— Я видела тебя в библиотеке.

Справедливо. Элиан улыбнулся.

— Этого достаточно.

Я представила Миэли и Рейгара остальным. Тарен оказался именно таким, каким казался в столовой: готовым сказать что-нибудь сомнительное при первой возможности. Лэйна легко разговорилась с Миэли после того, как выяснилось, что та неплохо разбирается в полевой медицине. Орвин говорил реже всех, зато каждое его замечание заставляло Тарена хотя бы ненадолго замолчать. Рейгар сначала просто стоял рядом, но после вопроса о Сильве быстро оказался втянут в разговор о боевых Великих зверях.

Я села рядом с Элианом и взяла чай. Несколько минут просто слушала. Гул голосов. Смех. Огонь. Обычная секционная суэта. Никто не спрашивал о фамилии. Не интересовался богами. Даже Аш довольно быстро перестал быть единственной темой вечера.

— Завтра в Рейвенхольм? — спросил Элиан.

— Да. Спасать комнаты от факультетского дизайна.

Он оглядел чёрные шторы, тёмный ковёр и почти чёрную обивку ближайшего кресла.

— Никогда не замечал проблемы.

Миэли услышала. — Рейгар сказал примерно то же самое.

Элиан посмотрел на огромного мужчину. Тот пожал плечами.

— Комната нужна для сна.

— Вот поэтому мужчинам нельзя полностью доверять интерьер, — заключила я.

— Я бы не вмешивался, — спокойно сказал Элиан. — Если две женщины уже решили что-то изменить, спорить обычно неэффективно.

Миэли сразу одобрила: — Мудрый.

Тарен вернулся в разговор.

— Вот поэтому, Солвейн, ты никогда не достигнешь величия в настоящих конфликтах.

Слишком быстро сдаёшься.

— Я выбираю битвы, которые имеют смысл.

— А я интересные.

— Поэтому у тебя было три дисциплинарных взыскания.

— Два с половиной.

Лэйна фыркнула. — Половины взыскания не существует.

— Одно отменили после обеда.

Рейгар совершенно серьёзно заметил: — Это всё равно считается целым.

Комната вокруг нас взорвалась смехом. Тарен уставился на него.

— Ты мне уже нравишься.

— Почему?

— Потому что сказал это так, будто действительно надеешься исправить систему.

— Я уточнил факт.

— Ещё лучше.

Я заметила, что Рейгар тоже улыбается. Чуть-чуть. Но всё чаще. Похоже, здесь ему тоже было легче дышать.

Разговор переходил от темы к теме без усилий. Миэли выяснила, где покупать хорошие лечебные наборы. Рейгар — где можно тренироваться рано утром. Мне рассказали о секционном зале для неофициальных спаррингов и крыше одного из переходов, откуда особенно хорошо видно вечерние полёты над Долиной.

Поэтому появление Кассиана я заметила не сразу.

Он вошёл вместе с высоким мужчиной. Тот был немного ниже Кассиана, но всё равно крупный — около метра девяноста двух, широкоплечий, мощный, с длинными карамельно-рыжими волосами, собранными в высокий хвост. Светло-карие глаза с золотистым оттенком быстро осмотрели комнату. В них жило столько насмешливой энергии, что вывод возник мгновенно: если Кассиан провоцирует намеренно, этот мужчина, похоже, делает это естественно.

Кассиан прошёл к центру комнаты. Шум постепенно стих. Никто не вставал. Никого не строили. Он опёрся бедром о край стола.

— Теперь, когда первокурсники успели увидеть комнаты и, надеюсь, ещё ничего не разрушили, познакомимся нормально. Это Дрейк Варлейн, четвёртый курс. Если меня нет, можете обратиться к нему или к любому другому четвёркокурснику. Дрейк просто чаще остальных знает, где меня искать.

Дрейк Варлейн. Второй сын графа Варлейна. Высокорождённый. Прямой вассал Севера. Лучший друг Кассиана с детства. Понятно, почему он чаще остальных знает, где искать Кассиана.

Дрейк улыбнулся. — Потому что обычно я и есть причина, по которой его ищут.

— Это тоже.

— Неблагодарный.

— Ты создаёшь примерно половину ситуаций, которые потом приходится решать.

— Детали.

Я наклонилась к Элиану. — Они действительно друзья с детства?

— Очень заметно, да.

Кассиан дождался, когда стихнет смех.

— Чёрное Пламя закончило прошлый год первым по общему рейтингу. Это хороший результат. И совершенно бесполезный, если в этом году мы решим жить воспоминаниями о прошлом.

Комната стала внимательнее. Даже Дрейк перестал улыбаться так широко и встал рядом, скрестив руки.

— Первый курс у нас сильный. Хорошие результаты лесного этапа, сильные магические профили, сильные Великие звери. Поэтому первое правило: не охреневайте.

Тихий смешок прошёл по гостиной.

— Великий зверь выбрал вас. Это не делает вас непобедимыми. Большой резерв не заменяет контроль. Хорошая фамилия не заменяет мозг. Первое место на вступительном не гарантирует, что следующий противник не выбьет из вас дурь за тридцать секунд.

Я приподняла бровь. Кассиан заметил. Разумеется.

— Особенно убедительно это звучит от очень скромного мужчины, — сказала я.

Тарен подавился чаем. Дрейк повернулся к Кассиану с откровенным восторгом.

— Касс, мне уже нравится ваш новый набор.

— Вижу.

— Особенно эта.

Кассиан посмотрел на меня.

— Некоторые первокурсники ещё не поняли, что лидер секции может назначать дополнительные тренировки.

— Угрозы служебным положением? Запишу.

— Это была забота о твоём образовании.

— Очень страшная забота.

Дрейк рассмеялся. — Я на стороне первокурсницы.

Кассиан медленно повернул голову. — Предатель.

— Я лучший друг. Моя обязанность — говорить неприятную правду.

— Пересмотрю обязанности.

— Поздно. Договор пожизненный.

Я улыбнулась. Кассиан тоже. Но затем его взгляд задержался на мне чуть дольше. Без насмешки. Просто внимательно. Словно он на мгновение увидел не первокурсницу, с которой удобно перебрасываться колкостями, а меня среди чужой пока ещё компании — смеющуюся, расслабленную, с чашкой в руках. Ощущение оказалось странным. Прежде чем я успела разобратся, привычная улыбка вернулась.

— Закончили развлекаться за счёт руководства?

— Нет.

— Ожидаемо. Тогда хотя бы дайте закончить.

Я великодушно разрешила жестом. Кассиан покачал головой.

— На факультете нет постоянных боевых отрядов. Составы меняются под задачу, тренировку и практику. Поэтому привычка считать себя центром любой группы быстро станет проблемой.

Шутки стихли.

— Великий зверь — ваш партнёр. Не собственность. Не оружие. Не дополнительный резерв, который можно бездумно тратить. Слушайте связанного, но не перекладывайте на него свои решения.

Несколько старших кивнули.

— И просите о помощи, когда она нужна. Не знаете аудиторию — спросите. Не понимаете упражнение — спросите. Связь ведёт себя странно — сначала поговорите со зверем, потом со старшими или преподавателем. Ранены — идите к целителю. Не ждите, пока конечность отвалится и проблема решится естественным путём.

Миэли рядом тихо сказала: — Последнее мне уже нравится.

Я скосила взгляд. Она улыбнулась совершенно невинно.

— Завтра первый курс свободен. Оставайтесь в Академии или идите в Рейвенхольм. Если полетите со зверями, никаких гонок. Особенно после первого совместного полёта. В городе есть большая посадочная площадка за северными воротами. Крупные истинные формы оставляете там или здесь. Не проверяйте, насколько рынок приспособлен под дракона.

Дрейк заметил: — Ваэр поместится, если снести половину домов.

— Поэтому Ваэр туда не входит.

Я представила двадцатиметрового чёрного дракона среди уютных улиц Рейвенхольма. Картина получилась прекрасной.

— Послезавтра начинаются занятия. Расписание появится завтра вечером возле секционного зала. Проверить его — ваша обязанность. Опоздание потому, что забыли посмотреть время, не считается трагическим стечением обстоятельств.

Кассиан окинул комнату взглядом.

— На сегодня всё. Ешьте, знакомьтесь, отдыхайте. Если понадобится помощь — старшие рядом.

Без финальной пафосной речи. Он просто отпустил секцию. Комната почти сразу вернулась к обычному шуму.

Дрейк остался рядом с Кассианом. Что-то сказал тихо. Потом посмотрел в мою сторону и ухмыльнулся. Я слов не слышала. Но выражение Кассиана стало таким, что речь вполне могла идти обо мне.

— Дрейк мне уже нравится, — сказала я.

Элиан повернулся. — Ты с ним ещё не разговаривала.

— Он раздражает Кассиана. Хороший признак.

Элиан рассмеялся. — Одна из его сильнейших сторон.

Дальше вечер стал спокойнее. Миэли исчезла куда-то вместе с Лэйной и через десять минут вернулась с названиями трёх алхимических лавок. Рейгар оказался возле камина в компании Орвина и двух четвёркокурсников, обсуждая тренировочные площадки. Я осталась рядом с Элианом. Мы разговаривали о южных городах, храмовой библиотеке, Рейвенхольме и местах, которые стоит посмотреть завтра, если после покупок останется время.

С ним было легко молчать. Не каждую паузу требовалось немедленно заполнить словами. Иногда мы несколько секунд просто слушали окружающих. Потом разговор продолжался сам.

Когда за окнами окончательно стемнело, усталость начала побеждать. Миэли уже несколько раз зевнула. Рейгар посмотрел на часы. Старшие тоже постепенно расходились.

— Думаю, с меня достаточно, — сказала я.

Элиан поднялся. — Провожу?

Предложение прозвучало совершенно естественно.

— С удовольствием. Заодно покажешь тот маленький читальный зал.

Он сразу посмотрел подозрительно. — Я уже жалею, что упомянул его.

— Поздно.

Мы попрощались с Тареном, Лэйной и Орвином. Миэли напомнила, что утром обязательно зайдёт ко мне перед завтраком. Рейгар снова заявил, что в город идёт только потому, что ему самому кое-что понадобится. Мы великодушно не стали выяснять, что.

Я уже была возле двери, когда почувствовала взгляд. Не магию. Не ауру. Просто слишком долгое внимание. Старая земная привычка заставила обернуться.

Кассиан стоял у дальнего края комнаты рядом с Дрейком. Тот что-то рассказывал. Кассиан явно не слушал. Серо-стальные глаза смотрели прямо на меня. Я остановилась. Его взгляд сместился к Элиану. Медленно. Не демонстративно. Затем вернулся ко мне. Улыбки на лице не было. Между бровей появилась едва заметная складка.

Я удивлённо подняла бровь. Кассиан не отвернулся. Дрейк наконец заметил, что разговаривает почти сам с собой, проследил направление взгляда друга и увидел нас. Рыжий ублюдок начал улыбаться. Медленно. С таким откровенным предвкушением будущих издевательств над Кассианом, что я едва не рассмеялась.

— Всё хорошо? — спросил Элиан.

— Да.

Я ещё секунду смотрела на Кассиана. Потом вышла в коридор.

Несколько шагов прошла молча. Неужели ревновал? Мы едва знакомы. Один разговор четыре года назад. Утренний Рейвенхольм. Немного флирта сегодня. И всё. Ничего, что давало бы Кассиану логичное основание хмуриться из-за Элиана. С другой стороны, я сама испытала совершенно неуместное раздражение, увидев руку Селин на его предплечье. Прекрасно. Выдающийся уровень эмоциональной зрелости с обеих сторон.

Из Долины Аш осторожно спросил: «Что произошло?»

Я сама открыла ему эмоциональный контекст. «Кассиан странно посмотрел, когда увидел меня рядом с Элианом».

Пауза. «Ему это не понравилось».

Вот так. Наблюдение. Не диагноз.

«Тоже заметила».

«Считаешь его опасным?»

«Нет».

«Тогда наблюдай».

Я улыбнулась. «Именно это и собираюсь делать».

Аш не стал развивать тему.

Элиан тем временем показал читальный зал на повороте между жилыми коридорами. За стеклянной вставкой виднелись полки, мягкие кресла и несколько столов. Я замедлилась.

— Даже не думай, — сказал Элиан.

Я повернулась. — О чём?

— Заходить.

— Я просто смотрю.

— В библиотеке ты тоже сначала смотрела.

— Несправедливое обвинение.

— У тебя было девять дополнительных книг.

— Разумное количество.

— Боюсь представить неразумное.

Мы пошли дальше. Разговор перешёл к завтрашнему Рейвенхолму. Элиан объяснил, что утром лучше не спешить: рынок открывается рано, но нормальные мастерские начинают работать чуть позже. За мебелью и текстилем удобнее идти на западную торговую улицу, одежду смотреть ближе к центру.

Я подозрительно покосилась. — Ты удивительно хорошо знаешь, где продают ткани.

— У меня мать, несколько кузин и обязанность сопровождать семью на городских праздниках.

— Сочувствую.

— Не стоит. Я научился переживать несколько часов среди тканей без серьёзных травм.

— Сильный мужчина.

— Только не распространяйся. Репутация пострадает.

Когда мы добрались до моей двери, коридор почти опустел. Из комнаты Миэли доносилось тихое движение. У Рейгара было темно.

Я повернулась к Элиану. — Спасибо за сегодня. И за библиотеку. И за спасение от собственной стопки книг.

— Не уверен, что спас окончательно. Они теперь ждут тебя в комнате.

— Я сильная.

— Тогда до завтра. Мы тоже собираемся в Рейвенхолм.

— Если увидишь тринадцать пакетов и очень несчастного Рейгара — подходи.

— Помочь?

— Посмеяться.

Элиан тихо рассмеялся. — Обязательно.

Никакой неловкой паузы. Никакого ожидания, что один из нас должен продлить момент.

— Спокойной ночи, Иллирис.

— Спокойной ночи.

Он ушёл. Я открыла дверь. Не успела снять сапоги, как в голове прозвучало:

«Открой окно».

Я посмотрела туда. «Вернулся?»

«Рядом».

Я распахнула створку. В комнату сразу ворвался прохладный горный воздух. Через несколько секунд из темноты появился небольшой чёрно-фиолетовый силуэт. Аш в малой форме подлетел к окну, сложил крылья и легко проскользнул внутрь. Сделал круг. Осмотрел

шкаф. Стол. Оружейную стойку. Задержался возле записывающего кристалла с Верховными жрецами. Потом перелетел на спинку кресла.

«Неплохо».

Я закрыла окно.

«Это высшая форма одобрения?»

«Нет».

«Конечно. До высшей нужно хотя бы тысячелетие знакомства».

Аш проигнорировал. Перелетел на кровать и устроился ближе к стене.

«Ты собираешься спать здесь?»

«Да».

«А место на подоконнике?»

«Подушки будут завтра».

«Значит, сегодня моя кровать».

Он посмотрел на свободное место. «Ты помещаешься».

«Какая щедрость».

Связь не передала ни капли раскаяния. Я рассмеялась и отправилась в ванную.

Стоило закрыть дверь, как день наконец начал отступать. Сапоги. Форма. Повязка. Три красноватые полосы на боку выглядели хорошо: воспаления нет, глубокая царапина уже стянулась по краям. Я снова нанесла мазь. Потом включила горячую воду и опустилась в ванну почти по плечи. Тепло оказалось прекрасным. Несколько минут я вообще не думала. Просто чувствовала, как расслабляются мышцы после леса, боя, ритуала и целого дня на ногах.

После ванны вымыла волосы, высушила бытовой магией и переделалась в тёмно-фиолетовые короткие шорты и мягкую майку. Комплект когда-то купила Верховная жрица Лир после того, как увидела, в какой растянутой рубашке я собиралась спать. Тогда я доказывала, что это бессмысленная трата денег. Теперь регулярно признавала её правоту.

Вернувшись в спальню, обнаружила Аша уже окончательно устроившимся на подушке возле стены. Хвостовое оперение растянулось по покрывалу. Фиолетовые глаза следили за мной. Я оставила только маленький светильник возле кровати и забралась под одеяло.

«Как прошёл разговор с Ваэром?»

Аш приоткрыл один глаз. «Полезно».

«Исчерпывающе».

«Ты сказала, что не станешь требовать подробностей».

Я вздохнула.

«Ненавижу, когда мои разумные решения используют против меня».

«Привыкай».

Я несколько секунд смотрела на него. Потом протянула руку и осторожно коснулась перьев на шее. Аш не отстранился. Наоборот, чуть опустил голову. Под пальцами ощущалось живое тепло, а тени скользили по коже прохладными нитями.

«Ты точно в порядке?»

«Да, Иллирис».

Никакой насмешки.

«Мне ничего не угрожает».

Этого хватило.

«Хорошо».

Я ещё раз провела пальцами по мягкому оперению.

«Тогда спокойной ночи».

«Спи».

Я погасила свет. Комната растворилась в темноте. За окном шумел ветер. Рядом ощущался Аш — не мыслями, не постоянным вторжением, а спокойным живым присутствием.

Сон уже подступал, когда память совершенно некстати вернула последний взгляд Кассиана. На меня. На Элиана. Снова на меня. И ту едва заметную складку между бровей. Я перевернулась на спину.

Не может же он всерьёз ревновать. Мы едва знакомы.

Мысль была совершенно разумной. Почему-то именно поэтому я ещё несколько минут улыбалась в темноте, прежде чем наконец уснула.

Глава 10

Иллирис

Мне снова снился огонь.

Он был повсюду: красно-золотые языки ползли по деревянным стенам, срывались с потолочных балок, пожирали ткань, мебель, ковры, превращая знакомые очертания комнат в дрожащие чёрные силуэты. Густой дым забивал горло, каждый вдох обжигал лёгкие, а где-то совсем рядом трещало дерево и с грохотом рушилось что-то тяжёлое. За стеной кричали, но голоса тонули в рёве пожара прежде, чем я успевала различить слова.

Я бежала босиком по раскалённому полу и была слишком маленькой для собственного тела. Это ощущение пришло раньше осознания: мир вокруг находился слишком высоко, дверные ручки — почти на уровне лица, лестничные ступени казались огромными. Ладонь скользила по стене, помогая удерживать равновесие, и одновременно я каким-то образом знала каждый поворот впереди. Знала дверь, которую сейчас увижу. Окно в конце коридора. Лестницу вниз.

Всё было незнакомым и до боли привычным. Будто когда-то я уже бежала здесь.

Женский голос прорвался сквозь грохот настолько ясно, что я остановилась.

— Беги, милая. Не оборачивайся. Что бы ни услышала — просто беги.

Я попыталась повернуться. Чьи-то руки резко толкнули меня вперёд. В дыму мелькнуло женское лицо: тёмные волосы прилипли к виску, по коже стекала кровь, глаза блестели от слёз и жара. Я не успела рассмотреть черты. Дверь между нами захлопнулась, отрезая коридор вместе с женщиной.

Я закричала и схватилась за ручку. Металл обжёг ладонь. За дверью что-то тяжело ударило в дерево, послышался мужской голос, слишком приглушённый дымом, чтобы разобрать слова, потом короткий вскрик.

— Беги, — снова прозвучало с другой стороны. Тише. Почти шёпотом.

Тело подчинилось раньше разума. Я сорвалась с места, захлёбываясь дымом, а за спиной с чудовищным треском обрушилась балка. Пламя рвануло вверх, отрезая обратную дорогу, и в следующий миг жар исчез.

Я проснулась рывком, уже садясь в кровати. Дыхание сбилось настолько, что первые несколько вдохов причиняли боль. Простыня прилипла к спине, волосы спутались вокруг плеч, пальцы стискивали край одеяла до побелевших костяшек. Несколько секунд комната не желала возвращаться в реальность: перед глазами всё ещё дрожал огонь, в носу чудился запах дыма, а в ушах стоял женский голос.

Постепенно проступили знакомые очертания. Тёмные академические шторы. Оружейная стойка. Книжные полки. Слабое серебристое сияние ночного светильника. Прохладный воздух из неплотно закрытого окна.

Рядом мгновенно зашевелился Аш. В малой форме он спал возле стены, почти полностью сливаясь с чёрным покрывалом. Фиолетовые глаза открылись сразу, а через связь меня коснулась волна чужой настороженности. Не содержание сна, не картинки огня — только его реакция на тот страх, который я, похоже, выплеснула в связь сильнее, чем хотела.

Аш поднял голову.

«Кошмар?»

Я провела ладонями по лицу, откинула волосы назад.

«Воспоминание. Наверное».

Он не стал задавать следующий вопрос, пока я сама не продолжила.

«Я уже видела пожар раньше. В воспоминаниях девушки, которой принадлежало это тело. Но обычно всё ограничивалось огнём, дымом и ощущением, что нужно бежать. Сегодня было гораздо яснее».

Аш переместился ближе по подушке.

«Что ты увидела?»

«Женщину. Думаю, её мать. Она закрыла дверь между нами и велела бежать».

Я опустила взгляд на руки. Некоторые воспоминания прежней Иллирис пришли ещё в первые дни после перерождения: приют, голод, чужие грубые пальцы на детском запястье, дороги, лица, имён которых она либо не знала, либо память не смогла сохранить. Я также знала общую историю: на постоялом дворе на её родителей напали наёмники, после убийства здание подожгли, девочка каким-то образом выбралась и позже оказалась в приюте. До сегодняшней ночи всё это существовало почти как пересказ чужой жизни. Теперь женский голос впервые стал настоящим.

«Она была ранена, — добавила я. — И очень боялась. Только не за себя».

Аш несколько мгновений молчал. Связь оставалась спокойной, он не пытался заглянуть туда, куда я сама его не приглашала, и благодарность за это пришла почти одновременно с раздражением на собственную память.

«Похоже на одно из сохранённых воспоминаний прежней Иллирис».

«Я тоже так думаю».

«Хочешь показать?»

Я прислушалась к себе. Перед глазами снова мелькнула закрывающаяся дверь.

«Не сейчас».

«Хорошо».

Ни уговоров, ни попытки объяснить, что ему можно доверять. Просто принятие.

Я посмотрела на часы. До нормального подъёма оставалось почти два часа. Теоретически можно было снова лечь и попытаться уснуть. Практически я слишком хорошо знала, чем закончится лежание в темноте с ожиданием, когда голова снова вернёт меня в горящий коридор.

Аш, видимо, почувствовал только общее направление моего настроения.

«Спать ты не собираешься».

«Нет».

Он недовольно расправил несколько перьев.

«Ты и так мало спала».

«Я знаю».

«И ранена».

«Уже почти нет».

«Это ты решила?»

Я посмотрела на него.

«Академический целитель вчера подтвердил».

«Тогда что ты собираешься делать?»

Я спустила ноги на пол. Прохлада камня под ступнями окончательно прогнала остатки сна.

«Тренироваться».

По связи прокатилось не удивление, а тяжёлое древнее смирение существа, которое познакомилось со своей призывательницей меньше суток назад и уже начало понимать масштаб будущих проблем.

«Разумеется».

«Не ворчи».

«Я не ворчу».

«Вот теперь точно ворчишь».

Ответом стало величественное молчание. Я улыбнулась и встала.

Тело требовало движения почти так же настойчиво, как сознание пыталось снова прокрутить сон. На Земле старик когда-то научил меня простому правилу: если мысли невозможно остановить, дай телу задачу, которую оно не сможет выполнять вполсилы. Иногда этого хватало, чтобы настоящее вытеснило прошлое хотя бы на время.

Я зажгла приглушённый свет и открыла шкаф. Для тренировки выбрала форменные чёрные брюки и ярко-фиолетовую рубашку. Цвет на фоне факультетского гардероба выглядел почти вызывающе, что сразу улучшило настроение. Поверх затянула военный корсет, но оставила чуть свободнее обычного, чтобы не давить на заживающие полосы от волчьих когтей. Волосы заплела в две плотные косы, вплетая в них фиолетовые ленты. Так длинные пряди не били по спине и не лезли в лицо при разворотах. Высокие сапоги застегнула поверх брюк, кинжалы закрепила на бёдрах, а на случай, если площадка окажется пустой, взяла собственные мечи.

Аш наблюдал с кровати.

«Пойду первым».

«Зачем?»

«Найду место, где первокурсница не будет объяснять половине Академии, почему машет оружием до рассвета».

«Очень предусмотрительно».

«Я всегда предусмотрителен».

Я медленно посмотрела на него.

«Вчера ты превратился в двенадцатиметрового феникса возле толпы первокурсников».

Аш даже не смутился.

«Это было эффективно».

«Это было показательно».

«Одно другому не мешает».

Я тихо рассмеялась и открыла окно. Аш исчез в предрассветной темноте почти беззвучно. Его присутствие не пропало. Просто сместилось дальше по связи, оставляя достаточно ясное ощущение направления, чтобы при желании понять, куда он полетел.

Я закрыла створку, накинула куртку и вышла в коридор. Секционный этаж спал. Магические светильники горели на минимальной мощности, оставляя на полу мягкие золотистые островки. За дверью Миэли было тихо. Рейгар, к моему удивлению, тоже не решил встретить рассвет в тренировочном зале, хотя после вчерашнего знакомства я уже начинала подозревать в нём такую склонность.

Я спустилась по лестнице, миновала пустую гостиную и открыла боковой выход кадетским знаком. Холодный воздух ударил в лицо. Я остановилась на ступенях и вдохнула полной грудью. Мокрый камень. Хвоя. Далёкий снег. Над вершинами ещё лежала глубокая темнота, но восточный край неба постепенно светлел. После душного огня сна холод воспринимался почти лекарством.

«Нашёл», — сообщил Аш. Через связь пришло направление.

Небольшая тренировочная площадка Чёрного Пламени располагалась между жилым корпусом и невысокой скалой. Ровное покрытие из песка и мелкой каменной крошки, манекены, стойки учебного оружия и защитные руны по периметру. У дальней стены лежал широкий плоский валун, на котором Аш уже устроился так, будто Академия специально построила площадку с учётом его эстетических требований.

Я сняла куртку и положила рядом.

«Подойдёт».

«Разумеется».

Разминку начала медленно. После вчерашнего дня мышцы отзывались тяжёлой усталостью, поэтому я не торопилась: плечи, локти, запястья, корпус, бёдра, колени. Несколько глубоких выпадов отзывались неприятным натяжением в боку, но не болью. Значит, целитель действительно не ошибся. Постепенно движения становились быстрее. Тело прогревалось. Дыхание выравнивалось. Сон отступал всё дальше.

Я уже собиралась достать собственные клинки, когда заметила стойку с тренировочным оружием. Среди длинных мечей и копий нашлась пара коротких клинков почти подходящего мне веса. Кромки были тупыми, но внутри металла ощущалась тонкая руническая вязь: защитный контур площадки должен был дополнительно гасить силу опасного удара. Хорошо. Собственные мечи остались возле куртки. Тренировочные легли в ладони хуже привычных, но достаточно неплохо, чтобы работать всерьёз.

Сначала я прошла базовые стойки, заставляя себя не ускоряться раньше времени. Ноги держат дистанцию. Корпус не раскрывается. Локти не уходят шире необходимого. Левый клинок контролирует ближнюю линию, правый готов продолжить атаку. Потом добавила переходы. Шаг. Разворот. Смена уровня. Уход с линии. Ответное движение.

Через несколько минут техника перестала требовать постоянного контроля сознания. На Земле меня учили убивать быстро, а не красиво. Чем дольше длится настоящий бой, тем больше шансов, что противник найдёт твою ошибку. Поэтому клинки искали не эффектную траекторию, а горло, сустав, внутреннюю поверхность бедра, кисть с оружием, пространство под рёбрами. Астерион заставил многое переучить. Маги, ауры и высокорождённые не обязаны были реагировать на удары так же, как обычное человеческое тело. Но основа оставалась прежней. Скорость. Короткая дистанция. Минимум движения. Никакого бессмысленного столкновения силой с существом, которое заведомо сильнее физически.

Я переходила от одной связки к другой, пока окружающий мир не сузился до песка под сапогами, холодного воздуха в лёгких и свиста металла.

Аш молчал. Его внимание ощущалось постоянно, но не мешало. Мне даже нравилось, что рядом существует разум, способный просто смотреть и не требовать слов. Поэтому его голос застал почти врасплох.

«У тебя зритель».

Я закончила комбинацию и только потом повернулась.

Кассиан стоял у входа на площадку. Сколько времени он наблюдал, сказать было сложно. На нём не было форменного камзола лидера — только тёмная рубашка с закатанными до локтей рукавами, тренировочные брюки и сапоги. Волосы были собраны небрежнее обычного, несколько прядей выбились у висков. Он смотрел без привычной улыбки. Просто внимательно.

Я опустила клинки.

— Доброе утро.

Кассиан вошёл внутрь.

— Для тебя оно началось слишком рано.

Взгляд скользнул по лицу, косам с фиолетовыми лентами, затем на мгновение остановился на боку.

— Рана?

— Академический целитель вчера допустил меня к ритуалу и сказал, что лёгкая нагрузка разрешена.

— Лёгкая?

Он посмотрел на мечи.

— Всё относительно.

Уголок рта дрогнул.

— Спала плохо?

Обычно я ответила бы шуткой. Сейчас не захотелось.

— Кошмар.

Он не спросил, о чём. И это понравилось. Кассиан лишь задержал взгляд чуть дольше, потом кивнул на клинки.

— Помогает?

— Обычно.

— Тогда продолжай.

Я подняла бровь.

— Ты пришёл смотреть?

— Сначала собирался пройти мимо.

— И что помешало?

— Ты.

Просто. Без ухмылки. На секунду это подействовало сильнее обычного флирта.

Кассиан прошёл к краю площадки и коснулся ладонью одной из рун. Контур коротко вспыхнул серебром, затем вокруг тренировочной зоны поднялась едва заметная прозрачная граница.

— Теперь можешь угрожать моей жизни безопаснее.

Я усмехнулась.

— Испугался?

— Я лидер секции. Если позволю раненой первокурснице случайно распороть мне живот на второй день учёбы, Лиарена сначала вылечит, а потом убьёт сама.

— Убедительный аргумент.

Серебристая мана собралась вокруг его ладоней. Я невольно стала внимательнее. Из чистого свечения постепенно сформировались два длинных полуторных меча. Почти материальные, с чёткими гардами и рукоятями, только по поверхности клинков постоянно проходил холодный серебряный свет. Кассиан несколько раз провернул оружие в руках. Потом намеренно провёл одним клинком по защитной линии контура. Руны вспыхнули и сняли режущий импульс.

— Учебный режим, — пояснил он. — Синяки останутся. Отрубленные части тела — нет.

— Жаль.

— Сразу видно воспитанницу храма.

Я встала напротив. — А это твой способ предложить спарринг?

— Это мой способ понять, почему первокурсница двигается так, будто тренировалась значительно дольше, чем положено её возрасту.

По коже прошёл лёгкий холод. Кассиан не мог знать о Земле. Но наблюдательность у него была неприятно хорошая. Я чуть улыбнулась.

— Может, я талантливая.

— Возможно.

Он встал в стойку.

— Проверим.

Никакого счёта до трёх. Первый удар пришёл почти сразу. Не быстрый. Проверочный. Правый серебряный клинок пошёл сверху по простой диагонали, второй оставался закрывать корпус. Я отвела удар скольжением и сразу шагнула внутрь. Короткий меч пошёл под рёбра. Кассиан сместился ещё до того, как атака полностью сформировалась. Серебряный клинок уже ждал на линии, куда я собиралась продолжить движение. Я изменила угол. Он снова оказался там раньше.

Интересно.

Я повторила. На этот раз начала атаку выше, собираясь закончить ниже. Кассиан шагнул ещё до изменения уровня. Не реакция. Предугадывание. Чтение намерений. О его даре я знала из справочников. Дар Ваэра позволял считывать уже сформированное намерение противника

непосредственно перед действием. Не будущее. Не мысли. Именно решение сделать что-то. В книге это звучало полезно. В бою — отвратительно.

Стоило сознательно выбрать продолжение, как Кассиан начинал реагировать раньше тела. Я отступила. Он улыбнулся.

— Поняла?

— Что именно?

— Не притворяйся.

— Мне нравится заставлять тебя сомневаться.

Я атаковала в конце фразы. Он встретил удар двумя мечами. Длинные клинки давали Кассиану огромное преимущество в контроле пространства. Он не пытался непременно достать меня каждым движением, вместо этого отрезал направления и заставлял идти туда, куда ему удобно. Один меч давил сверху, второй перекрывал бок. Физически он был сильнее настолько, что первый жёсткий блок отдался неприятной вибрацией в плечах.

Я сразу перестала принимать силу напрямую. Скользить. Смещаться. Позволять удару пройти мимо. Кассиан заметил изменение почти мгновенно. Теперь мне требовалось решить вторую проблему. Намерение. Если он считывает сформировавшееся решение — значит, решение нужно формировать настолько поздно, насколько возможно.

Я перестала строить комбинации заранее. Первый шаг вправо ещё не означал, что я ударю справа. Даже я сама позволяла телу выбрать продолжение только в последний момент. Сначала стало хуже. Спонтанность легко превращается в хаос, а Кассиан был слишком дисциплинированным бойцом, чтобы простить хаотичные ошибки. Дважды я едва не получила клинком в плечо, один раз защитный контур вспыхнул возле бедра, гася удар, который без него оставил бы неприятную рану.

Но на третьем обмене что-то изменилось. Кассиан впервые начал движение на долю секунды позже. Этого хватило. Мой клинок скользнул возле его бока. Он отступил. Серо-стальные глаза вспыхнули настоящим удовольствием.

— Вот теперь интереснее.

— Ты слишком легко радуешься.

Я атаковала снова. Кассиан перестал проверять. Темп вырос. Его мечи постоянно меняли линии давления, серебристое свечение резало предрассветную темноту, а я всё чаще сокращала дистанцию, где длинное оружие становилось неудобнее. Он контролировал площадку. Я пыталась лишить его пространства. Наши стили были почти прямыми противоположностями. Это было прекрасно.

Огонь из сна исчез окончательно. Остался мужчина напротив и задача, которую хотелось решить.

Кассиан тоже перестал улыбаться постоянно. Лицо стало собранным, движения — экономнее. Мы не использовали магические атаки. Только оружие. Техника. Тело.

Он загнал меня к краю контура. Технически. Я чувствовала руны почти за пяткой и видела, как левый серебряный клинок закрывает последнюю очевидную возможность уйти. Кассиан усилил давление. Я сама шагнула к нему. Не назад. Внутрь. Правый тренировочный меч отвёл его клинок наружу, левый ударил плоскостью по запястью. Я развернулась боком и проскользнула между длинными линиями оружия, где его преимущество резко уменьшилось.

Кассиан попытался разорвать дистанцию. Поздно. Плечо ударило ему в грудь, мой клинок пошёл к шее. Он поймал меня за предплечье, развернулся вместе с движением и использовал собственную массу, чтобы сорвать атаку. На секунду я оказалась слишком близко. Его грудь почти коснулась моей спины. Потом хватка исчезла, потому что Кассиан сразу отпустил руку и отступил.

Вот это уже был чистый бой. Я развернулась.

— Почти.

— Очень оптимистичная оценка.

— Мой клинок был возле твоего горла.

— А мой — возле твоего живота.

Я посмотрела. Серебряное острие действительно остановилось чуть выше бедра. —
Ничья.

— Нет.

— Высокомерный.

— Объективный.

Я усмехнулась и снова подняла оружие.

Следующий обмен стал жёстче. Кассиан сделал ложный выпад, я не повелась, сократила дистанцию и почти достала плечо. Защитная руна на моём тренировочном клинке вспыхнула, фиксируя условное попадание, прежде чем металл коснулся ткани.

Он посмотрел туда.

— Хорошая рубашка.

— Всё ещё целая.

— Контур спас твой бюджет.

— Герцог жалуется первокурснице на стоимость рубашки?

— Я пытаюсь приучить тебя к ответственности.

— Безнадёжно.

Он рассмеялся и снова атаковал.

Я действительно наслаждалась. Достойные противники попадались редко. Кассиан был не просто физически сильным мужчиной с хорошей реакцией. В каждом движении ощущались годы тренировок, боевой опыт и привычка контролировать всё вокруг. Он не гнался за красивыми ударами и не пытался доказать превосходство грубой силой. Он заставлял ошибаться. И я хотела заставить ошибиться и его.

В одном из обменов Кассиан перехватил моё запястье. Я позволила ему потянуть, использовала собственное движение и оказалась сбоку. Он понял. Развернулся. Мы столкнулись почти грудью. Мой правый клинок оказался свободен. Его ладонь легла на талию, удерживая корпус от продолжения движения. На этот раз задержалась на мгновение дольше, чем требовала техника. Совсем немного. Но я заметила. Кассиан тоже понял, что заметила. Расстояние между нами было слишком маленьким.

Я подняла глаза. Серо-стальные радужки казались почти тёмными.

— Это ещё часть спарринга? — спросила тихо.

Уголок его рта медленно поднялся. — Смотря какая часть тебя сейчас спрашивает.

Я усмехнулась. — Та, у которой в руке меч.

И ударила коленом по внешней стороне его бедра. Не сильно. Достаточно. Кассиан выругался и одновременно рассмеялся, отпуская меня.

— Жестокая женщина.

— Я предупреждала.

— Именно поэтому интересно.

Следующие несколько минут мы снова говорили только клинками.

Потом Кассиан поймал мою ошибку. Ложное движение справа заставило меня немного изменить опору. Его первый меч тут же выбил левый клинок наружу, второй перекрыл отступление. Я попыталась уйти внутрь, но он уже был ближе. Защитный контур вспыхнул возле горла. Серебряный меч остановился в нескольких сантиметрах от кожи.

Я замерла.

Кассиан тяжело дышал после спарринга. Несколько чёрных прядей выбились из волос, на губах появилась медленная удовлетворённая улыбка.

— Попалась.

— Очень громкое заявление.

Он приподнял бровь. Я опустила взгляд. Мой правый тренировочный клинок упирался ему в бок под нижним ребром, а руна на конце уже светилась, фиксируя условное смертельное попадание.

Кассиан посмотрел вниз. Потом снова на меня.

— Безжалостна.

— Ты сказал, что победил.

— Я был настроен оптимистично.

— Герцогская привычка?

— Теперь мне ещё интереснее, кто тебя учил.

— Хороший учитель.

— Очень хороший.

Мы всё ещё стояли близко. Уже без всякой необходимости. Контур зафиксировал оба попадания. Спарринг закончился. Ни его клинок, ни мой не представляли угрозы. Но никто не спешил отступать. Я чувствовала тепло его тела даже через одежду и холодный воздух. Кассиан смотрел так внимательно, что на несколько секунд всё вокруг снова потеряло значение — только теперь причиной был уже не бой.

— Ты могла отойти раньше, — тихо сказал он.

Я поняла смысл сразу. — Ты тоже.

— Я первый спросил.

— А я не обязана отвечать.

Улыбка Кассиана стала медленнее. — Значит, ответ мне понравится.

— Вот об этом высокомерии я и говорила.

Мужской голос со стороны входа прозвучал с искренним восхищением:

— Блядь. А я боялся, что утро будет скучным.

Почти одновременно раздался женский: — Кассиан.

Я закрыла глаза на мгновение. Конечно. Если момент становится интересным, мир обязательно присылает свидетелей. Кассиан тоже раздражённо выдохнул, но отступил первым. Серебряные мечи растворились. Я опустила тренировочные клинки.

У входа стоял Дрейк. Руки в карманах длинной тёмной куртки, рыжие волосы собраны в высокий хвост, на лице выражение мужчины, которому только что подарили новую тему для издевательств над лучшим другом. Рядом находилась Селин. Даже ранним утром она выглядела безупречно. Тёмно-каштановые волосы с красноватым отливом были собраны высоко, тренировочная форма Багрового Пламени сидела идеально.

Взгляд Селин сначала задержался на нас с Кассианом. Потом она увидела Аша и сразу слегка склонила голову.

— Ашэрион Ноктэар. Для меня честь увидеть Верховного старейшину Теневых.

Аш на валуне медленно повернул голову. Я почувствовала его внимательную оценку. «Хотя бы воспитана».

«Я говорила, что она не глупая».

«Это пока не делает её приятной».

С этим спорить не стала.

Селин уже смотрела на Кассиана. — Мне нужно обсудить с тобой распределение.

Он подошёл к стойке и взял полотенце. — Сейчас?

— Желательно до того, как администрация окончательно закроет пересмотры.

Кассиан вытер шею. — Говори.

Селин на мгновение перевела взгляд на меня и Дрейка. Вероятно, рассчитывала на приватность. Кассиан ничего не предложил. Тогда она продолжила вполне деловым тоном:

— Я подала официальный запрос на пересмотр секции. Моя боевая специализация, показатели ритуала и профиль Вайры позволяют обосновать перевод в Чёрное Пламя без нарушения баланса. Отец направил в администрацию собственную рекомендацию. Если ты как лидер поддержишь запрос, руководство рассмотрит его сегодня.

Вайра. Значит, её тоже выбрал Великий зверь. Позже нужно будет узнать, какой.

Кассиан сложил полотенце. — Я не поддерживаю.

Никаких колебаний. Селин замолчала.

— Почему?

— Потому что состав утверждён. Багровое Пламя получило сильного боевого мага и сильного Великого зверя. Чёрное — своих тринадцать первокурсников. Оснований ломать распределение я не вижу.

— Основание в эффективности. Ты знаешь мой стиль, я знаю твой. Мы работали вместе раньше.

— Это не критерий для перестройки первого курса вокруг личного удобства.

Её лицо оставалось спокойным. Только в глазах появился холод.

— Любопытно слышать о личном удобстве после того, как руководство одобрило твой запрос сразу на нескольких конкретных первокурсников.

Вот оно. Я молчала до этого момента. Теперь стало интересно.

Кассиан не изменился в лице.

— Я подал запросы на тех, чьи результаты считал подходящими для состава. Финальное решение принимал не я.

Селин посмотрела прямо на меня.

— Очевидно, некоторые кандидатуры оказались особенно убедительными.

Очень аккуратно. Никаких истерик. Но смысл совершенно понятен.

Я положила тренировочные мечи на стойку.

— Если речь обо мне, можешь сказать прямо.

Селин улыбнулась.

— Я не привыкла обсуждать внутренние решения другой секции с первокурсниками.

— Тогда странно, что ты сама втянула первокурсницу в разговор, который непосредственно её не касается.

В её глазах мелькнуло раздражение.

— Я лишь отметила необычную скорость, с которой некоторые существа получают предпочтение.

— Результат лесного этапа записан. Великий зверь тоже вполне заметный. Если считаешь, что моё распределение нечестно, оспаривай его у Лиарены. Я тебе даже не помешаю.

Кассиан чуть повернул голову ко мне. Серо-стальные глаза смеялись. Селин это заметила. Разумеется.

— Тебе удивительно легко относиться к тому, чего ты не заслуживала годами подготовки.

Вот теперь выпад был по-настоящему красивым. И гораздо неприятнее прямого оскорбления. Я тоже улыбнулась.

— Возможно. Но если после стольких лет подготовки тебе всё ещё требуется вмешательство маркиза, чтобы попасть в нужную секцию, вопрос заслуг становится слишком философским для такого раннего утра.

Дрейк тихо выдохнул через нос. Не смех. Но очень близко. Селин замерла всего на мгновение. Потом повернулась к Кассиану.

— Касс, я не собираюсь превращать это в публичный спор. Мне нужен твой официальный ответ.

Кассиан мгновенно похолодел.

— Не называй меня так.

Даже я перестала улыбаться. Селин тоже. Отказ прозвучал не громко, но настолько окончательно, что воздух на площадке словно стал холоднее.

Она выпрямилась.

— Хорошо. Кассиан. Ты отказываешься поддержать запрос?

— Да.

— Даже если администрация согласится рассмотреть?

— Тогда они рассмотрят его без моей поддержки.

Несколько секунд Селин смотрела на него. Потом кивнула. Идеально спокойно.

— Я поняла.

Никакой сцены. Никаких криков. Она снова повернулась ко мне.

— Надеюсь, Чёрное Пламя оправдает твои ожидания.

Фраза звучала безупречно вежливо. Но я услышала обещание будущих проблем.

— Взаимно. Надеюсь, Багровое окажется достойно твоих.

Её улыбка стала ещё тоньше.

— Не сомневаюсь.

Селин развернулась и ушла. Вот так. Не унижаясь криками. Не пытаюсь цепляться за Кассиана. Тем опаснее.

Я проводила её взглядом. Аш сказал: «Теперь она мне нравится ещё меньше».

«Мне тоже».

Кассиан подошёл ближе. — Иллирис.

Я посмотрела на него. Раздражение после сна, спарринга и появления Селин смешалось с чем-то другим, чего хотелось сейчас не трогать.

— Спасибо за спарринг.

— Ты уходишь?

— Да.

— Из-за неё?

— Из-за того, что через полчаса Миэли начнёт ломиться ко мне в дверь, если я не соберусь в Рейвенхолм.

Это было правдой. Не всей. Но достаточной.

Кассиан задержал взгляд.

— Мы не закончили.

Я прекрасно понимала, что речь уже не о Селин. И это было ещё одной причиной уйти.

— Потом, Нарден.

Он явно хотел сказать что-то ещё. Но не остановил. За это получил отдельный плюс.

Я забрала куртку и собственные мечи. Аш слетел с валуна и полетел рядом, вместо того чтобы пытаться устроиться на мне птицей размером с хорошую охотничью собаку.

Дрейк догнал нас возле выхода. Я услышала шаги ещё заранее.

— Если собираешься рассказывать, что я была слишком груба, можешь сэкономить дыхание.

— Я собирался сказать, что ты была удивительно сдержанна.

Я посмотрела на него.

— Ты видел другую сцену?

— Я знаю тебя примерно сутки и всё равно ожидал хуже.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Несколько десятков метров мы шли молча. Академия постепенно просыпалась. В окнах зажигался свет, на дальних дорожках уже появлялись кадеты, а над крышами начало светлеть небо.

Дрейк сунул руки в карманы.

— Если тебе интересно, Кассиан действительно не поддержит её перевод.

— Это уже стало понятно.

— Я не про перевод.

Я покосилась на него.

— Тогда будь конкретнее.

Он усмехнулся.

— Между ними всё закончилось давно.

— Их прошлые отношения меня не касаются.

— Очень убедительно.

— Дрейк.

— Хорошо. Короткая версия.

Он прошёл ещё несколько шагов.

— Они несколько месяцев спали вместе. Без обещаний. Кассиан с самого начала не скрывал, что не ищет брака и не строит из этого политический союз. Селин рассчитывала, что со временем всё изменится.

Я почувствовала неприятный укол под рёбрами и мысленно выругалась на собственную эмоциональную зрелость.

Дрейк продолжил:

— Потом её отец решил превратить личные отношения в полезный договор между Западом и Севером. Пришёл к Кассиану уже как маркиз, а не как отец Селин. Началось давление через политику, связи, королевский двор. Касс отказался и после этого окончательно закончил отношения с ней.

— Она решила, что отказ временный?

— Думаю, да. Селин не глупая. Просто очень привыкла получать нужный результат и слишком долго была уверена, что знает Кассиана лучше, чем он сам.

— Неприятная привычка.

— Особенно для самого Кассиана.

Я помолчала.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

Дрейк пожал плечами.

— Потому что ты явно решила, будто там существует какая-то продолжающаяся история, а я не люблю фактические ошибки. И ещё потому, что наблюдать, как вы оба делаете вид, что ничего не происходит, обещает быть утомительно.

— Мы ничего не делаем.

— Именно это я и сказал.

Я фыркнула. Дрейк усмехнулся и уже собирался перевести разговор на что-то другое, когда выражение его лица неожиданно стало серьёзнее.

— Есть ещё одна вещь.

— Какая?

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Ты та девушка из храма.

Я остановилась. Дрейк тоже. Улыбка исчезла почти полностью.

— Четыре года назад. Сад Центрального храма.

По спине прошёл холод.

— Кассиан рассказал?

— Не сразу.

Я молчала. Дрейк медленно выдохнул.

— Его брат погиб примерно за два года до вашей встречи. Кассиану тогда было двадцать. Он получил Север раньше, чем вообще рассчитывал когда-либо его получить, и следу-

ющие годы существовал в режиме: герцогство, армия, расследование, советники, документы. Он функционировал. Даже хорошо. Но каждую годовщину смерти брата всё возвращалось.

Перед глазами всплыл серебряный храмовый сад. Мужчина под деревом. Серо-стальные глаза. Тишина, в которой я тогда не знала ни его имени, ни титула.

— В тот год он снова приехал на поминальную службу, — продолжил Дрейк. — После неё куда-то исчез. Вернулся позднее обычного и впервые за несколько таких годовщин выглядел не так, будто внутри себя продолжает тот же день.

Я нахмурилась.

— Я ничего особенного не сделала.

— Верю.

Ответ прозвучал без насмешки.

— И он тоже никогда не говорил, что ты его спасла. Просто вы поговорили. Ты сказала что-то о том, что ослабевшая боль не означает, будто умершего забыли, и не является предательством.

Я помнила. Не каждое слово. Но смысл — да.

Дрейк продолжил:

— Для него это почему-то оказалось важно. Не волшебным лекарством. Просто одним разговором, после которого он перестал наказывать себя за саму возможность однажды снова нормально жить.

От этих слов стало неуютно. Не плохо. Просто слишком много значения внезапно оказалось там, где я оставила всего один случайный вечер.

— Откуда ты вообще узнал?

— Доставал вопросами. Несколько недель спустя он наконец признался, что разговаривал с девушкой в храмовом саду.

— И?

Дрейк уже начал улыбаться.

— А потом пытался найти.

Я замерла.

— Что значит «пытался»?

— То и значит. Когда приезжал в Аэстран, заходил в Центральный храм. Иногда спрашивал служителей. Потом добрался до Верховных жрецов.

Я закрыла глаза.

— Нет.

— Да.

— Он спрашивал у них?

— О девушке с очень длинными чёрными волосами, фиолетовыми глазами и привычкой разговаривать так, будто герцогские титулы существуют исключительно для украшения документов.

— Я убью троих старых интриганов.

Дрейк рассмеялся.

— Они ничего ему не сказали.

— Вот именно.

Внутри одновременно поднимались возмущение и совершенно нелепое тепло. Я слишком хорошо знала Верховных жрецов. Они наверняка прекрасно поняли, кого описывает Кассиан. И промолчали. Конечно.

Дрейк добавил:

— Верховная жрица Аэлиры однажды ответила ему примерно так: если встреча действительно должна повториться, Астерион найдёт для неё дорогу.

Я застонала.

— Это настолько в её стиле, что мне физически больно.

— Касс потом был уверен, что над ним издеваются.

— Правильно был уверен.

Дрейк тихо рассмеялся.

— После поступления времени стало меньше. Академия, Север, Ваэр, реальные задания. Но он не забыл. Иногда я спрашивал из вредности, нашёл ли он девушку. Ответы становились всё менее цензурными.

Я прислонилась плечом к каменной стене. В голове медленно складывались вещи, которые раньше существовали отдельно. Вчерашний взгляд Кассиана в Рейвенхольме. Мгновенное узнавание. То странное удовольствие, с которым он назвал своё имя. Его интерес. Слишком быстрое ощущение, что встреча для него значит больше, чем обычное столкновение на улице. Я считала, что он просто помнит. Теперь оказалось — искал. Не ежедневно. Не одержимо. У него существовала целая жизнь, герцогство и Академия. Но четыре года образ безымянной девушки из храмового сада где-то в нём оставался.

— Зачем ты сказал мне именно сейчас? — спросила я.

Дрейк ненадолго задумался.

— Потому что четыре года назад я видел, как он вернулся из храма немного спокойнее. И хотел когда-нибудь сказать той девушке спасибо.

Я посмотрела на него. Впервые с момента знакомства Дрейк не улыбался.

— Не за то, что она всё исправила. Ничего нельзя было исправить. Просто за один нормальный разговор в очень плохой день.

Внутри что-то смягчилось.

— Тогда пожалуйста.

Он кивнул. Потом прежнее выражение медленно вернулось.

— А ещё мне невероятно нравится владеть информацией, которая способна заставить Кассиана нервничать.

Вот теперь всё снова стало нормально. Я рассмеялась.

— Собираешься сказать, что рассказал?

— Я не самоубийца.

— Ваэр может узнать.

Дрейк задумался.

— Учитывая, что Ваэр считает моё выживание второстепенным вопросом, аргумент весомый.

— Могу спрятать тебя у Рейгара.

— Почему у него?

— Он большой. Кассиан сначала заметит его.

Дрейк рассмеялся ещё громче. Мы дошли до коридора Чёрного Пламени. Возле моей двери он остановился.

— Увидимся в Рейвенхольме.

— Возможно.

— Если вы действительно потащите Рейгара по магазинам, я не хочу пропустить.

— Ты ужасный друг.

— Я многогранный.

Он пошёл к лестнице.

— Дрейк.

Мужчина обернулся. Я ещё раз вспомнила храмовый сад.

— Спасибо.

Улыбка стала неожиданно тёплой.

— Пожалуйста, Иллирис.

И он ушёл.

Я осталась в коридоре вместе с Ашем, который всё это время сидел на широких перилах и удивительно тактично не вмешивался. Я посмотрела на него.

«Даже не начинай».

Феникс склонил голову.

«Что именно?»

«Любой анализ».

«Мне нравится рыжий».

Я фыркнула.

«Разумеется».

Открыв дверь, я вошла в комнату. Вчера она казалась совершенно чужой. Сегодня уже меньше. Записывающий кристалл с Верховными жрецами стоял на полке. Я посмотрела на три знакомых фигуры.

— Значит, знали.

Аш влетел следом и устроился на спинке кресла.

«Возможно, считали, что это не их история».

«Они могли хотя бы сказать мне, что какой-то герцог несколько лет периодически пытается найти девушку моего описания».

«Зачем?»

Я уже открыла рот. И закрыла. Хороший вопрос. Что бы это изменило? Четыре года назад Кассиан не назвал имени. Я тоже. Мы оба ушли каждый в свою жизнь. Если бы Верховная жрица Аэлиры однажды подошла и сообщила: «Тот грустный мужчина из сада тебя ищет», — что бы я сделала? Не знала. Наверное, именно поэтому они и не вмешались.

«Всё равно поговорю».

«Разумеется».

«И очень угрожающе».

«В этом не сомневаюсь».

До завтрака и встречи с Миэли оставалось достаточно времени. Я сняла куртку, убрала оружие, проверила собственные мечи и начала собираться в Рейвенхольм. Тренировочные брюки решила оставить — для полёта удобнее. Корсет сменила на более мягкий повседневный, поверх фиолетовой рубашки приготовила тёплую короткую куртку. Косы пришлось переплести: спарринг растрепал волосы, хотя ленты каким-то чудом сохранились. В пространственный браслет отправились кошель, пустые сумки, список покупок и запасной плащ.

Аш наблюдал. Через некоторое время спросил:

«Это знание что-то изменило?»

Я посмотрела на себя в зеркало.

«Не знаю».

«Ты думаешь о нём».

«Да».

Ответ получился настолько простым, что Аш замолчал. Я улыбнулась.

«Что? Когда я не спорю, становится неинтересно?»

«Непривычно».

«Привыкай».

Он расправил крылья.

«Кассиан всё ещё слишком самоуверенный».

«Вот тут мы полностью согласны».

«Но сильный».

Я вспомнила серебряные клинки. Чтение намерений. Давление на площадке. Тот момент, когда мы оба одновременно зафиксировали условно смертельное попадание.

«Очень».

Аш не стал продолжать. И я была ему благодарна.

За горами уже поднималось солнце. Свет медленно окрашивал вершины золотом, Академия окончательно просыпалась, внизу между корпусами двигались кадеты. Где-то в Долине протяжно заревел Великий зверь. Через несколько минут должны были появиться Миэли и Рейгар. Нас ждал первый свободный день в Рейвенхольме, мебельные лавки, одежда, книги и, если повезёт, попытка убедить Рейгара, что пустой подоконник не является завершённым интерьером.

Я затанула ремень с кинжалами и постаралась сосредоточиться именно на этом. Не на мужчине, который находился где-то на этом же этаже. Не на том, что четыре года назад он запомнил безымянную девушку из храмового сада достаточно хорошо, чтобы потом искать её при каждом удобном случае. И уж точно не на том, как от этого знания внутри становилось слишком тепло.

Получилось отвратительно.

Глава 11

Иллирис

В дверь постучали ровно в тот момент, когда я в третий раз проверяла, действительно ли кошель лежит в пространственном браслете. Я помнила, что убрала его пять минут назад, но после разговора с Дрейком мысли упрямо возвращались к Кассиану — к человеку, который четыре года искал безымянную девушку из храмового сада. Собственная рассеянность начинала раздражать. Я затянула ремень с кинжалами, бросила последний взгляд в зеркало и мысленно приказала себе хотя бы до вечера перестать анализировать мужчину, которого ещё вчера собиралась воспринимать исключительно как красивую проблему.

За дверью стояли Миэли и Рейгар.

Миэли выглядела так, будто свободный день первого курса боги предусмотрительно создали специально ради неё: золотистые волосы собраны в высокий хвост, несколько мягких прядей возле лица, поверх светло-голубой рубашки — короткая кожаная куртка, а в небесных глазах уже горело слишком много энтузиазма для существа, собирающегося «купить необходимое». Рейгар, напротив, явился полностью одетым, вооружённым и явно готовым покинуть Академию в ближайшие три секунды.

— Сколько примерно займут покупки? — спросил он вместо приветствия.

Я переглянулась с Миэли, и по тому, как одновременно дрогнули наши губы, стало ясно: вчерашнее обещание сопровождать нас мужчина уже искренне пожалел.

— Доброе утро, Рей, — сказала я.

— Доброе.

— Вот теперь можно обсуждать трагедию твоего дня.

Он спокойно принял выпад и заглянул через моё плечо.

— Аш?

— Улетел на взлётное поле. Заявил, что ждать возле общежития унизительно для Великого теневого феникса.

Рейгар кивнул так, будто именно этого от Аша и ожидал.

— Сильва сказала, что он появился в Долине ещё до рассвета и успел поспорить почти со всеми, кто с ним заговорил.

Я закрыла дверь и повернула ключевую пластину.

— Почти?

— Аури утверждает, что он не спорил, — вмешалась Миэли. — Он «объяснял молодым Великим зверям устройство мира».

Я мысленно коснулась связи. Аш находился далеко от жилого корпуса, но присутствие ощущалось устойчиво.

«Ты успел провести лекцию в Долине?»

Ответ пришёл мгновенно: «Некоторым недостаёт исторической перспективы».

«Ты знаком с ними сутки».

«Этого достаточно».

Я покачала головой.

— Он считает остальных недостаточно исторически образованными.

Рейгар уже начал спускаться по лестнице.

— Сильва считает его самодовольной древней птицей.

Я остановилась так резко, что Миэли едва не налетела на меня, и обе посмотрели вслед Рейгару, который продолжал идти с прежней невозмутимостью, будто не передал оскорбление от Великой серебристой волчицы Верховному старейшине Теневых.

По связи пришло возмущение: «Передай Сильвэне, что её возраст не даёт ей права на подобную фамильярность».

— Рей, Аш просит передать Сильве, что возмущён её фамильярностью.

Рейгар ненадолго прислушался к собственной связи, и уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Она переживёт.

Миэли рассмеялась.

— Аури просит не втягивать её в этот спор. Она хочет спокойно провести утро.

— Самая разумная из всей компании, — заметила я.

Рейгар посмотрел через плечо.

— Из зверей.

— Ты сейчас утверждаешь, что среди нас троих разумных нет?

— Я ничего не утверждал.

— Именно поэтому он мне нравится, — сказала Миэли. — Экономит слова.

— Потому что вы обе используете их достаточно за троих.

На этот раз рассмеялась уже я.

— Знакомы меньше двух дней, а он начал жаловаться.

— Я не жалуюсь.

Сказано было настолько спокойно, что спорить стало ещё смешнее.

К тому времени, как мы вышли из общежития, тяжёлое послевкусие разговора с Дрейком заметно ослабло. Утро было ясным и прохладным. Солнце поднималось над горами, золотило верхушки башен, вспыхивало в росе на дорожках. Факультет уже жил: старшие кадеты направлялись к тренировочным площадкам, кто-то уходил в Долину, а над дальними корпусами медленно прошёл огромный крылатый зверь.

До взлётного поля добрались быстро.

Аша я увидела первым. Даже среди Великих зверей его истинная форма притягивала взгляд слишком легко: почти двенадцать метров воплощённой ночи, огромные крылья, по которым скользили живые тени, фиолетовые глаза с холодными отблесками рассвета. Он стоял чуть в стороне и держался с таким величием, будто площадка уже официально перешла в его владение.

Рядом находились два Великих зверя.

Аурэлия Сольвейн напоминала пегаса из земных легенд, если бы создатели этих легенд не забыли упомянуть, насколько мощным может быть подобное существо. Почти четыре метра в холке, сильная грудь, длинные ноги, золотисто-белая шерсть и огромные светлые крылья, сложенные вдоль боков. Грива стекала по шее мягким сияющим полотном. В ней чувствовалось что-то светлое и спокойное, но размеры мгновенно избавляли от желания воспринимать её исключительно как красивое создание.

Сильва производила совсем другое впечатление. Белоснежно-серебристая шерсть отличала холодным металлом, мощные крылья покрыты плотными светлыми перьями, а огромная хищная голова находилась так высоко, что рядом с ней Рейгар впервые не казался особенно крупным. Волчица не демонстрировала зубы и не напрягалась, однако одного взгляда хватало, чтобы вспомнить: сила не нуждается в постоянной демонстрации.

— Боги... — выдохнула я.

Миэли распрямилась от гордости.

— Красивая, правда?

— Обе.

Рейгар ничего не ответил, но это и не требовалось. Стоило Сильве заметить его, как серебристые уши повернулись, огромная голова опустилась ниже. Он подошёл первым и положил ладонь возле её морды. Волчица прикрыла глаза, осторожно коснулась носом его плеча,

и привычная сдержанность Рейгара на несколько мгновений смягчилась настолько, что стало очевидно, как много для него уже значит её выбор.

Миэли направилась к Аури.

— Доброе утро, красавица.

Аури склонила голову. Миэли обняла её настолько, насколько вообще можно обнять морду существа такого размера, а Аури мягко толкнула девушку лбом. Их связь ещё не могла быть глубокой, но тепло между ними чувствовалось без всяких объяснений.

Я приблизилась медленнее.

Аури посмотрела сначала на меня, затем на Аша.

«Она считает кого-то из нас слишком шумным», — сообщил феникс.

Я скосила на него взгляд.

«Кого именно?»

Короткая пауза оказалась подозрительной.

Миэли прислушалась к собственной связи и нахмурилась.

— Аури говорит, что имела в виду Аша.

Я медленно повернула голову к фениксу. Тот невозмутимо расправил одно крыло.

«Разница несущественна».

— Лжец.

Рейгар подошёл ближе.

— Сильва говорит, что он часто так делает.

Тени вдоль груди Аша поднялись чуть сильнее, а Миэли, оглядев всех троих Великих зверей, покачала головой.

— Чувствую, перелёт будет невероятно спокойным.

Сильва сама приблизила морду ко мне, прежде чем я решилась протянуть руку. Только тогда коснулась густой серебристой шерсти возле щеки.

— Рада познакомиться.

Рейгар прислушался.

— Она тоже. И говорит, что представляла тебя выше.

Я повернулась к нему.

— Почему все считают необходимым обсуждать мой рост?

— Потому что он заметный.

— От мужчины почти двух метров звучит особенно возмутительно.

Миэли встала рядом, и мы обе посмотрели на Рейгара снизу вверх.

Он вздохнул.

— Я не выбирал рост.

— Но пользуешься, — заметила я.

Из-за спины пришёл голос Аша:

«Если обсуждение размеров окончено, можно лететь».

— Тебе просто не нравится, что внимание ушло от тебя.

Фиолетовые глаза сузились.

«Садись, Иллирис».

Полететь во второй раз оказалось заметно проще. Аш опустил крыло, и я поднялась к основанию шеи уже без вчерашней осторожности. Высота по-прежнему впечатляла, но тело хотя бы знало, чего ожидать. Тени мягко легли вдоль бёдер и талии, страхуя и не ограничивая движения.

Рейгар забирался на Сильву значительно осторожнее, чем могло показаться. Волчица сама присела ниже, а когда он устроился, по их связи явно прошла короткая корректировка: мужчина изменил положение ног и наклонился ближе к основанию шеи.

Миэли сначала обхватила часть гривы Аури обеими руками. Пегас что-то передала ей, и девушка немного расслабила плечи.

— Аури говорит, что я слишком напряжена.

— Слушай Аури.

— Очень полезный совет.

Первой взлетела Сильва. Несколько мощных шагов, резкий толчок — и огромное серебряное тело поднялось в воздух. Аури ушла следом, поймав крыльями рассветный свет.

Аш дождался, пока обе наберут высоту.

«Готова?»

Я улыбнулась и пригнулась ближе к его шее.

«Всегда».

Он рванул вверх.

Воздух ударил в лицо, желудок привычно провалился вниз, Академия стремительно уменьшилась. Я рассмеялась, и через связь почти сразу пришёл ответный всплеск удовольствия Аша.

В небе он менялся. Самоуверенность, язвительность и вечное недовольство архитектурой никуда не исчезали, но переставали быть главным рядом с чистой свободой движения. Огромные крылья ловили поток, тело отзывалось на воздух так естественно, будто физическая форма существовала у него не второй день, а всегда.

На короткое мгновение я почувствовала его удовольствие от давления воздуха под крыльями — яркий отголосок чужого ощущения, который почти сразу исчез.

Мы догнали остальных. Сильва держалась немного ниже, Рейгар сидел уже увереннее, но сохранял особую собранность существа, которое понимает, что навык ещё предстоит освоить. Миэли постепенно перестала цепляться за гриву и, заметив меня, широко улыбнулась.

Под нами раскрывались горы. Река тянулась серебряной лентой, леса лежали тёмно-зелёными пятнами, а впереди появились черепичные крыши Рейвенхольма.

«Тебе нравится», — произнёс Аш без привычной насмешки.

Я провела ладонью по тёмным перьям.

«Очень».

Ответное тепло прошло через связь, и Аш поднялся чуть выше.

Посадочная площадка располагалась за северными воротами. Здесь уже находились несколько Великих зверей, чьи призыватели ушли в город. Сильва приземлилась первой, Аури — следом. Аш опустил последним, подняв такой поток воздуха, что служитель возле въезда прижал шляпу обеими руками.

Я спустилась по крылу.

— Мы надолго.

«Знаю».

— Не скучайте.

Сильва посмотрела так, будто сама мысль о скуке без трёх первокурсников оскорбляла её достоинство. Рейгар прислушался.

— Она просит не переоценивать нашу развлекательную ценность.

Миэли погладила Аури по морде.

— Аури обещает дожждаться.

Аш опустил голову ближе.

«Иди. Вчера ты сама полвечера обсуждала подушки, ткани и магазины. Я морально подготовлен».

«Бедный Верховный старейшина».

«Именно».

Мы оставили Великих зверей на площадке и вошли в город.

Утром Рейвенхольм выглядел совсем иначе, чем в день поступления: из пекарен пахло свежим хлебом, торговцы открывали ставни, над дверями раскачивались кованые вывески, по мощёным улицам двигались ремесленники, покупатели и кадеты Эрдана.

Первой ошибкой Рейгара стало предложение купить только необходимое.

Через десять минут после входа в лавку одежды и кожаных изделий он держал три рубашки, а ещё через несколько Миэли приложила к его груди четвертую и задумчиво прищурилась.

— Эта лучше серой.

— Она зелёная.

— Хвойная.

Он посмотрел на другую.

— Эта тоже зелёная.

— Оливковая.

Рейгар перевёл взгляд на меня, явно рассчитывая на разумного союзника. Я кивнула.

— Миэли права. Совершенно разные.

— Я начинаю жалеть, что пришёл.

— Поздно.

Пока Миэли спасала его гардероб, я нашла мягкий чёрный пояс-корсет с тонкими фиолетовыми вставками и удобными креплениями для ножен. Он сидел свободнее академического, не давил на рёбра и отлично подходил для города. Миэли увидела коричневый вариант и забрала себе.

— Ты целительница, — заметила я. — Сколько ножей тебе требуется?

Она посмотрела на меня через зеркало.

— А сколько должно быть у целительницы, которая знает анатомию лучше половины убийц?

— Хороший ответ.

Рейгар со своего дивана произнёс:

— Ни одного.

Мы одновременно повернулись. Миэли улыбнулась ему очень мягко.

— Рей, целитель без ножа — просто существо, которое знает, куда нужно ударить, но почему-то не подготовилось.

— Это тревожная логика.

— Зато логика.

Из лавки мы вышли с поясами, дополнительными ножнами, несколькими рубашками для нас и пятью для Рейгара, хотя он до последнего утверждал, что согласился только на три.

В магазин домашней одежды он заходить отказался, но Миэли потребовала помочь выбрать цвет пижамы, а я предложила постоять рядом ради моральной поддержки. Рейгар несколько секунд смотрел на нас и, видимо, решил, что капитуляция займёт меньше времени, чем сопротивление.

Через двадцать минут он сидел возле примерочных с видом существа, пересмотревшего несколько важных жизненных решений.

— Фиолетовый или винный? — спросила я.

— Оба.

— Неправильный ответ.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Миэли высунулась из-за занавески.

— Голубой или зелёный?

Рейгар медленно поднял глаза к потолку.

— Голубой.

— Спасибо.

Я села рядом.

— Видишь? Ты полезен.

— День ещё не закончился.

Дальше мы быстро купили средства ухода, канцелярию и расходные мелочи, а затем отправились в лавку интерьерных вещей.

Там Миэли исчезла среди подушек почти мгновенно. Я нашла большую аметистовую для подоконника, два пледа — глубокого чёрно-фиолетового и серебристого оттенка — и настольный светильник из тёмного металла с матовым световым кристаллом. Миэли выбрала кремовое покрывало и такое количество небольших подушек, что Рейгар наконец спросил:

— Ты планируешь спать или укреплять оборону комнаты?

— Зависит от того, продолжите ли вы критиковать мой интерьер.

— Логично, — поддержала я.

Он отошёл к другой стойке, и именно там я заметила, как Рейгар взял коробку хороших рисовальных карандашей. Проверил один, провёл пальцем по лежавшей рядом плотной бумаге, потом всё аккуратно вернул.

Я ничего не сказала. Миэли заметила тоже, но лишь на секунду встретилась со мной взглядом и тут же переключилась на полку с покрывалами. Мы обе поняли одно и то же: если Рейгар захочет рассказать, почему рассматривал принадлежности для рисования, сделает это сам.

Он всё равно насторожился.

— Что?

— Ничего.

— Подозрительно.

— Паранойя, — сообщила я.

Плед для его комнаты мы всё-таки купили, вместе с дополнительной подушкой. Достаточно нейтральные вещи, чтобы забота не превращалась во вторжение. Покупку спрятали в моём браслете, пока Рейгар рассчитывался в соседней лавке.

К полудню ноги начали напоминать, что утро началось не с прогулки по магазинам, а со спарринга.

Мы пересекали центральную площадь, когда я увидела храм. Он был меньше Центрального храма Аэстрана, но знакомая архитектура сразу выдавала принадлежность Троим: светлый камень, три высоких окна над входом — фиолетово-синие витражи Аэлиры, зелёно-золотые Лир, красно-золотые Ариса. Над дверью три символа переплетались внутри общего круга.

Я остановилась. После разговора с Дрейком желание связаться с Верховными жрецами стало почти физическим.

— Мне нужно зайти.

Миэли посмотрела на храм.

— Конечно.

Рейгар просто повернул вместе с нами.

Внутри было тихо и прохладно. Службы не проходили, поэтому в главном зале находилось всего несколько посетителей. Две послушницы меняли свечи возле алтаря Лир, пожилой жрец разговаривал у входа с семейной парой, а из боковой галереи вышел мужчина в светлой мантии настоятеля.

Он увидел меня и сразу узнал. Видимо, Центральный храм действительно заранее предупредил его о воспитаннице, находящейся под личным покровительством Верховных жрецов.

Настоятель подошёл и склонил голову чуть глубже, чем приветствовал бы обычную кадетку.

— Иллирис. Рад, что вы добрались до Рейвенхольма благополучно. Верховные жрецы просили передать, что храм открыт для вас в любое время.

Я почувствовала, как Миэли стала внимательнее. Рейгар тоже заметил необычную формальность, но оба промолчали.

— Спасибо, отец. Мне как раз хотелось отправить письмо в Центральный храм.

— Разумеется. Стационарный вестник находится в боковой канцелярии. Ваши друзья могут пройти вместе с вами.

— Они подождут здесь. Я быстро.

Миэли улыбнулась.

— Мы никуда не спешим.

Настоятель провёл меня в небольшую комнату за боковой аркой: письменный стол, шкаф с бумагой, тяжёлая деревянная шкатулка с тремя руническими знаками на крышке.

— Этот вестник связан с приёмным артефактом канцелярии Центрального храма. Письмо поступит туда, а дальше его передадут указанным адресатам.

— Прекрасно. Всем троим Верховным жрецам.

Настоятель едва заметно улыбнулся.

— Надеюсь, хорошие новости.

— В основном.

— Тогда оставляю вас.

Когда дверь закрылась, я села за стол, подтянула лист и несколько секунд смотрела на чистую бумагу, прежде чем написать:

«Дорогие мои заговорщики».

Перечитала и решила оставить.

Дальше слова пошли легче. Рассказала о вступительном экзамене, заметно смягчив подробности со стаей волков, иначе Верховная жрица Лир способна была лично изобрести способ перемещения через половину страны. Сообщила о ритуале, Чёрном Пламени, Миэли, Рейгаре и Аше.

«Меня выбрал Ашэрион Ноктэар, Великий теневой феникс, Верховный старейшина Теневых».

По связи немедленно пришло:

«Формулировка слишком сухая».

«Письмо не тебе».

«Ты пишешь обо мне».

«Терпи».

Аш оскорблённо замолчал.

Я добавила пару строк о комнате, личной ванной и катастрофической нехватке книжных полок, а Верховной жрице Лир отдельно сообщила, что действительно питаюсь нормально.

Потом дошла до Кассиана.

Перо задержалось над бумагой, но всего на несколько секунд.

«А теперь к причине, по которой при следующей встрече я буду смотреть на вас троих особенно внимательно».

Сегодня я узнала, что Кассиан Нарден несколько лет пытался найти неизвестную девушку, с которой когда-то разговаривал в вашем саду. Более того, он приходил в Центральный храм и спрашивал о ней у вас.

То есть вы прекрасно поняли, кого именно он ищет, и решили не говорить об этом ни ему, ни мне.

Особенно передайте Верховной жрице Аэлиры, что фраза „если встреча действительно должна повториться, Астерион сам найдёт для неё дорогу“ была великолепна.

Почти простила.

Почти.

Люблю вас.

При следующей встрече поговорим. Очень подробно.

Иллирис.

P.S. Верховный жрец Ариса, даже не пытайтесь утверждать, что были не в курсе.

P.P.S. Верховная жрица Лир, я действительно ем. Отдельное письмо с вопросом „сколько?“ не требуется».

Перечитала и осталась довольна. Сложила лист, вложила в конверт, написала имена трёх Верховных жрецов и активировала вестник маной. Руны коротко засветились, конверт окутало мягкое белое сияние, и через мгновение он исчез.

— Получайте.

Когда я вернулась в главный зал, Миэли и Рейгар сидели на дальней скамье. Настоятель стоял неподалёку. Я поблагодарила его, и мы вышли на площадь.

Несколько десятков шагов никто ничего не спрашивал, и я почти успела решить, что разговор откладывается, когда Миэли всё-таки заговорила:

— Ты сказала, что жила при Центральном храме.

— Да.

— Но настоятель обращался с тобой так, будто получил о тебе отдельные распоряжения от Верховных жрецов.

Я посмотрела на неё. Рейгар шёл с другой стороны и тоже ждал ответа, не проявляя ни нетерпения, ни подозрения. Это не было опасной тайной — просто часть жизни, которую я не привыкла выкладывать почти незнакомым существам, хотя назвать этих двоих совершенно чужими уже становилось трудно.

— Я действительно находилась под личным покровительством всех троих Верховных жрецов.

Миэли замедлилась.

— Всех троих одновременно?

— У них странная семейная модель.

Рейгар едва заметно улыбнулся.

— Они тебя воспитывали? — спросила Миэли.

Я немного подумала.

— Наверное, это самое точное слово. Формально Центральный храм взял меня под опеку, когда мне было восемнадцать. Потом Верховная жрица Лир решила, что я недостаточно ем, Верховный жрец Ариса — что недостаточно хорошо дерусь, а Верховная жрица Аэлиры — что остальные двое слишком меня балуют.

— И кто оказался прав? — спросил Рейгар.

— Я.

— Такого варианта не было.

— Поэтому он самый правильный.

Миэли рассмеялась. Любопытство у обоих осталось, но никто не стал вытягивать подробности, и именно это позволило расслабиться. Мне не пришлось ни лгать, ни придумывать удобную полуправду, ни объяснять больше, чем хотелось.

Мы снова вернулись к рынку. Тарен попался возле оружейной лавки и немедленно проникся трагедией Рейгара после рассказа о пяти рубашках. Лэйну мы встретили позже у алхимиков: сначала она издевалась над количеством масел для волос у Миэли, а спустя несколько минут сама купила два.

К обеду мы окончательно устали.

Таверну выбрали по запаху. Над дверью висел чёрный олень, внутри было тепло, шумно и почти всё занято кадетами. Мы уже собирались искать свободный стол, когда меня окликнули.

— Иллирис!

Возле окна сидели Элиан, Тарен и Орвин.

Я посмотрела на Тарена.

— Ты телепортировался?

Он поднял кружку.

— Я просто умею проходить мимо магазинов.

Рейгар тихо добавил:

— Я тоже.

Миэли покачала головой.

— Хвастовство — плохое качество.

За столом нашлось место для всех. После нескольких часов рынка горячая еда казалась особенно прекрасной. Я заказала мясо с картофелем и овощами, Миэли выбрала рыбу, а Рейгар попросил такую порцию, что стало понятно, куда уходит значительная часть продовольственного бюджета Академии.

Тарен услышал историю с рубашками и немедленно встал на сторону Рейгара.

— Пять — это насилие.

— Это одежда, — сказала Миэли.

— Мужчине достаточно одной хорошей рубашки.

Элиан спокойно спросил:

— Сколько у тебя?

Тарен замолчал. Орвин ответил за него:

— Одиннадцать.

— Предатель.

Я посмотрела на Рейгара.

— Видишь? Мы ещё проявили умеренность.

— Нет.

Разговор продолжился легко и шумно. Я время от времени ловила взгляд Элиана. Он смотрел не так, как Кассиан: не горячо и открыто, не превращая само внимание в отдельную игру. Скорее замечал мелочи, задерживая взгляд, когда я морщилась от горячего напитка или отодвигала косу за плечо, а потом спокойно возвращался к разговору.

Когда обед почти закончился, Миэли объявила, что хочет вернуться в Академию и разобраться с комнатой. Рейгар заметил, что на деле она хочет переставить всё, что можно переставить. Тарен и Орвин тоже собрались обратно, а Элиан ненадолго замолчал.

Потом повернулся ко мне.

— Если ещё остались силы, я хотел слетать к одному месту неподалёку. Есть озеро западнее дороги к Академии. Красивое и обычно почти пустое. Составишь компанию?

В голосе не было нажима.

Я мысленно обратилась к Ашу:

«Не против слетать к озеру вместе с Элианом и Альвэром?»

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Нет».

«Вот так просто?»

«Ты спросила».

«Подозрительно».

Аш немного помолчал.

«Альвэр разумный. Элиана опасным ты не считаешь. Я доверяю твоему решению».

От него это звучало почти непривычно серьёзно.

«Спасибо».

Я посмотрела на Элиана.

— С удовольствием.

Миэли занялась кружкой, но короткую улыбку всё-таки не спрятала.

После обеда мы вышли вместе и у северных ворот разделились.

— Хорошо погулять, — сказала Миэли.

— Спасибо.

Рейгар посмотрел на меня.

— Не опаздывай.

— Куда?

Он ненадолго задумался.

— Никуда.

— Отличный совет.

Тарен хлопнул Элиана по плечу.

— Мы ничего никому не скажем.

Элиан поднял бровь.

— О чём?

— Именно.

Орвин утащил его дальше, а я проводила компанию взглядом.

— Ужасные существа.

— Примерно к четвёртому курсу проходит, — заметил Элиан.

— Уверен?

— Нет.

На посадочной площадке нас уже ждали Великие звери. Сильва и Аури встретили своих призывателей, а рядом с Ашем находился ещё один огромный зверь.

Альвэрион Сэйлар. Даже лёжа на камне, палевый крылатый барс выглядел впечатляюще: мощное гибкое тело, золотисто-кремовая шерсть, огромные светлые крылья вдоль боков. Когда Элиан подошёл, Альвэр поднялся, и стало особенно хорошо видно, насколько он велик.

Элиан положил ладонь на его морду.

— Альвэр, это Иллирис.

Барс посмотрел на меня. Я слегка склонила голову.

— Рада знакомству.

Руку первой не протянула. Он сам сократил расстояние, коснулся носом раскрытой ладони, и только тогда я провела пальцами по короткой тёплой шерсти.

Аш и Альвэр обменялись несколькими ментальными репликами в собственном канале, который я не слышала. Через секунду тени по крыльям феникса пошли быстрее.

«Разговорчивый барс».

«Что сказал?»

«Что я слишком быстро решил исправить всю современную Академию».

Я посмотрела на Альвэра.

— Мне уже нравится твой Великий зверь.

Элиан прислушался к собственной связи и улыбнулся.

— Альвэр говорит, что просто обозначил наблюдение.

«Самоуверенный».

«Это говоришь ты?»

Возмущение Аша прокатилось по связи настолько величественно, что я предпочла не продолжать.

Сильва и Аури вскоре взлетели со своими призывателями. Следом ушли Великие звери Тарена и Орвина. Мы отправились немного позже.

Озеро находилось недалеко, но в стороне от основной дороги. Аш держался выше. Альвэр летел иначе: тяжелее набирал высоту, зато затем долго скользил на огромных светлых кры-

лях почти без усилия. Элиан сидел гораздо увереннее меня, что было естественно после двух лет связи.

Когда мы перелетели невысокий хребет, озеро открылось сразу — длинная синяя чаша между горами, настолько чистая, что у берега с высоты различались светлые камни под водой. Лес подступал почти вплотную, а на дальней стороне с низкого уступа падал небольшой водопад. Никаких домов, дорог или чужих голосов. Только вода, лес и горы.

Аш опустился на травяную поляну, Альвэр приземлился рядом. Я спустилась по крылу и вдохнула холодный влажный воздух.

— Красиво.

— Я впервые попал сюда на первом курсе, — сказал Элиан. — Альвэр нашёл место, когда я несколько дней жил в Долине.

— Значит, его озеро.

Элиан прислушался.

— Он утверждает, что никогда не говорил обратного.

Альвэр уже направился к воде. Аш посмотрел на него и пошёл следом.

«Поговорю с барсом».

«О чём?»

«О делах Великих зверей».

«Очень содержательно».

«Иллирис».

Я улыбнулась. Они удалились вдоль берега без всякой попытки изображать сватовство: просто два древних разумных существа решили, что у них есть собственные темы, а мы с Элианом естественным образом остались вдвоём.

— Кажется, у них появился отдельный разговор, — заметил он.

— У Аша сейчас отдельный разговор почти с каждым древним существом, которое встречается.

— После тысячелетий отсутствия, пожалуй, имеет право.

Мы пошли вдоль воды. Элиан рассказывал о Южном герцогстве — не то, что можно найти в официальных книгах, а мелкие семейные вещи: о садах, где его мать лично спорит с садовниками; о кухнях, которые в детстве устраивали гонки по парадным галереям; об отце, способном обсуждать за одним завтраком урожай, военный бюджет и качество вина с одинаковой серьёзностью.

Я рассказывала о Центральном храме: о библиотеке, о Верховной жрице Лир и её войне против пропущенной еды, о Верховном жреце Ариса, который однажды заставил меня повторять одну стойку почти три часа, а потом признался, что она была нормальной уже через час.

— И что ты сделала? — спросил Элиан.

— На следующий день принесла на его тренировку лучший пирог, который смогла найти.

— В качестве перемирия?

— Я ела его перед ним и не поделилась.

Элиан тихо рассмеялся.

— Жестоко.

— Он заслужил.

Мы дошли до широкого камня возле воды. Я села первой, Элиан устроился рядом, оставив между нами комфортное расстояние. Несколько минут мы просто смотрели на озеро. С ним молчание не требовало спасения, и именно поэтому, когда он заговорил, вопрос прозвучал естественно.

— Ты все пять лет жила при храме?

— Да. До этого — нет.

Он не стал просить продолжения, и мне самой захотелось сказать больше.

— До храма был приют. Когда исполнилось восемнадцать, ушла оттуда, а потом обстоятельства привели меня под защиту Центрального храма.

— Судя по твоим рассказам, Верховные жрецы действительно относятся к тебе как к семье.

Я посмотрела на воду.

— Стали семьёй.

— Хорошей?

— Лучшей, о какой могла просить.

Элиан просто кивнул, не пытаясь вытащить из меня историю приюта или выяснить, почему в восемнадцать я внезапно оказалась под защитой главного храма страны. Мне это нравилось.

— А ты? — спросила я. — Наследником герцогства быть так же весело, как звучит?

— Мне никогда не казалось, что звучит весело.

— Справедливо.

Он улыбнулся.

— Меня готовили с детства. Управление, политика, армия, законы, вассалы. Я никогда не воспринимал это как отдельную будущую жизнь. Просто как часть своей.

— Не хотелось однажды всё послать?

Элиан ненадолго задумался.

— Иногда хотелось недели, в которую никто ничего не ждёт. Но отказаться от Юга полностью — нет.

В его ответе не было ни гордой речи о долге, ни попытки представить власть личной жертвой. Просто спокойное принятие того, с чем он вырос.

Я невольно сравнила его с Кассианом. На Элиана будущая ответственность не рухнула внезапно после смерти старшего брата. Он рос внутри неё и успел научиться воспринимать её не как наказание.

Элиан почувствовал взгляд и повернулся. Наши глаза встретились. На этот раз его взгляд задержался чуть дольше, и в янтарных глазах появилось тепло, которого вчера почти не было. Взгляд коротко коснулся моих губ и вернулся к глазам — достаточно, чтобы я заметила, но не настолько, чтобы превращать прогулку в признание.

— Что? — спросила я.

Элиан чуть улыбнулся.

— Рад, что вчера столкнулся именно с твоей стопкой книг.

— Очень специфичная благодарность судьбе.

— Но сработало.

Я рассмеялась, и он тоже. На этом всё. Не требовалось немедленно решать, что именно означает его интерес и что должна чувствовать я. Рядом с Элианом было спокойно, тепло и легко, а этого пока вполне хватало.

Мы говорили ещё долго — о книгах, оружии, Академии и местах Астериона, которые я пока знала только по картам. Элиан рассказал, что до сих пор любит верховую езду, хотя после Альвэра многим она кажется бессмысленной. Я призналась, что хочу увидеть океан Элар.

— Если когда-нибудь попадёшь на Юг, покажу одно место, — сказал он. — На рассвете море там становится почти золотым.

— Запомню.

Солнце уже заметно сместилось, когда голос Аша появился в сознании:

«Если хотите вернуться до темноты, пора».

Я посмотрела на небо.

— Нам пора.

Элиан прислушался к собственной связи.

— Альвэр тоже говорит.

Великие звери вернулись вдоль берега вместе. Аш выглядел слишком довольным.

«О чём разговаривали?»

«О важном».

«Любимый ответ?»

«Удобный».

Я не стала давить.

Обратный полёт прошёл спокойно. Солнце уходило за горы, облака становились золотисто-фиолетовыми, ветер — холоднее. На взлётное поле Академии мы приземлились ближе к вечеру.

Альвэр почти сразу направился в Долину, и Аш тоже собирался остаться.

«Вернёшься ночью?»

«Да».

На секунду захотелось спросить, зачем и с кем он снова собирается разговаривать, но я остановилась. Его жизнь не обязана становиться приложением к моей только потому, что наши души связаны.

«Хорошо. Только не объявляй войну современности без меня».

«Без необходимости».

«Совсем не успокоил».

Феникс взлетел вслед за Альвэром.

Мы с Элианом пошли к общежитию. Усталость ощущалась приятно: ноги немного ныли, пространственный браслет был забит покупками, а мысли впервые с утра перестали возвращаться к Кассиану каждые несколько минут.

Элиан рассказывал о завтрашнем расписании третьего курса, когда мы поднялись на этаж Чёрного Пламени.

Кассиан стоял возле моей двери, прислонившись плечом к стене и скрестив руки на груди. Лицо оставалось спокойным, однако серо-стальные глаза сначала нашли меня, затем скользнули к Элиану и только потом вернулись обратно.

Я невольно замедлилась. Элиан тоже заметил его.

— Кассиан.

— Элиан.

Оба имени прозвучали безупречно вежливо, и именно поэтому приветствие казалось подозрительнее любой открытой неприязни.

Элиан первым вернул внимание мне.

— Спасибо за прогулку. Было хорошо.

— Мне тоже.

Он чуть улыбнулся.

— Увидимся завтра за завтраком?

— Конечно.

— Тогда до завтра.

Элиан коротко склонил голову и пошёл дальше по коридору, не превращая прощание в демонстрацию и даже не оглядываясь на Кассиана. Это совершенно не помогло.

Стоило ему скрыться за поворотом, как я снова посмотрела на мужчину возле двери. Кассиан больше не пытался изображать безразличие: челюсть была напряжена, во взгляде появилось то тяжёлое раздражение, которое я уже видела вчера вечером.

Я подошла ближе.

— Что случилось?

— Ничего.

— Очень убедительно.

Он оттолкнулся от стены.

— Хорошо погуляла?

— Очень.

Серо-стальные глаза чуть сузились. Я сознательно выбрала самый короткий и самый раздражающий ответ.

— Рад.

— Врёшь.

— Ты всегда настолько наблюдательная?

— Когда мужчина почти прожигает Элиану спину взглядом, особого таланта не требуется.

Кассиан замолчал. Я достала ключевую пластину.

— Если пришёл читать лекцию о дисциплине, сразу предупреждаю: сегодня свободный день.

— Я не ради дисциплины.

— Тогда зачем?

Он посмотрел прямо на меня, и привычной насмешки в его лице не осталось.

— Поговорить.

Я открыла дверь.

— Проходи.

Кассиан вошёл следом. Я закрыла дверь, не запирая, положила ключевую пластину на тумбу и только потом повернулась. Он стоял ближе, чем требовал обычный разговор, но не касался меня и не перекрывал выход.

— Ну? — спросила я.

— Тебе нравится Элиан?

Вопрос оказался настолько прямым, что я на мгновение просто посмотрела на него.

— Это официальный интерес лидера секции?

— Нет.

— Тогда кто его задаёт?

Серо-стальные глаза потемнели.

— Мужчина.

Внутри приятно затянулось. Я скрестила руки на груди.

— Интересно.

— Не уходи от ответа.

— А ты не командуй.

Кассиан сделал ещё шаг. Между нами осталось совсем мало пространства, но он остановился сам, не вынуждая меня отступать. Ладонь легла на дверь возле моей головы, другая осталась свободно опущенной.

— Я не командую.

— Плохо получается.

— Иллирис.

Голос стал ниже.

— Ты провела с ним почти весь день.

— И?

— И вернулась довольная.

— Это преступление?

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

Кассиан выдохнул через нос и несколько секунд молчал, словно сам ненавидел ответ за его очевидность.

— В том, что мне это не нравится.

Улыбка появилась раньше, чем я успела её остановить.

— Ты ревнуешь.

Он не стал отрицать. Не отшутился. Не попытался спрятать чувство за очередной провокацией.

— Да.

Одно короткое слово прошло через тело горячей волной. Я сделала небольшой шаг вперёд, сокращая расстояние уже по собственной воле.

— И что собираешься с этим делать?

Взгляд Кассиана опустился к моим губам.

— Пока пытаюсь решить.

— Медленно.

Его свободная рука поднялась, пальцы коснулись моего запястья и остановились, не сжимая.

— Если скажешь отпустить, отпущу.

Я посмотрела на его руку, затем снова в лицо. Вот теперь всё было предельно ясно. Никакой ловушки. Никакого права, которое он присвоил себе только потому, что ревнует. Выбор оставался у меня.

Свободной рукой я ухватила его за ворот рубашки и потянула ближе.

— Только попробуй.

Что-то в серо-стальном взгляде изменилось мгновенно. Пальцы на запястье сомкнулись крепче, но боли не причинили, вторая ладонь скользнула с двери на мою талию, и я сама позволила спине коснуться дерева.

Кассиан наклонился. Между нашими губами осталось совсем немного воздуха, горячее дыхание смешалось с моим, а ревность, которую он ещё несколько минут назад пытался удерживать за спокойным лицом, теперь совершенно открыто читалась в его взгляде.

Я улыбнулась.

— Ну что, Нарден? Всё ещё думаешь?

Его большой палец медленно скользнул по запястью.

— Уже нет.

Похоже, разговор действительно обещал быть очень интересным.

Глава 12

Иллирис

Кассиан не ответил сразу. Его пальцы всё ещё охватывали моё запястье, но держал он не силой — скорее напоминал о прикосновении, которое я сама разрешила несколько секунд назад. Вторая ладонь лежала на талии, тепло чувствовалось даже сквозь рубашку и корсет, а между нами оставалось так мало пространства, что каждый его вдох мягко касался моих губ.

Я всё ещё держала его за ворот. Могла отпустить. Он мог отойти. Ни один из нас ничего не сделал.

— Значит, уже не думаешь? — спросила я, чуть ослабляя пальцы на ткани.

Серо-стальные глаза опустились к моему рту и вернулись обратно.

— Уже нет.

— Тогда что именно ты решил?

На этот раз уголок его губ даже не дрогнул. Вчерашняя ленивая наглость, с которой Кассиан умел превратить почти любую реплику в флирт, исчезла. Осталась сосредоточенность мужчины, которого собственная реакция раздражала ничуть не меньше, чем меня.

— Что мне совершенно не нравится Элиан рядом с тобой.

— Это я уже поняла.

— Хорошо.

— Нет, Нарден. Совсем не хорошо.

Я отпустила его ворот, но не отступила. Кассиан тоже остался на месте, только пальцы на запястье разжались окончательно и скользнули вниз, прежде чем рука опустилась вдоль тела.

— Ты пришёл ко мне из-за того, что я провела день с мужчиной, с которым мне приятно общаться. Стоял у двери, смотрел на него так, будто ещё немного — и Север с Югом внезапно вспомнят все старые территориальные споры. Теперь признаёшься, что ревнуешь. Это, безусловно, очень занимательно, но у меня всё ещё остаётся вопрос: какого чёрта?

Кассиан медленно выдохнул.

— Я бы тоже хотел знать.

Ответ оказался настолько неожиданным, что я несколько секунд просто смотрела на него.

— Что?

— Я понимаю, насколько это ненормально, Иллирис. Мы встретились снова несколько дней назад. Ты ничего мне не обещала. Я не имею права решать, с кем тебе гулять, завтракать или проводить свободное время. Элиан тоже ничего не сделал, за что я мог бы предъявить ему претензию.

— Как приятно слышать здравые мысли.

— Не перебивай. Они сегодня и так даются тяжело.

Я невольно усмехнулась, но промолчала. Кассиан провёл ладонью по волосам, окончательно разрушая аккуратность причёски, и впервые с момента нашего знакомства в нём появилась растерянность, которую он даже не пытался спрятать.

— А потом я вижу вас вместе и понимаю, что мне хочется найти совершенно законный повод вытащить наследника Юга на тренировочную площадку. Желательно без зрителей.

— Ради чего?

— Ради научного исследования.

— Какого именно?

— Сколько ударов мне потребуется, чтобы перестать хотеть его ударить ещё раз.

Я закрыла глаза на секунду.

— Поражительный уровень эмоциональной зрелости.

— Я не говорил, что горжусь.

Это было настолько откровенно и одновременно настолько по-его нелепо, что раздражение немного треснуло. Я фыркнула и покачала головой.

— И поэтому ты пришёл ко мне?

— Потому что, если бы не пришёл, к утру придумал бы ещё десяток причин злиться. Я предпочёл выяснить хотя бы одну настоящую.

— И выяснил?

Кассиан посмотрел прямо на меня.

— Ты мне нравишься.

— Это мы тоже уже установили.

— Сильнее, чем должна нравиться женщина, которую я толком не знаю.

Вот это прозвучало уже не смешно. Внутри что-то откликнулось слишком знакомым напряжением, потому что ровно эта мысль последние дни раздражала и меня.

Физическое желание никогда не было загадкой. На Земле я слишком рано перестала воспринимать секс как что-то сакральное, страшное или определяющее ценность женщины. Красивые мужчины нравились мне и раньше. С некоторыми я спала, к некоторым возвращалась несколько раз, а одного когда-то впустила значительно глубже, чем следовало, и заплатила за это жизнью.

С Кассианом проблема заключалась не в том, что я хотела его. Я слишком быстро начала хотеть знать, каким он бывает за пределами флирта. Уже знала, как меняется его лицо во время боя, как он разговаривает с первокурсниками, как мгновенно перестаёт шутить, когда кто-то задаёт действительно важный вопрос. Мне нравился его смех. Нравилось его раздражать. Хотелось снова увидеть два серебряных меча в руках и проверить, смогу ли в следующий раз обмануть его. Чтение намерений раньше.

Для нескольких дней знакомства этого действительно было слишком много.

— Допустим, — произнесла я медленнее. — Но наличие у нас одинаково идиотской реакции всё ещё не делает меня твоей женщиной.

— Я этого не говорил.

— Пока.

— Иллирис.

— Что?

— Ты тоже ревновала.

Я прищурилась.

— Даже не начинай.

— В Рейвенхольме.

— Селин меня бесит сама по себе.

— Когда положила руку мне на предплечье, она ещё даже не успела тебя как следует взбесить.

Вот ублюдок.

Я прекрасно помнила тот короткий неприятный укол, возникший раньше, чем Селин открыла рот. Сегодня утром её появление на тренировочной площадке тоже совершенно не улучшило настроение, а рассказ Дрейка о нескольких месяцах их отношений сделал всё понятнее, но не приятнее.

— Это ничего не доказывает.

— Конечно.

— Не улыбайся.

— Я не улыбаюсь.

Он действительно не улыбался, но удовлетворение в глазах было слишком явным. Я ткнула пальцем ему в грудь.

— Наличие у меня идиотской реакции не означает, что ты можешь вести себя как собственник.

— Я знаю.

— Если завтра захочу снова улететь куда-нибудь с Элианом, я улечу.

Челюсть Кассиана напряглась.

— Знаю.

— Если захочу поцеловать другого мужчину, тебя никто не спросит.

На этот раз пауза получилась заметнее.

— Знаю.

— Очень тяжело тебе сегодня даётся это слово.

— Не представляешь, насколько.

Я почувствовала, как губы сами начинают изгибаться.

— А если я захочу с кем-нибудь переспать?

В серо-стальных глазах что-то холодно вспыхнуло.

— Ты специально.

— Разумеется.

— Мне уже почти удалось вести себя разумно.

— Не заметила.

Кассиан шагнул ближе, и моему пальцу пришлось согнуться между его грудью и моей рукой. Я могла отойти, но вместо этого медленно убрала ладонь и подняла голову.

— Тебя особенно раздражает сама возможность или мысль об Элиане?

— Сейчас я очень стараюсь не отвечать.

— Почему?

— Потому что ответ тебе понравится.

— Самоуверенный.

— Ты всё ещё стоишь здесь.

— Это моя комната.

Его взгляд скользнул к моим губам.

— Именно поэтому я пока ещё разговариваю.

Внутри вспыхнуло горячее любопытство. Я чуть наклонила голову.

— А чего ты хочешь вместо разговора?

Кассиан перестал притворяться, будто вопрос сложный.

— Тебя.

Ни шутки. Ни красивого оборота. Ни попытки смягчить сказанное. Одно слово ударило значительно сильнее всех предыдущих перепалок. Я почувствовала тяжёлый толчок сердца и почти разозлилась на собственное тело за такую честность.

— Это всё ещё ничего не объясняет.

— Знаю.

— И не даёт тебе никаких прав.

— Тоже знаю.

— Хорошо обучаемый герцог.

— Иногда.

Он поднял руку, но не коснулся. Ладонь остановилась возле моей щеки, оставляя между пальцами и кожей несколько сантиметров. Кассиан смотрел на меня так внимательно, что последние остатки шутливого настроения исчезли.

— Если ты продолжишь рассказывать мне о постелях других мужчин, я тебя поцелую.

Я подняла бровь.

— Это угроза?

— Предупреждение.

— А если я не против?

Его дыхание изменилось едва заметно, но я почувствовала.

— Тогда перестань заставлять меня спрашивать дважды.

Мне даже стало смешно. Не потому, что момент был смешным. Просто этот мужчина несколько минут доказывал собственную неспособность справиться с ревностью, а теперь умудрялся выглядеть так, будто именно я затягиваю происходящее.

Я снова ухватила за ворот его рубашки.

— Тогда какого хрена ты всё ещё разговариваешь?

Последние сантиметры между нами закрыла сама.

Первое касание губ оказалось почти обманчиво спокойным. Кассиан замер ровно настолько, чтобы я могла изменить решение, и только почувствовав, как мои пальцы крепче сжимаются на его рубашке, ответил.

Вся сдержанность исчезла разом. Ладонь легла мне на затылок, вторая обхватила талию, притягивая ближе. Я почувствовала тепло его тела, вкус пряного настоя на губах и резкий вдох, который он сделал, когда я сама углубила поцелуй.

Злость никуда не делась. Она просто перестала требовать слов. Я потянула его ниже, потому что разница в росте очень быстро начала раздражать, и Кассиан тихо рассмеялся мне в губы. Ответом стал достаточно чувствительный укус в нижнюю губу. Смех оборвался.

— Жестокая женщина, — выдохнул он, едва отстранившись.

— Ты давно предупреждён.

Я снова поцеловала его прежде, чем он успел придумать очередную наглость. Теперь в поцелуе почти не осталось осторожности. Мы словно продолжали утренний спарринг другим способом: меняли давление, перехватывали инициативу, провоцировали и тут же отвечали на провокацию. Только вместо тренировочных клинков были губы, зубы и слишком хорошо ощущавшиеся через одежду тела.

Кассиан попытался снова выпрямиться. Я недовольно потянула его за ворот.

— Ниже.

— У меня есть более удобное решение.

Ладони скользнули к бёдрам, и, прежде чем я успела спросить, он легко поднял меня. Я автоматически обхватила его талию ногами, оказавшись почти на одном уровне с его лицом. Вот теперь действительно удобно.

— Двухметровые мужчины ужасно непрактичны, — пробормотала я возле его губ.

— Ты могла просто попросить.

— Я только что попросила.

— Ты приказала.

— И сработало.

Кассиан улыбнулся и поцеловал снова. Мои пальцы ушли в чёрные волосы, окончательно растрёпывая их. Его ладонь осталась под бедром, удерживая меня совершенно без усилий, вторая прошлась по спине вверх и остановилась между лопатками.

Тело слишком хорошо знало, что происходит. Желание было взрослым, ясным и совершенно не требовало оправданий. Я хотела его с самого утра, возможно — с того момента на тренировочной площадке, когда мы оба одновременно зафиксировали условно смертельные попадания и остались стоять слишком близко после окончания спарринга. Сейчас не нужно было притворяться, что дело только во взаимных подколках. Я хотела Кассиана. И он хотел меня настолько же очевидно.

Но через несколько минут поцелуй изменился. Не прекратился. Просто стал медленнее. Кассиан перестал целовать так, будто спор ещё продолжается. Ладонь поднялась от моей спины к лицу, большой палец скользнул по скуле, а губы коснулись моих уже без злости.

И именно это оказалось значительно опаснее.

С мужчиной, которого хочется в постели, я прекрасно знала, что делать. С мужчиной, которого хотелось удержать рядом даже в тот момент, когда жадное возбуждение немного отступило, — гораздо хуже.

Я открыла глаза. Кассиан тоже смотрел на меня. Мы находились настолько близко, что спрятаться за выражением лица было невозможно. Что-то изменилось и в нём. Я увидела это раньше, чем он остановился.

Кассиан медленно оторвался от моих губ, но ещё несколько секунд продолжал держать меня, словно сам не желал отпускать. Потом его взгляд стал напряжённое, и он осторожно поставил меня на пол. Руки с талии исчезли. Расстояние между нами увеличилось. Мне это немедленно не понравилось.

— Что?

Кассиан провёл ладонью по лицу и отвернулся на полшага.

— Ничего.

— Даже не пытайся.

Он выругался тихо. Потом всё-таки посмотрел на меня.

— Прости.

Тёплое удовлетворение внутри мгновенно наткнулось на неприятную холодную грань.

— За что именно?

— Я не должен был делать это так.

Вот теперь настроение испортилось окончательно.

— Понятно.

— Нет, непонятно. Я пришёл злой из-за Элиана, сорвался и...

— Кассиан.

Он замолчал.

Я прекрасно понимала собственное участие в произошедшем. Сама его потянула. Сама начала поцелуй. Сама обхватила ногами его талию и совершенно точно не собиралась изображать жертву чужой страсти. Поэтому его внезапное «не должен был» прозвучало значительно неприятнее, чем имело право.

— Не продолжай.

— Иллирис, я не о том, что...

— Я сказала, не продолжай.

Он сжал челюсть. Несколько секунд мы смотрели друг на друга, и я почти видела, как в его голове одна за другой умирают неудачные формулировки. В конце концов Кассиан отступил.

— Хорошо.

— Прекрасно.

— Нет. Ни хрена не прекрасно.

— Тогда найди формулировку получше и возвращайся, когда перестанешь выглядеть так, будто только что совершил преступление.

Это попало. Серо-стальные глаза вспыхнули. Он сделал движение ко мне, но остановился.

— Я не жалею, что тебя поцеловал.

— Очень вовремя.

— Я жалею, что пришёл сюда злой и позволил ревности решить, когда это произойдёт.

Я хотела ответить. Не успела. Кассиан выдохнул и покачал головой.

— Сейчас я всё равно скажу ещё что-нибудь неправильное.

— В этом у тебя действительно талант.

— Вот поэтому уйду раньше.

— Серьёзно?

— Пока не перестану хотеть вернуться к той части разговора, где ты рассказывала про постель Элиана.

Я закатила глаза.

— Боги.

— Они мне здесь не помогут.

— Впервые разумная мысль за несколько минут.

На этот раз Кассиан коротко улыбнулся. Уже возле двери остановился.

— Иллирис.

— Что?

— Я действительно не жалею.

И вышел, прежде чем я успела решить, хочу ли бросить в него чем-нибудь или вернуть обратно.

Дверь закрылась. Я несколько секунд смотрела на неё, ощущая на губах поцелуй, на талии — память его ладони, а внутри — настолько противоречивую смесь желания и раздражения, что хотелось одновременно рассмеяться и кого-нибудь ударить.

— Идиот.

Ответ пришёл совсем не из комнаты.

«Кассиан жив?»

Я закрыла глаза. Аш. Он находился где-то в Долине, достаточно далеко, чтобы не слышать ни одного произнесённого слова, но эмоциональный всплеск через свежую связь, видимо, оказался слишком сильным.

«Жив».

Небольшая пауза.

«Тогда тело пока убирать не требуется».

Несмотря на всё раздражение, я фыркнула.

«Пока нет».

«Если передумаешь, предупреди заранее. Придётся договариваться с драконом».

«Ты невероятно поддерживающий Великий зверь».

«Я стараюсь».

Я почувствовала, как собственное напряжение немного отпускает. Аш не спросил, что случилось. Не пытался вытянуть подробности и, к счастью, не анализировал мои эмоции вслух. За это я была ему особенно благодарна.

Чтобы окончательно вернуть голову на место, я занялась комнатой. Раскладывание вчерашних покупок оказалось гораздо полезнее попыток ещё раз разобрать разговор с Кассианом. Я поставила на подоконник огромную аметистовую подушку, сверху бросила тёмно-фиолетовый плед, установила возле кровати новый светильник и развернула два книжных стеллажа у свободной стены. Первый почти сразу заполнился учебниками и книгами из моей небольшой личной коллекции. Второй пока остался наполовину пустым. Ненадолго. Я знала себя.

Когда закончила, комната изменилась сильнее, чем ожидалось. Фиолетовый текстиль смягчил академическую черноту, книги перестали лежать временными стопками, записывающий кристалл с Верховными жрецами занял место на отдельной полке. Порядок вокруг действительно немного восстановил порядок внутри.

Совсем немного.

Потому что стоило остановиться, как память снова возвращала замедление поцелуя и взгляд Кассиана непосредственно перед тем, как он отступил. И вот это раздражало куда сильнее его ревности. Я слишком хорошо умела справляться с физическим желанием. С тем, что пришло после, придётся разбираться позже.

Горячая ванна помогла окончательно расслабить мышцы. После неё я высушила волосы, надела новую тёмно-фиолетовую домашнюю одежду и вернулась в спальню. Аша ещё не было.

Связь оставалась спокойной. Его присутствие ощущалось в стороне Долины, поэтому спрашивать, когда он вернётся, я не стала. Мы уже установили: связь душ не превращает его жизнь в приложение к моей. Я легла. Без Аша кровать неожиданно казалась слишком большой. Эта мысль успела слегка удивить прежде, чем усталость наконец победила.

«Иллирис».

Я глубже зарылась лицом в подушку.

«Иллирис, просыпайся».

«Нет».

«Поразительно убедительно».

«Спасибо».

«Первый учебный день всё равно начнётся».

Я открыла один глаз. За окном уже серело утро.

«Ненавижу образование».

«Вчера ты говорила обратное».

«Вчера мне не требовалось вставать».

«И открой окно».

Я застонала и села.

«Ты Верховный старейшина. Неужели не способен самостоятельно попасть в комнату?»

«Способен разбить окно».

«Даже не думай».

Я дошла до створки и распахнула её. Холодный воздух ворвался внутрь вместе с Ашем. В малой форме он бесшумно сделал круг по комнате и сразу приземлился на новую аметистовую подушку. Замер. Посмотрел вниз. Потом на меня.

«Хорошая».

Я сонно улыбнулась.

«Разумеется. Я выбирала».

«Разрешаю оставить».

«Какая честь».

Аш уже устраивался удобнее, явно собираясь спать после собственных ночных дел. Я не спросила, где он был. Он не стал рассказывать. И почему-то это ощущалось правильно.

«А меня разбудил».

«У тебя занятия».

«Ты тоже Великий зверь кадета».

«На истории без меня справишься».

«Предатель».

«Неправда».

Я показала ему неприличный жест и ушла в ванную.

Горячая вода окончательно вернула сознание, а вместе с ним пришло воспоминание о сегодняшнем завтраке с Элианом. Следом, разумеется, пришёл Кассиан. Я посмотрела на собственное отражение. Потом медленно улыбнулась. Если герцог Севера вчера решил сначала целовать меня так, что я едва помнила собственное имя, а потом стратегически отступить, я совершенно не обязана облегчать ему следующий день.

Выбор одежды внезапно приобрёл характер маленькой военной операции. Форменные шорты сидели слишком хорошо, чтобы не воспользоваться этим обстоятельством. К ним я подобрала сиреневую рубашку и привычный чёрный корсет, затянув его так, чтобы подчеркнуть талию, но не мешать движению. Высокие сапоги завершили всё достаточно выразительно даже без дополнительных усилий. Волосы собрала в высокий пучок и позволила нескольким

длинным прядям остаться возле лица. Серебряные шпильки с маленькими фиолетовыми камнями добавили ровно столько украшений, чтобы образ не стал парадным. Любимые духи с тёмными ягодами и древесной нотой завершили работу.

Я оценила отражение. Получилось именно так, как хотелось: удобно для Академии, достаточно женственно и очень далеко от попытки спрятать собственную сексуальность ради чьего-нибудь спокойствия. Два кинжала отправились в новые бедренные ножны. Кадетский знак закрепила на положенном месте.

С подоконника пришёл ленивый голос:

«Это для Элиана или Кассиана?»

Я встретила с фениксом взглядом через зеркало.

«Для себя».

«А потом?»

«А потом пусть каждый страдает в соответствии с собственными решениями».

Аш приоткрыл один глаз.

«Зрелый подход».

«Спасибо».

«Это не похвала».

«Поздно».

В дверь постучали. Аш недовольно распушился.

«Мне мешают спать».

«Ты прилетел десять минут назад».

«И почти десять минут спал».

«Невыносимая жизнь».

Я взяла короткую куртку.

«Не убивай никого до первого занятия».

«Никаких обещаний».

За дверью стоял Элиан. Сегодня без парадного камзола — в обычной чёрной форме третьего курса и светлой рубашке. Тёмно-золотые волосы были аккуратно убраны, хотя несколько волнистых прядей всё равно падали на лоб. Я успела заметить момент, когда его взгляд задержался на мне чуть дольше обычного. Не скользнул демонстративно по телу. Просто остановился. Потом в янтарных глазах стало теплее.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Ты великолепно выглядишь.

Комплимент прозвучал настолько спокойно, что понравился ещё больше.

— Спасибо. Ты тоже вполне прилично пережил ночь.

— После такого одобрения могу спокойно идти на физическую подготовку.

— У вас она первой?

— Да. Преподаватели третьего курса ненавидят сон.

— Наконец-то настоящая военная подготовка.

Мы пошли рядом по коридору. Никаких предложенных рук, демонстративных галантных жестов или попыток превратить обычный завтрак в свидание. Элиан просто держался рядом, временами рассказывая, какие переходы сегодня будут переполнены первокурсниками.

Столовая уже постепенно заполнялась. Мы взяли завтрак и нашли место возле большого окна. Отсюда были видны горы и часть взлётных площадок, над которыми только начинал подниматься утренний поток Великих зверей.

Элиан достал лист.

— Взял твоё расписание с доски Чёрного Пламени, пока ждал.

— Очень предусмотрительно.

Я пробежала глазами строки.

— История. Контроль магии. Потом физическая подготовка и вводный курс по Великим зверям.

— Для первого дня неплохо.

— Слишком мирно.

— Севериан Кельтар ведёт контроль магии.

Я подняла глаза.

— Тот самый, после чьего «интересно» нужно отходить от стены?

Элиан улыбнулся.

— Запомнила.

— Ты очень убедительно рассказывал про взрывы.

— Их было не так много.

— Сколько?

— За прошлый год?

Я медленно положила лист.

— Уже нравится.

Он рассмеялся.

— Историю ведёт подполковник Эйдарен Морр. С ним лучше не пытаться пересказывать учебник вместо ответа.

— Почему?

— Он задаст вопрос, которого в учебнике нет.

— Ещё лучше.

— Ты действительно рада.

— Обожаю преподавателей, которым не нужен говорящий конспект вместо студента.

Разговор шёл легко. Элиан объяснял расположение аудиторий, я запоминала короткие переходы между корпусами и периодически обвиняла архитекторов Эрдаана в том, что они проектировали Академию специально для естественного отбора первокурсников.

Через несколько минут появилась Миэли. Она остановилась рядом со столом, посмотрела на меня, потом на Элиана, но, к её чести, ничего не сказала.

— Доброе утро.

— Садись, — предложила я.

— Я ничего не собиралась комментировать.

— Я даже не обвиняла.

— Но подумала.

— Ты уже слишком хорошо меня знаешь.

Миэли села рядом и только после этого тихо добавила:

— Ты очень красивая сегодня.

— Спасибо.

Она оглядела сиреневую рубашку.

— Настроение?

— Воинственное.

— Понятно.

Вот за это я и начинала её любить.

Рейгар пришёл через несколько минут и занял место рядом с Элианом. На нём была одна из вчерашних тёмно-зелёных рубашек. Миэли заметила первой. Я — второй. Рейгар успел сесть, посмотрел на нас обеих и сразу сказал:

— Нет.

— Что «нет»? — спросила я.

— Я знаю этот взгляд.

— Мы просто хотели сказать, что тебе идёт, — совершенно искренне произнесла Миэли. Он подозрительно посмотрел.

— Всё?

— Всё.

— Пока, — добавила я.

Рейгар тяжело выдохнул и занялся едой.

Постепенно за столом появились Тарен, Орвин, Лэйна и ещё несколько кадетов Чёрного Пламени. Тихий завтрак превратился в обычную секционную компанию, где одновременно обсуждали преподавателей, вчерашний рынок, расписание и чей-то неудачный ночной эксперимент на кухне. Мне нравилось. Никто не пытался выглядеть особенно важным. Курсы перемешивались. Подколки летели через весь стол. Элиан иногда возвращался к моему расписанию, но не перетягивал внимание на себя.

Мы как раз выясняли, действительно ли Эйдарен Морр способен заметить, что кадет не прочитал заданную главу, ещё до начала ответа, когда дверь столовой открылась.

Кассиана я заметила практически сразу. И очень старалась не придавать этому значения. Он вошёл вместе с Дрейком. Рыжий выглядел так, будто утро уже подарило ему несколько поводов для веселья. Кассиан рядом казался совершенно обычным: тёмно-серая рубашка, чёрные брюки, закатанные рукава.

Пока не увидел меня. Шаг сбился всего на мгновение. Его взгляд встретился с моим, затем медленно прошёл по сиреневой рубашке, корсету и открытым ногам между краем шорт и высокими сапогами. Я ответила самой невинной улыбкой, на какую была способна. Серо-стальные глаза заметно потемнели. Маленькая военная операция удалась.

Дрейк проследил за его взглядом и сразу всё понял. Судя по улыбке, день для него только что стал значительно лучше.

Они взяли еду и, разумеется, направились к нашему столу. Кассиан сел напротив меня, рядом с Элианом. Дрейк устроился сбоку.

— Доброе утро, — сказал он. — Иллирис, выглядишь великолепно.

— Спасибо, Дрейк. Приятно видеть мужчину, который умеет начинать утро с правильной фразы.

Кассиан спокойно занялся тарелкой.

— Некоторые предпочитают сначала поесть, а потом льстить.

Я повернулась к нему.

— Комплимент считается лестью только тогда, когда не соответствует действительности.

Дрейк немедленно спрятал улыбку за кружкой. Кассиан поднял глаза.

— Я ничего не сказал про его правдивость.

— Значит, согласен.

— С тем, что ты сегодня особенно довольна собой? Полностью.

— Видишь? Уже учишься говорить приятные вещи.

Элиан рядом тихо усмехнулся и вернул внимание к расписанию.

— Между историей и контролем магии всего пятнадцать минут. Лучше идти через восточную галерею.

Кассиан вмешался только тогда, когда действительно услышал ошибку.

— Через внутреннюю лестницу быстрее. Восточную утром перекрывают третьекурсники после физической подготовки.

Элиан посмотрел на него.

— Всё ещё?

— До конца недели.

— Тогда внутренний переход.

Я подняла бровь.

— Вот видите, можете работать вместе и не объявлять войну.

Дрейк тут же заметил:

— Не сглазь. Утро только началось.

Кассиан проигнорировал. Через несколько минут он снова включился, когда выяснилось, что вчерашнее расписание физической подготовки уже успели изменить.

— У первого курса сегодня общий полигон, — сообщил он. — Значит, после контроля магии переодеваетесь в боевой комплект.

— Вчера говорили обычную тренировочную форму, — заметил Элиан.

— Изменили утром. Объявление висит у секционного зала.

Элиан спокойно кивнул.

— Тогда Кассиан прав.

Я посмотрела на обоих.

— Удивительно взрослая сцена. Я почти растрогана.

— Не привыкай, — предупредил Дрейк.

Напряжение никуда не исчезло, но теперь Кассиан хотя бы не пытался вмешиваться в каждый разговор. Он просто слишком часто смотрел. Особенно когда я смеялась над словами Элиана. Именно это постепенно начало раздражать куда сильнее открытой перепалки.

Когда Элиан чуть наклонился, чтобы показать номер аудитории на расписании, Кассиан всё-таки не выдержал:

— Иллирис.

Я повернулась к нему с максимально официальным выражением.

— Да, лидер?

Он сразу понял. Серо-стальные глаза сузились.

— Не называй меня так.

— Но ты же сейчас исключительно исполняешь обязанности лидера секции.

Дрейк тихо простонал и накрыл глаза ладонью.

— Нет. Я отказываюсь участвовать в этой утренней войне.

— Никто тебя не приглашал, — одновременно ответили мы с Кассианом.

За столом засмеялись. Я почти тоже. Почти.

Кассиан опёрся локтями о стол.

— Я хотел сказать, что после физической подготовки лучше не идти в дальнюю столовую. До курса Великих зверей не успеешь.

— Спасибо, лидер.

Челюсть напряглась. Я мило улыбнулась. Он медленно посмотрел на мои руки.

— Ты сегодня особенно нарываешься.

— Неправда. Я исключительно вежлива.

— Именно это и пугает.

Я вытащила один из небольших метательных ножей и спокойно положила рядом с тарелкой. Лезвие блеснуло в утреннем свете. Кассиан посмотрел на него. Потом на меня.

— Это угроза?

Я начала задумчиво вращать рукоять между пальцами.

— Наглядное пособие по последствиям чрезмерного участия в чужих разговорах.

— Учитывая твою точность, звучит убедительно.

— Наконец взаимопонимание.

Тарен наклонился к Орвину.

— Я начинаю понимать, почему Чёрное Пламя снова выиграет соревнования.

— Почему? — спросил тот.

— Остальные секции просто не захотят подходить близко.

Даже Кассиан рассмеялся. И именно это окончательно разрядило сцену.

Дальше завтрак снова стал общим. Кто-то спорил о преподавателях, Миэли расспрашивала Лэйну про лаборатории целителей, Рейгар выяснял расположение тренировочного зала, а Дрейк рассказывал первокурсникам о том, почему запрещено верить Тарену, когда тот предлагает «короткий путь».

Кассиан больше почти не вмешивался в мой разговор с Элианом. Но взгляд оставался. Я прекрасно его чувствовала. И, что раздражало ещё сильнее, знала: мне это нравится. После вчерашнего поцелуя отрицать подобное было бы уже не самообманом, а откровенной глупостью.

Когда до первой пары осталось меньше двадцати минут, компания начала расходиться. Элиан первым поднялся.

— Мне в другой корпус.

— Увидимся.

— Удачи с Морром.

— Мне или ему?

Он улыбнулся.

— Вот поэтому именно ему.

И ушёл вместе с третьекурсниками.

Я проводила его взглядом ровно столько, сколько требовалось нормальному прощанию, и только потом повернулась к Миэли. Та уже стояла рядом. Рейгар надел куртку. Мы направились к выходу.

За спиной раздался голос Кассиана:

— Иллирис.

Я обернулась. Он кивнул на стол.

— Оружие.

Я посмотрела. Нож действительно остался возле тарелки. Не успела сделать шаг, как Рейгар спокойно вернулся, взял его за рукоять, проверил чистоту лезвия салфеткой и подошёл ко мне.

— Ты забыла.

Я несколько секунд смотрела на него. Потом на нож. Миэли уже прятала улыбку.

— Спасибо, Рей. Не знаю, что бы без тебя делала.

— Теряла оружие.

— Ужасная перспектива.

Я убрала нож в ножны. Рейгар кивнул, словно выполнил обычную бытовую задачу, и пошёл дальше.

За столом Дрейк уже смеялся. Кассиан смотрел на меня поверх кружки, и в серо-стальных глазах снова появилось то опасное сочетание раздражения, желания и веселья, которое после вчерашнего вечера стало слишком легко узнаваемым. Я подняла бровь. Он едва заметно улыбнулся. Ничего больше не потребовалось.

Мы с Миэли и Рейгаром вышли из столовой и направились к учебному корпусу, вливаясь в поток первокурсников. Где-то впереди нас ждал подполковник Эйдарен Морр с первой настоящей лекцией, следом — Севериан Кельтар и его подозрительная репутация человека, после чьего слова «интересно» желательно проверить ближайшие защитные руны.

Первый учебный день наконец начинался. И после последних двух суток перспектива нескольких часов, в течение которых главным источником проблем будет преподаватель истории, казалась почти отдыхом.

Глава 13

Иллирис

К концу первой лекции я поняла две вещи. Во-первых, Академия не собиралась давать нам ни дня на привыкание к новому распорядку, связи с Великими зверями и тому факту, что меньше недели назад часть первокурсников едва не умерла на ритуальной площади. Во-вторых, Элиан ничуть не преувеличивал, когда предупреждал: Эйдарен Морр любит вопросы только в том случае, если задающий готов получить встречный.

Подполковник вошёл в аудиторию без единого листа бумаги, положил на кафедру тонкий указатель и первым делом приказал убрать учебники. Полукруглый зал был рассчитан на весь первый курс, и пять секций сидели вперемешку на широких ступенях. Мы с Миэли и Рейгаром заняли места ближе к середине. За высокими окнами поднималось солнце, каменные стены ещё сохраняли ночную прохладу, а после плотного завтрака несколько кадетов уже выглядели слишком задумчиво для существ, собиравшихся внимательно слушать историю.

Эйдарен окинул нас спокойным взглядом.

— Если кто-то пришёл сюда переписывать учебник, можете уходить сразу. Книгу вы способны прочитать самостоятельно, а я прекрасно проживу два часа без вашего присутствия. Всем станет легче.

По аудитории прошёл тихий смех. Миэли уже открыла тетрадь и теперь с выражением невинности человека, которого ни в чём нельзя обвинить, положила перо рядом.

Эйдарен коснулся указателем одной из рун. Над доской вспыхнула карта материка Эйдар. Световые линии обозначили древние границы, давно исчезнувшие с современных карт, а на северо-востоке появилась цепочка красных точек.

— Начнём не с образования нынешних государств и даже не с создания Эрдана. Это вы проходили до Академии. Ответьте лучше на другое: зачем современному офицеру знать войны, произошедшие несколько тысячелетий назад?

Руки поднялись почти у половины аудитории. Профессор выбрал высокого кадета Серебряного Пламени, и тот уверенно заговорил о повторении стратегических ошибок, развитии тактики и необходимости анализировать действия противника. Ответ был правильным. И настолько учебным, что я заранее поняла: на этом Морр не остановится.

— Всё верно, — сказал он. — И совершенно бесполезно, если вы просто запомните выводы существ, живших раньше вас. История не выдаёт готовых решений. Она показывает цену тех, что уже однажды оказались неправильными.

Он увеличил северо-восточный участок карты.

— Теперь сложнее. Почему официальные летописи Первого вторжения Потусторонних расходятся в датировках почти на сорок лет?

Рук стало заметно меньше. Мне сразу вспомнились хроники Центрального храма. В библиотеке хранились копии нескольких древних источников, и авторы действительно умудрялись совершенно искренне противоречить друг другу. Я подняла руку.

Эйдарен указал на меня.

— Часть летописей составлялась значительно позже самих событий. Кроме того, разные области использовали собственные системы летоисчисления, а после войны многие архивы были уничтожены. Одни хроники называют началом вторжения первые известные нападения, другие — момент, когда угрозу официально признали государства.

Профессор чуть прищурился.

— Хорошо. Что ещё?

Вот теперь становилось интересно. Я ненадолго задумалась.

— Политика. Правители могли сознательно сдвигать даты, чтобы связать победу или поражение с конкретным периодом правления. Или скрыть, что первые признаки угрозы слишком долго игнорировали.

По аудитории прошёл негромкий шум. Эйдарен едва заметно улыбнулся.

— Именно. Историю пишут не только победители, как любят повторять ленивые мыслители. Её пишут те, у кого сохранились бумага, архивы и достаточно власти, чтобы собственная версия пережила остальные. Запомните это до того, как начнёте считать официальный документ абсолютной истиной только потому, что на нём есть государственная печать.

Рядом Рейгар наконец перестал лениво вращать перо и начал записывать. Я скосила взгляд на его тетрадь.

— Всё-таки решил, что пригодится?

— Я слушал.

— Очень экономно.

— После завтрака мне требуется время, чтобы решить, что важнее: писать или переваривать.

Миэли тихо прыснула. Эйдарен моментально повернул голову в нашу сторону. Мы втроём почти одновременно приняли такой академический вид, что сами себе не поверили.

— Если у Чёрного Пламени появилось дополнение к теме, — спокойно произнёс профессор, — не лишайте остальных столь ценного знания.

Миэли едва заметно толкнула меня коленом. Рейгар самым бессовестным образом продолжил писать. Я посмотрела на обоих.

— Мы обсуждали влияние сна и питания на способность воспринимать исторические источники, профессор.

Аудитория рассмеялась. Эйдарен медленно перевёл взгляд на Рейгара, чьи размеры делали тему питания особенно убедительной.

— Ценное направление исследований. Представьте результаты к концу семестра. Желательно после того, как научитесь шептаться тише.

Я опустила взгляд к тетради, пряча улыбку.

Оставшаяся часть лекции пролетела почти незаметно. Вместо сухого перечисления дат Морр разбирал реальные решения командующих, заставлял нас спорить о том, какой информацией располагали армии в конкретный момент, и несколько раз менял условия задачи уже после того, как группа находила очевидный выход. К концу занятия карта древней кампании была покрыта разноцветными линиями пяти взаимоисключающих планов, а часть курса спорила уже не с преподавателем, а друг с другом.

Колокол застал меня посреди записи.

— Если все лекции будут такими, — сказала Миэли, когда мы вышли в коридор, — я даже готова простить Академии ранний подъём.

— Подожди до конца дня, — заметил Рейгар.

Она посмотрела на него.

— Не порть момент.

Времени на долгие разговоры не было. Следующим общим занятием стоял контроль магии, и поток первокурсников уже двигался к другому крылу корпуса.

Севериан Кельтар оправдал рассказы старших буквально с момента появления. Он опоздал на семь минут, влетел в аудиторию с целой связкой металлических колец в руках и даже не попытался извиниться. Высокий, худой, с растрёпанными тёмными волосами и взглядом существа, для которого сон давно стал досадной технической необходимостью, профессор бросил оборудование на стол и сразу спросил:

— Кто считает, что сильная магия означает сильного мага?

Несколько рук поднялось. Мою я оставила на тетради. Севериан оглядел добровольцев и неожиданно улыбнулся. Мне сразу стало их немного жаль.

— Прекрасно. Встаньте.

Пятеро кадетов поднялись.

— Создайте самое мощное проявление своей магии, которое способны удержать безопасно.

Аудитория вспыхнула. Воздушник поднял плотный вихрь, девушка с земным даром заставила каменную плиту пола ощутимо дрогнуть, двое боевых магов развернули ауры, а огненный стихийник сформировал над ладонью шар почти с собственную голову. Севериан дождался, пока все закончат.

— Теперь уменьшите это до размера ногтя, сохранив ту же плотность маны.

Веселье закончилось. Огненный шар схлопнулся первым, едва не обжёг хозяину пальцы. Вихрь распался, земля перестала слушаться, одна из боевых аур рассыпалась. Только второй боевой маг сумел собрать силу плотной тонкой плёнкой вокруг кисти.

Севериан посмотрел на остальных.

— Поздравляю. Вы только что продемонстрировали, почему красивые похороны так популярны среди молодых магов. Силу выпустить просто. Контроль начинается тогда, когда требуется решить, сколько именно её необходимо, и не потратить ни капель больше.

Он одним движением подбросил связку колец. Руны вспыхнули, кольца разлетелись по аудитории и зависли на разной высоте. Одни медленно вращались, другие двигались по коротким траекториям, третьи постоянно меняли диаметр.

— Сегодня меня не интересует, насколько громко вы умеете взрывать стены. Это вы прекрасно демонстрируете администрации без моего участия. Создаёте минимальное устойчивое проявление своей магии и проводите его через всю цепь, не касаясь металла. Каждое касание увеличивает сопротивление следующего кольца. Потеряли контроль — начинаете заново.

Миэли тихо сказала:

— Я целитель.

Севериан, находившийся почти в десяти метрах, сразу повернул голову.

— Поздравляю.

Она моргнула.

— Спасибо?

— Целительство — магия, кадет. Создайте диагностический поток. Если способны найти повреждённый канал внутри живого тела, несколько железных колец не должны оказаться интеллектуально сложнее пациента.

Я прикусила губу. Миэли бросила на меня взгляд, обещавший будущую месть.

Рейгар уже поднялся и выбрал одну из цепей. Ему упражнение давалось заметно легче, чем большинству. Золотисто-зелёная мана собралась вокруг пальцев тонкой плотной нитью. Он вёл её медленно, внимательно меняя толщину потока перед каждым движущимся кольцом. На четвёртом металл резко сместился, но Рей успел остановить ману раньше касания.

Севериан прошёл мимо.

— Хороший контроль. Слишком медленно.

Рейгар лишь кивнул. Следующее кольцо прошёл уже быстрее.

Я выбрала цепь возле окна. Минимальное проявление моего огня всё равно оставалось слишком заметным. Маленький фиолетовый язычок вспыхнул над пальцами, и несколько ближайших кадетов сразу повернули головы.

Игнорировать их оказалось проще, чем оборудование. Пять лет в храме меня учили прежде всего удерживать огромный резерв и не позволять силе вырваться раньше решения. Задание Кельгара требовало почти противоположного: выпустить наружу ничтожную часть маны и удержать именно её, не позволяя огню ни разрастись, ни погаснуть.

Первое кольцо прошло легко. На втором пришлось слегка сузить пламя. Третье ускори-лось, четвёртое изменило направление, а пятое внезапно сжалось уже после того, как я начала проводить огонь внутрь. Фиолетовый язычок коснулся металла. Руна вспыхнула. Кольцо мгновенно стало ещё меньше, захватывая пламя, и огонь погас.

— Чёрт.

— Прекрасная научная терминология, — раздалось совсем рядом.

Я повернула голову. Севериан стоял почти у плеча.

— Оно сжалось.

— Да.

— В середине движения.

— Поразительная наблюдательность.

Я медленно посмотрела на него. Севериан оставался абсолютно серьёзен. Мне начинал нравиться этот мужчина. Я снова перевела взгляд на цепь.

— Значит, нужно не просто реагировать, а оставлять запас траектории.

Уголок его рта дрогнул.

— Вот теперь разговариваете как маг. Ещё раз.

Я уже подняла руку, когда поняла, что он не ушёл. Севериан смотрел не на кольца. На огонь. Его внимание стало настолько сосредоточенным, что даже привычная рассеянность куда-то исчезла.

— Ещё меньше, — сказал он.

— Профессор?

— Пламя. Уменьшите.

Я подчинилась. Фиолетовый язычок сжался почти до искры. Севериан наклонился ближе.

— Плотность не падает.

Не вопрос.

— Нет.

— Температура?

— Зависит от того, сколько маны подаю.

Он впервые посмотрел на меня так, будто только сейчас действительно увидел.

— После занятия останетесь.

Я подняла бровь.

— Это наказание?

— Если будете задавать лишние вопросы, станет.

И ушёл к следующему кадету.

Я посмотрела на его спину.

«Кажется, ты ему понравилась», — лениво заметил Аш из Долины.

«Меня собираются исследовать».

«Я буду следить».

«Ты в Долине».

«Это не мешает мне быть недовольным».

Я усмехнулась и вернулась к упражнению. Со второй попытки дошла до девятого кольца. С третьей провела огонь через всю цепь. Когда погасила пламя, руки слегка дрожали от напряжения, хотя резерв практически не уменьшился. Голова же болела так, словно несколько часов подряд удерживала сложный щит.

Миэли завершила свою цепь только с восьмой попытки и подошла ко мне после занятия с лицом женщины, пережившей личную войну.

— Я ненавижу кольца.

— Прошла?

— Да. Последнее трижды пыталось съесть диагностическую нить.

Рейгар вышел за нами.

— Оно не пыталось.

Миэли повернулась к нему.

— Ты целитель?

— Нет.

— Тогда не вмешивайся в отношения целителя и враждебного учебного оборудования.

Я кивнула.

— Моё тоже пыталось убить огонь.

Рейгар вздохнул.

— Вы обе странные.

— Зато ты нас любишь.

Он не ответил. Мы с Миэли одновременно улыбнулись.

Перед уходом Севериан действительно задержал меня. Он заставил несколько раз создать пламя разного размера, задавал вопросы о расходе маны, плотности и ощущениях в каналах, а потом неожиданно спросил:

— Кто учил контролю?

— В Центральном храме.

— Хорошо учили.

— Передам.

Севериан сложил руки на груди.

— Но вы слишком сильно доверяете заранее выбранной последовательности. На кольцах готовили третье движение раньше, чем закончили второе.

Я нахмурилась.

— Я планировала траекторию.

— Именно. Планирование полезно до тех пор, пока мир не решит не подчиняться вашему плану. В бою однажды потратите лишнюю ману или получите заклинанием в лицо.

Я ненавидела, когда чужие существа настолько быстро находили слабость в том, что я сама привыкла считать преимуществом. Наверное, именно поэтому замечание и запомнилось.

— Завтра после занятий зайдёте ко мне, — добавил Севериан. — Хочу посмотреть на ваш огонь в нормальных условиях.

— Что значит «нормальных»?

Он уже собирал кольца.

— Если придёте, узнаете.

Прекрасно.

Первый учебный день продолжился физической подготовкой.

Дарвен Крейг ждал нас на огромном открытом полигоне возле горного склона. Никакого Великого зверя рядом с преподавателем не было. Таргос оставался в Долине, как и большинство Стражей, и сам этот факт прекрасно подчёркивал принцип Дарвена ещё до того, как он заговорил. Мы должны были уметь выживать без огромного древнего существа за спиной.

Дарвен прошёл вдоль строя.

— Вы призыватели.

Никто не ответил.

— Это не повод выглядеть настолько довольными собой.

По рядам прошёл тихий смехок. Он даже не улыбнулся.

— Великий зверь может быть сильнее вас, быстрее вас, старше на несколько столетий и в некоторых случаях настолько умнее, что мне искренне жаль его выбор. Но если вы падаете после двух километров бега, связь с древним Стражем мира не превратит вас в полезного офицера.

Миэли шепнула:

— Уже люблю.

— Подождите, кадет, — ответил Дарвен, даже не повернув головы. — Через час чувства станут значительно глубже.

Через час она его ненавидела. Я была близка к тому же.

Сначала нас прогнали по горному маршруту вокруг тренировочного комплекса, затем выдали рунные браслеты на запястья и лодыжки, увеличившие вес тела примерно на треть, а после отправили на полосу препятствий. Магию использовать запрещалось.

Первый раз я сорвалась с узкой балки почти в самом конце. Ноги после бега дрожали сильнее, чем хотелось признавать, и собственная скорость на этот раз только мешала. Защитный мат принял падение без боли, но раздражение от этого мягче не стало.

Рейгар уже находился на другой стороне. Миэли висела на верёвочной сетке и пыталась освободить застрявший сапог. Он сделал шаг обратно.

— Не смей, — предупредила она.

— Что?

— Помогать. Я сама.

Рейгар остановился. Я поднялась с мата.

— Эли, нога застряла.

— Я знаю.

— План есть?

— Вытащить.

— Гениально.

— Спасибо.

Она всё-таки освободилась, прыгнула вниз и сразу ткнула пальцем в Рейгара.

— И не смотри так.

— Как?

— Будто собирался снять меня с сетки одной рукой.

Он подумал.

— Собирался.

Я рассмеялась. Совершенно зря. С другого конца площадки раздался голос Дарвена:

— Иллирис! Раз остались силы веселиться — дополнительный круг!

Я мгновенно перестала смеяться. Миэли посмотрела на меня с искренним сочувствием.

— Рейгар тоже круг, — добавил преподаватель, заметив, что тот собирается идти вместе со мной. — Миэли, раз вы так переживаете друг за друга, присоединяйтесь.

Она медленно закрыла глаза.

— Я ничего не сказала.

— Теперь сказали. Бегом.

Мы побежали втроём. На втором повороте мне всё ещё было смешно. К четвёртому чувство юмора исчезло вместе с большей частью способности нормально дышать. Рейгар мог уйти далеко вперёд, но держал темп немного ниже собственного. Миэли дышала тяжелее нас обоих и прямо не собиралась просить замедлиться, поэтому я сама чуть укоротила шаг.

Дарвен ждал у финиша. Когда мы остановились, он посмотрел на каждого по очереди.

— Трогательно.

Я упёрла ладони в колени.

— Спасибо, профессор.

— Это не похвала.

— Мы решили воспринимать позитивно.

— Тогда ещё один круг быстро исправит ваше настроение.

Все трое синхронно выпрямились. Дарвен всё-таки усмехнулся. Совсем немного.

— На сегодня хватит. Завтра поймёте, почему разминка важнее гордости.

Он не соврал.

Последним занятием понедельника стал вводный курс Майрэны Лорвен по Великим зверям, и половина первокурсников слушала его уже с тем особым выражением, которое появляется после нескольких часов физической нагрузки. К счастью, Майрэна не заставила нас никуда бежать. Она начала с самого простого: первые дни связи, различие эмоций, основы ментального общения и опасность пытаться сознательно раствориться в Страже только ради ощущения близости.

Слова оказались особенно интересны мне, Миэли и Рейгару. Наши связи действительно развивались быстрее, чем у большинства остальных первокурсников. Мы почти всё свободное время проводили со своими Великими зверями. Миэли исчезала в Долине к Аури при первой возможности, Рейгар делал то же самое с Сильвой, а Аш благодаря способности уменьшать форму вообще мог находиться со мной почти постоянно — в комнате, библиотеке, на прогулках, во время еды. И главное, ни один из нас не пытался сопротивляться собственной связи.

К вечеру первого учебного дня я уже едва держала глаза открытыми. Аш вернулся в комнату в малой форме, устроился на новой подушке у окна и некоторое время наблюдал, как я пытаюсь читать заданную главу по истории.

«Ты десять минут смотришь на одну страницу».

Я не подняла головы.

«Изучаю глубоко».

«Ты ни разу её не перевернула».

«Там много смысла».

Тень скользнула по полу, подцепила учебник и спокойно стащила его из моих рук. Я медленно посмотрела на феникса. Он уже закрыл глаза.

— Наглая птица.

«Феникс».

— Наглый феникс.

«Спи».

Я собиралась возмутиться исключительно из принципа, но зевнула раньше, чем придумала ответ. Он победил.

Утром тело предъявило счёт за Дарвена. Мышцы болели настолько равномерно, что выбрать главную жалобу не получалось. В шесть утра в дверь постучала Миэли, и по её движениям сразу стало понятно: физическая подготовка произвела на неё не меньшее впечатление. Я посмотрела через плечо на кровать. Аш уже улетел в Долину. Вернуться под одеяло физически никто не мешал.

— Тренировка? — спросила Миэли.

Я ещё раз посмотрела на кровать.

— Тренировка.

Рейгар ждал нас в коридоре полностью одетый. Мы обе остановились.

— Почему ты выглядишь нормально? — спросила Миэли.

— Болит.

— Где?

— Везде.

Я подозрительно его осмотрела.

— Ты слишком спокойно страдаешь.

— А как нужно?

Миэли взяла меня под локоть.

— Пойдём. Он безнадёжен.

Так появилась наша первая добровольная утренняя тренировка. Никто не планировал превращать её в ежедневную традицию. Мы просто немного размялись, прошли пару спокой-

ных кругов вокруг секционной площадки, а потом Рейгар взялся за технику двуручного манового меча, я повторила стойки с короткими клинками, а Миэли достала лук.

На следующее утро мы снова вышли примерно в одно время. Ещё через день никто уже не договаривался заранее. Если одному требовалось больше времени, двое остальных просто ждали перед лестницей.

Миэли довольно быстро решила, что два боевых идиота рядом представляют слишком ценную учебную базу, чтобы не использовать её для практики первой помощи. Рейгар однажды получил по рукам, когда попытался самостоятельно проверить ушибленный палец после неудачного захвата.

— Не трогай.

— Я умею.

— Я целитель.

— Он просто ушиблен.

— Именно поэтому не нужно превращать ушиб в перелом из мужской принципиальности.

Я сидела на камне и затягивала шнуровку сапога.

— Рей, сдавайся. Она всё равно победит.

Он посмотрел на меня.

— Ты должна быть на моей стороне.

— Почему?

— Ты тоже не любишь, когда тебя лечат.

Миэли медленно повернула голову ко мне. Я мгновенно поняла, что союзников стало меньше.

— Это совершенно другое.

— Чем?

— Я разумно оцениваю необходимость вмешательства.

— В лесу отказалась от магического лечения.

— Я не знала целительницу.

— Теперь знаешь меня.

— Поэтому иногда позволяю.

— Иногда?

Рейгар улыбнулся. Я посмотрела на него.

— Радоваться рано. Ты следующий пациент.

Улыбка исчезла.

За несколько дней Академия выстроила вокруг нас новый ритм настолько быстро, что прежняя жизнь начала казаться далёкой. После общих лекций мы расходились на профильные занятия. Миэли уходила к целителям, Рейгар — к боевым магам, меня ждали стихийные дисциплины. К обеду снова находили друг друга в столовой, после занятий встречались в секции или библиотеке, а свободное время старались проводить со своими Великими зверями.

Именно поэтому на занятии Майрэны в середине недели я впервые отчётливо поняла, насколько быстро развивается связь с Ашем.

Профессор вывела нас на открытую площадку возле границы Долины. За защитной рунной линией начиналась территория Великих зверей — лес, скалы, широкие поляны, дальние горные выступы. Иногда над вершинами проходили огромные тени. Аш находился где-то дальше в истинной форме. Мне уже не требовалось сознательно искать его присутствие. Связь просто была.

— Первая неделя почти всегда самая шумная, — сказала Майрэна.

Возмущение Аша коснулось меня мгновенно.

«Шумная?»

Я мысленно улыбнулась.

«Она не о тебе лично».

«Формулировка оскорбительна».

Майрэна продолжала:

— Большинство из вас пока только учится различать собственные эмоции и то, что приходит от связанного. Особенно когда Великий зверь находится рядом. Голод, раздражение, страх, удовольствие, усталость могут ощущаться настолько ярко, что неопытный призыватель принимает чужое состояние за своё.

Миэли подняла руку.

— А если зверь намеренно усиливает эмоцию?

Майрэна посмотрела на неё.

— Тогда ваш партнёр прекрасно понимает, что делает, а вам придётся учиться договариваться.

Улыбка Миэли сразу выдала реакцию Аури.

— Ваш Великий зверь уже прокомментировал?

— Да.

— Хорошо. Тогда следующее упражнение особенно полезно. Закройте глаза и пять минут сознательно не разговаривайте со связанными.

По рядам прошёл недовольный шум.

— Всего пять минут, — невозмутимо добавила профессор. — Уверена, ваши души переживут разлуку.

Я закрыла глаза.

«Не разговаривай».

«Я слышал преподавателя».

«Почему отвечаешь?»

«Ты начала».

Я подавила улыбку.

Майрэна попросила сосредоточиться сначала на собственном теле: дыхании, температуре кожи, положении ног, напряжении плеч. Затем — найти присутствие Великого зверя и позволить ощущениям из связи проявиться, не пытаясь специально тянуть их ближе.

Для меня это оказалось сложнее, чем ожидала. Холодный ветер касался лица, а через связь одновременно пришёл короткий отголосок совсем другого воздушного давления — сильнее, свободнее, будто мир на мгновение стал огромным пространством под раскрытыми крыльями. Потом появилось раздражение Аша. Чужое, но уже достаточно знакомое, чтобы я не спутала с собственным настроением. Причины я не знала. Просто чувствовала его эмоцию. Собственное спокойствие существовало рядом с ней, не исчезая. Постепенно два состояния перестали смешиваться. Граница действительно становилась яснее, хотя не ощущалась стеной. Скорее я всё лучше понимала, какое движение внутри рождается во мне, а какое приходит от Аша.

«Получается», — сказал он.

Я открыла глаза.

«Тебе велели молчать».

«Пять минут закончились».

Майрэна как раз посмотрела на часы. Чёртова птица действительно считала.

— Связь становится крепче не потому, что вы обязаны проводить каждую минуту физически рядом, — продолжила профессор. — В первые месяцы близость помогает, а некоторым парам особенно тяжело переносить расстояние. Но зрелая связь требует не слияния. Она требует устойчивости. Великий зверь остаётся отдельным существом. Вы тоже.

Эти слова я запомнила особенно хорошо.

Наша с Ашем связь развивалась аномально быстро, но дело было не только в редкой теневой природе феникса. Мы почти не оставляли между собой недоверия. Я сознательно показала ему Землю уже в первый день, он с самого начала уважал границы, которые я не открывала сама, и при этом проводил рядом со мной столько времени, сколько другие Великие звери физически не могли провести возле своих призывателей.

У Миэли и Рейгара происходило похожее. Каждый свободный час они уходили к Аури и Сильве. К концу недели обе пары уже заметно опережали обычную скорость привыкания.

Аш всё чаще оставался в Долине до ночи, и мне больше не требовалось проверять его местоположение каждые несколько минут. Зато летали мы почти при любой возможности. Иногда между последней лекцией и ужином оставалось сорок минут, и я сбегала на взлётное поле. Аш уже ждал в истинной форме. Мы поднимались над разрешённой частью Академии, делали несколько кругов и возвращались до следующего колокола. Никакой более важной причины этим коротким полётам не требовалось: мне нравилось хотя бы ненадолго вырваться из каменных корпусов в открытое небо, Ашу — снова чувствовать воздух Астериона под крыльями.

В один из таких вечеров над горным гребнем появилась огромная тень. Я сначала заметила её на земле, а потом подняла голову. Ваэр. Чёрный дракон летел выше нас, медленно пересекая воздух массивными крыльями. На его спине сидел Кассиан.

Аш сразу набрал немного высоты.

«Не начинай».

«Я ничего не делаю».

Ваэр приблизился и выровнялся параллельно на безопасном расстоянии. Кассиан повернул голову. После того вечера в моей комнате мы больше не возвращались к поцелую, но забыть о нём тоже не получалось. Любая привычная перепалка теперь несла под собой второй смысл, слишком хорошо понятный обоим.

— Преследуешь меня даже в небе? — крикнула я поверх ветра.

Кассиан улыбнулся.

— Я здесь раньше тебя летал, первокурсница! Скорее ты вторглась в моё воздушное пространство!

— Жалуйся руководству!

— Я лидер секции!

— Тогда пожалуйся себе!

Ваэр издал низкий рокочущий звук. Аш тут же передал:

«Дракон смеётся».

Я посмотрела на Кассиана.

— Даже твой зверь понимает, насколько ты нелеп!

— Ваэр утверждает обратное!

Короткий комментарий Аша пришёл мгновенно:

«Лжёт».

— Аш говорит, что ты врешь!

— Аш предвзят!

Феникс возмутился настолько сильно, что резко набрал высоту. Меня сильнее прижало к его спине.

«Аш».

«Я демонстрирую независимость».

«Ты демонстрируешь, почему мне иногда хочется ремней».

Сбоку Кассиан смеялся уже совершенно открыто. Я показала ему неприличный жест. На этом наш невероятно романтичный воздушный разговор закончился.

К ужину я пришла растрёпанная, довольная и с твёрдым намерением однажды столкнуть Кассиана в холодную воду. Элиан сидел рядом с Тареном и сразу подвинул для меня стул.

— Хороший полёт?

— До появления северного вредителя.

Он посмотрел за моё плечо. Кассиан как раз входил вместе с Дрейком.

— Понимаю.

И больше ничего не спросил.

За эту неделю мы с Элианом действительно стали проводить больше времени вместе. Иногда готовились к лекциям, он несколько раз помогал разобраться в старых переходах Академии, а однажды принёс из своей комнаты книгу по истории связей боевых магов с Великими зверями, потому что услышал, как я спорю с библиотекарем из-за единственного экземпляра.

Мне нравилось его общество. Он не давил. Не требовал откровенности. Замечал достаточно, чтобы быть внимательным, но не использовал наблюдательность как повод залезть глубже, чем я позволяла. И дружбы пока было вполне достаточно. Тем более значительную часть совершенно бесполезного внутреннего пространства уже занимал один самоуверенный северный герцог.

Спокойно находиться рядом с Кассианом после поцелуя у нас по-прежнему не получалось. Во вторник вечером он застал меня в общей гостиной с ногами на диване и заметил, что устав секции не предусматривает превращения мебели в кровать. Я предложила внести поправку. Кассиан заявил, что как лидер обязан следить за порядком. Я предложила лично попробовать снять меня с дивана и оценить последствия. На этом он благоразумно отступил.

Через пару дней у общей доски расписания мы одновременно потянулись к одному листу и столкнулись плечами. Ладонь Кассиана легла мне на талию якобы для равновесия, хотя падать я совершенно не собиралась. Я посмотрела сначала на руку, потом на него.

— Нарден.

— Что?

— У тебя появилась странная привычка путать мою талию с поручнем.

Он не спешил убирать ладонь.

— Она удобнее.

Я ткнула его локтем под рёбра. Кассиан рассмеялся.

Именно в этот момент я заметила Селин в конце коридора. Она стояла рядом с двумя кадетами Багрового Пламени и смотрела в нашу сторону. Никаких сцен за неделю больше не было. После отказа в переводе Селин осталась в Багровом Пламени, исправно ходила на занятия и при случайных встречах демонстрировала безупречную светскую вежливость. Настолько безупречную, что иногда хотелось проверить улыбку на наличие яда. Я не собиралась. У каждого должно оставаться личное хобби. Если Селин выбрала ненависть ко мне — её право.

Свободного времени Академия всё равно почти не оставляла. В четверг вечером мы с Миэли и Рейгаром решили после ужина ненадолго зайти в библиотеку, найти материал к заданию по тактике и повторить историю перед небольшим опросом. Ошибка заключалась в слове «ненадолго».

Мы заняли дальний стол у окна. Я принесла несколько томов по древним кампаниям, Миэли по дороге обнаружила медицинский справочник, совершенно не относящийся к заданию, а Рейгар ограничился двумя книгами по тактике и некоторое время выглядел единственным разумным существом в компании.

Потом Миэли нашла описание древней полевой хирургии.

— Нет, посмотри сюда.

Я придвинулась ближе.

— Что?

— Если они пережимали магический канал здесь, мана должна была накапливаться выше повреждения. Это провоцирует вторичный разрыв.

— Может, у них не было нормальной диагностики?

— Была. В предыдущей главе описан сканирующий контур.

Рейгар поднял голову от книги.

— Мы пришли изучать тактику.

Миэли посмотрела на него.

— Это медицинская тактика.

— Задание не про медицину.

Я спросила:

— Ты уже прочитал нужное?

— Да.

— Тогда помогай нарушать план.

Он молчал несколько секунд. Потом пересел ближе. С этого момента шансов уйти вовремя почти не осталось.

Через некоторое время медицинская тема закончилась, зато Рейгар нашёл описание древней обороны узкого горного перевала и заявил, что командующий слишком долго удерживал позицию вместо отхода. Я не согласилась: отступление в тот момент оставляло соседний город без защиты. Миэли предложила вообще третью версию — раньше начать эвакуацию гражданских и не доводить командование до подобного выбора. Спор быстро стал громче и интереснее самого задания.

Первый вечерний колокол мы пропустили. Второй тоже. Третий прозвучал настолько близко, что одновременно замолчали все трое.

Рейгар посмотрел на часы.

— Блядь.

Я медленно повернулась к нему. Миэли закрыла рот ладонью.

— Рей ругается.

— Не сейчас.

Я тоже посмотрела на время. Учебное крыло должно было закрыться двенадцать минут назад.

— Теоретически, если сейчас тихо выйти...

Из-за стеллажа появилась библиотекарь. По выражению лица пожилой женщины с серебристыми волосами стало ясно, что теория только что умерла.

— Теоретически, кадет, вы втроём сейчас сложите книги, пройдёте со мной к дежурному офицеру и получите отметку о нарушении режима.

Миэли поднялась с пола.

— Мы не специально.

— Это чрезвычайно утешит защитный контур, который должен был перейти в ночной режим двенадцать минут назад.

Рейгар уже начал собирать книги. Я молча помогла. Спорить было бессмысленно.

Через двадцать минут мы стояли в гостиной Чёрного Пламени перед Кассианом. Разумеется. Потому что мир иногда обладал удивительно мерзким чувством юмора. Он держал три одинаковых листа и смотрел на нас с выражением лидера секции, которому на четвёртый день первой учебной недели уже принесли первый совместный проступок первокурсников. Дрейк сидел в кресле у камина и совершенно не скрывал интереса.

— Первая неделя, — произнёс Кассиан. — Четыре дня. И мне уже принесли первый групповой выговор.

Я посмотрела на листы.

— Формально мы очень эффективно развиваем секционное единство.

Дрейк закашлялся. Кассиан медленно поднял глаза.

— Иллирис.

— Что?

— Иногда можно просто молчать.

— Ты проверял?

Его губы дрогнули, но он удержался.

— Учебные корпуса закрывают после вечернего сигнала не потому, что библиотеке жалко вам книги. Защитные контуры переходят в ночной режим, а патруль обязан знать, если кто-то остался внутри.

Улыбка исчезла сама. Вот это уже было разумной причиной.

— Этого мы не знали.

— Теперь знаете.

Миэли кивнула.

— Больше не повторится.

Рейгар тоже коротко кивнул. Кассиан посмотрел на меня. Я вздохнула.

— Больше не останемся в учебном корпусе после закрытия.

— Спасибо.

— Если библиотека сама нас не запирает.

Он закрыл глаза. Дрейк рассмеялся уже открыто.

— Идите спать, — сказал Кассиан, протягивая предупреждения. — Ничего серьёзного, если не решите сделать это традицией.

Мы забрали бумаги. Миэли пошла первой. Рейгар направился следом. Я уже проходила мимо Кассиана, когда он тихо спросил:

— Ты после ужина что-нибудь ела?

Я остановилась.

— Нет.

Он взял со стола яблоко и протянул мне. Я посмотрела на фрукт. Потом на него.

— Это попытка подкупа после выговора?

— Попытка не позволить первокурснице однажды потерять сознание между стеллажами.

Я забрала яблоко.

— Ты ужасно заботливый, когда никто не видит.

Из кресла донёсся голос Дрейка:

— Я вижу.

Кассиан, даже не оборачиваясь, показал ему средний палец. Я рассмеялась и ушла.

Утром, собираясь на тренировку, я неожиданно вспомнила это совершенно обычное яблоко раньше, чем вчерашний выговор. Почему — разбираться не стала.

К пятнице новый ритм Академии уже перестал ощущаться чужим. Я просыпалась до колокола, встречалась на площадке с Миэли и Рейгаром, потом мы шли завтракать. Общие занятия сменялись профильными, после обеда снова начинались лекции или тренировки, между ними я старалась хотя бы ненадолго увидеться с Ашем, вечером нас неизбежно затягивала библиотека или гостиная секции.

Больших приключений не происходило. И меня это неожиданно устраивало. Наверное, впервые за очень долгое время жизнь состояла преимущественно из обычных вещей: учёбы, еды, друзей, усталости, книг, полётов, бесконечных подколов с Кассианом и спокойных разговоров с Элианом.

Аш всё чаще ночевал в Долине, но иногда появлялся через окно уже глубокой ночью, устраивался на своей аметистовой подушке или на краю кровати и утром делал вид, будто именно так всё и планировал.

Связь укреплялась почти каждый день. Я могла находиться на лекции и чувствовать его далёкое присутствие, отдельные эмоции, короткие сенсорные отголоски, не отвлекаясь на них постоянно. При желании различала, близко он или далеко, спокоен или раздражён, отдыхает или активно движется. Сильные ощущения проходили всё яснее. Но границы тоже становились понятнее. Это не пугало. Наоборот.

Рукопашного боя я ждала всю неделю.

После обеда пятницы мы спустились в нижний тренировочный корпус Дарвена Крейга. Я ожидала обычный полигон. Получила огромный квадратный зал с высоким сводчатым потолком, стеной зачарованного стекла, выходящей на горный склон, и плотными серыми матами почти по всей площади. По краям стояли деревянные манекены, стойки с учебным оружием и несколько рунных устройств неизвестного назначения.

Дарвен ждал на широкой деревянной полосе перед матами. Босиком.

— Обувь оставляете здесь. На покрытие в сапогах не заходить. Мне всё равно, насколько дорогая у вас фамилия и насколько чистой кажется подошва.

Мы с Миэли устроились на лавке. Рейгар сел рядом. Я сняла сапоги, носки и осторожно ступила на мат. Поверхность слегка пружинила и хорошо держала стопу. Миэли несколько раз перенесла вес с пятки на носок.

— Хорошее покрытие.

— Ты сейчас оцениваешь его как целитель или как женщина, готовая падать?

— Как целитель, который представляет, сколько голов сегодня встретятся с полом.

Рейгар тоже проверил сцепление.

— Мягкое.

Я посмотрела на него.

— Потрясающе подробный анализ.

— Ты не спрашивала.

— И это тебя не остановило.

Дарвен хлопнул ладонью по деревянной стойке. Шестьдесят пять первокурсников постепенно заняли пространство вокруг матов. Чёрное, Багровое, Серебряное, Лазурное и Золотое Пламя перемешались. За неделю уже стало заметно, кто с кем успел сблизиться.

Селин я увидела почти сразу. Она стояла у дальней стены рядом с несколькими кадетами Багрового Пламени. Волосы были заплетены в тугую косу, тренировочная одежда сидела идеально, лицо сохраняло привычную спокойную сосредоточенность. Наши взгляды встретились. Она слегка склонила голову. Я ответила тем же и отвернулась. Тратить пятницу на её ненависть совершенно не хотелось.

Дарвен дождался тишины.

— На прошлой физической подготовке я уже увидел, насколько хорошо некоторые из вас умеют бегать, падать и обвинять в этом оборудование. Сегодня посмотрим, способны ли вы думать рядом с другими существами.

Миэли тихо сказала:

— Он про меня.

— Про половину курса.

Дарвен продолжил:

— Магию не используете вообще. Ни основную, ни дополнительный дар Великого зверя, ни усиление тела маной. Любая вспышка ауры — автоматическое поражение группы.

Кадет Золотого Пламени поднял руку.

— Оружие?

— Рукопашный бой называется так не потому, что древние авторы забыли упомянуть меч.

По залу прошёл смех.

— Теперь группы. По три существа: целитель, боевой маг и стихийник. Шестьдесят пять на три не делится, поэтому две позиции первого раунда останутся в резерве. Затем кадеты войдут в ротацию по профилю, чтобы к концу занятия все получили одинаковое количество схваток. Если подходящей тройки рядом нет — поднимаете руку, распределяю сам.

Я повернулась к Миэли. Она уже смотрела на меня. Обе почти одновременно перевели взгляд на Рейгара. Он выдохнул.

— Нет.

— Что «нет»? — спросила Миэли.

— Вы обе сейчас скажете, что искать никого не нужно.

Я указала на себя.

— Стихийник.

Миэли коснулась груди.

— Целитель.

Рейгар посмотрел на нас.

— Я знаю.

— Боевой маг найден, — закончила я.

Уголок его губ всё-таки дрогнул. Мы вышли ближе к центру вместе.

Дарвен помог нескольким кадетам собрать группы, полностью игнорируя недовольство тех, кто хотел остаться исключительно с друзьями.

— В настоящем бою вам не выдадут состав по принципу «мне приятно с ним разговаривать». Привыкайте работать с теми, кто есть. Сегодня кому-то повезло совместить дружбу и полезный набор профилей. Не воспринимайте это как устройство мироздания.

Я скосила взгляд на Рейгара.

— Он разрушил красивую теорию.

— Какую?

— Что мир специально сделал тебя боевым магом, чтобы нам не пришлось искать третьего.

Миэли серьёзно кивнула.

— Мне нравилась эта теория.

Рейгар посмотрел на потолок.

— Почему я?

— Потому что ты большой.

— Это снова не объяснение.

— Нам хватает.

Правила схваток оказались простыми только на первый взгляд. Трое против троих. Без магии и оружия. Победа — полное обездвиживание противников либо вывод двух существ за ограничивающую линию. Нельзя намеренно ломать суставы, бить в глаза и горло. Всё остальное разрешалось в пределах контроля.

— Ваша задача не показать, кто лучше дерётся в одиночку, — подчеркнул Дарвен. — Если один кадет уложит двоих противников, пока его собственные товарищи лежат на полу, я не впечатлюсь. Сегодня оценивается группа.

Первые тройки вышли на мат. Мы сели у края. Один из боевых магов Лазурного Пламени был явно сильнее остальных физически и сразу рванул вперёд, забыв про собственную группу. Он сбил стихийника противников, пошёл на второго, а за спиной его целитель уже оказался зажат между двумя существами.

— Ошибка, — тихо сказал Рейгар.

— Какая? — спросила Миэли.

— Слишком далеко ушёл. Открыл центр.

Я следила за девушкой справа.

— И вообще не видит бок. Она уже поняла.

Стихийница противника действительно обошла мужчину и не стала пытаться бороться силой. Просто толкнула в момент переноса веса. Он потерял равновесие и вылетел за линию.

Дарвен остановил бой.

— Почему проиграли?

Боевой маг явно собирался объяснить, что почти уложил двоих. Профессор посмотрел на него.

— Если ответ начинается со слова «я», садитесь сразу.

Мужчина закрыл рот. Его целительница сказала:

— Мы потеряли дистанцию между собой и перестали страховать друг друга.

— И?

Стихийник рядом добавил:

— Не договорились, кого защищаем в первую очередь.

Дарвен кивнул.

— Уже ближе.

Следующие бои мы смотрели внимательнее. Рейгар замечал положение ног и баланс. Я следила за плечами, глазами и тем, куда противник переносит внимание непосредственно перед атакой. Миэли первой видела тех, кто после удара начинал беречь сторону, менять дыхание или перегружать повреждённую конечность.

Одна тройка Серебряного Пламени работала особенно хорошо. Целительница держалась чуть дальше, но не пряталась, а двое других постоянно меняли позиции так, что попытка атаковать одного открывала противника второму.

— Хорошо, — сказала Миэли.

Рейгар кивнул.

— Они почти не говорят.

Я посмотрела внимательнее.

— Потому что используют сигналы. Боевой перед сменой направления касается бедра. Второй отвечает плечом.

Миэли прищурилась.

— Точно.

Дарвен после их победы отметил то же самое.

— Хорошая система, пока противник не успел её выучить. В реальном бою сигналы меняйте.

Я запомнила.

Следующая тройка слишком старательно прятала целителя за спинами двух высокорождённых. Противники быстро это заметили, обошли по краю и вытолкнули целителя за линию, пока оба защитника были заняты впереди.

Миэли тихо сказала:

— Если вы когда-нибудь попытаетесь убрать меня из боя таким же образом, я сама вас ударю.

Рейгар повернулся.

— Если противник физически сильнее, я закрою.

— Закрыть и спрятать меня — разные вещи.

— Знаю.

Она посмотрела подозрительно. Я вмешалась:

— Эли права. Ей нужно видеть поле. Но если на неё идёт кто-то размером с тебя, Рей, я тоже не стану смотреть, как она доказывает независимость лицом в мат.

— Предательница.

— Практичная женщина.

- А если на тебя?
- Я маленькая и быстрая.
- Рейгар спокойно сказал:
- Всё равно закрою, если потребуется.
- Я прищурилась.
- Только если действительно потребуется.
- Хорошо.

По его лицу невозможно было понять, согласился он или просто решил закончить спор. Наверное, второе.

Когда половина групп уже успела выступить, напряжение в теле стало почти приятным. Хотелось выйти. Проверить, насколько земной опыт будет работать в командной схватке против астериаров, привыкших к совсем другим школам рукопашного боя. Миэли тоже нервничала. Она несколько раз меняла положение ног и разминала пальцы.

- Я наклонилась ближе.
- Насколько хорошо дерёшься без оружия?
- Базово. В храмовом приюте учили самообороне, потом готовилась к Академии. Хорошего боевого мага один на один не выиграю.
- И не требуется.
- Она посмотрела на меня.
- Мы не по одному.
- Рейгар услышал.
- Не отдаём центр. Иллирис идёт вперёд, я держу среднюю дистанцию, Миэли не остаётся прямо за нами.

- Я подняла бровь.
- Почему я вперёд?
- Он посмотрел так, будто ответ совершенно очевиден.
- Потому что ты всё равно туда пойдёшь.
- Миэли улыбнулась.
- Хороший план.
- Возразить было сложно.
- Ладно. Но если напротив окажется кто-то с руками длиной с мои ноги, меняемся. Не собираюсь героически изображать табуретку против двухметрового бойца.
- Разумно, — сказал Рейгар.
- Я торжественно посмотрела на Миэли.
- Запомни этот день. Рейгар признал мой план разумным.
- Один пункт, — уточнил он.
- Не портить момент.

Дарвен назвал очередные группы. Не нас. Я снова посмотрела на бой и сразу заметила, как один мужчина заранее выдаёт правый удар плечом. Девушка напротив увидела то же самое и ушла раньше.

- Рейгар тихо сказал:
- Перед броском лучше смотреть на таз. Вес всё равно опускается раньше рук.
- Я проверила на следующем движении. Действительно.
- А ты смотри на глаза. Тот слева каждый раз переводит взгляд перед сменой цели.
- Через несколько секунд Рейгар коротко кивнул.
- Миэли вздохнула.
- А я смотрю на всех вас и думаю, сколько работы будет после занятия.
- Дарвен запретил ломать кости.
- Вы очень изобретательные.

— Это комплимент?

— Нет.

— Поздно.

На этот раз Дарвен бросил в нашу сторону взгляд, но дополнительного круга не назначил. Профессор опустил глаза к списку. Внутри мгновенно собралась знакомая тихая готовность. Разговоры отступили сами, тело начало считать расстояния раньше сознания.

— Следующие. Иллирис, Миэли, Рейгар.

Мы поднялись втроём. Я проверила собранные волосы. Миэли глубоко вдохнула. Рейгар одним движением расправил плечи.

Дарвен продолжил смотреть в список.

— Против вас... Селин Кайрвен.

Я остановилась на краю мата. Миэли едва заметно повернула голову. Рейгар не изменился внешне вообще, но всё его внимание мгновенно стало жёстче.

Дарвен назвал ещё двоих. Первым оказался стихийник Багрового Пламени — высокий парень, которого я несколько раз видела рядом с Селин на общих занятиях. Второй — целитель их секции, более худой и подвижный мужчина, с которым она почти не общалась вне лекций. Правила соблюдены. Состав не выглядел специально подобранной компанией друзей. Но Селин явно уже успела оценить обоих.

Они вышли на противоположную сторону. Она двигалась спокойно, как всегда. Никакой довольной улыбки или открытого раздражения. Золотисто-карие глаза встретились с моими и задержались чуть дольше обычного. Стихийник рядом с ней усмехнулся, оценивая Рейгара. Целитель держался внимательнее, сразу проверяя расстояние до ограничивающей линии.

Я шагнула на мат. Миэли встала слева. Рейгар — справа и немного позади, как мы договорились.

Дарвен оглядел обе группы.

— Никакой магии. Никакого оружия. Работают тело, голова и группа. Если личные симпатии или антипатии мешают соблюдать правила, можете выйти сейчас и получить ноль.

Селин мягко улыбнулась.

— Никаких проблем, профессор.

Я встретилась с ней взглядом.

— Абсолютно никаких.

Дарвен посмотрел сначала на неё, потом на меня. По лицу преподавателя было совершенно ясно, насколько мало он верит обеим. В этом мы с ним были согласны.

Я перенесла вес чуть ближе к носкам, чувствуя упругий мат под босыми ступнями. Слева Миэли незаметно согнула пальцы, готовясь к первому захвату, справа Рейгар дышал ровно и спокойно. Напротив, Селин уже начала смещаться, оставляя своему стихийнику больше пространства справа, а целитель осторожно уходил глубже.

Я увидела первое возможное движение. Не выбрала ответ заранее. Просто позволила телу ждать.

Дарвен поднял руку.

— Начали.

Глава 14

Иллирис

Рука Дарвена опустилась, и мир за пределами мата перестал существовать. Зал, первокурсники, приглушённый шёпот, шаги преподавателя — всё это отошло на второй план, оставив только упругую поверхность под босыми ступнями, ровное дыхание Рейгара справа и лёгкое движение Миэли слева.

Селин заняла центр своей группы, как и ожидалось. Боевой маг, она не боялась ближнего боя. Её стихийник держался левее, сохраняя пространство для манёвра, а целитель сместился вправо, ближе к линии. Специализация угадывалась в каждом движении: боевые маги жались к противнику, стихийники искали дистанцию, а хорошие целители знали, куда бить, чтобы было больше всего.

Я качнула кистью, напоминая Рейгару о плане. Он едва заметно изменил стойку. Миэли перенесла вес на носки. Неделя совместных утренних тренировок не сделала нас идеальной командой, но мы уже не мешали друг другу. Я знала, как далеко Рей может шагнуть назад, не задев меня плечом; Миэли больше не шарахалась, когда я резко меняла направление; а Рейгар каким-то образом всегда замечал, когда одна из нас собиралась сделать то, что он считал слишком рискованным.

Первым двинулся стихийник Багрового Пламени. Резко ушёл вправо, проверяя, сорвётся ли Рейгар следом. Тот даже не развернулся полностью — дождался, пока противник войдёт в дистанцию, и встретил удар предплечьем.

Почти одновременно Селин оказалась передо мной. Первый выпад был слишком прямым, чтобы быть настоящей атакой. Я подняла правую руку, и именно этого она добивалась: удар ногой пришёлся в бедро прежде, чем я успела вернуть локоть. Я повернула таз, принимая удар по касательной, но кожа вспыхнула болью. Селин уже меняла позицию.

Я ушла от следующего удара, позволила третьему пройти опасно близко к плечу и сама сократила дистанцию. Против длинных рук нельзя было оставаться там, где ими удобно пользоваться. Я проскользнула внутрь, поймала её запястье, вошла плечом под ключицу и зацепила ногу.

Селин не стала сопротивляться броску. Она пошла за движением, смещая центр тяжести так, чтобы мне пришлось выбирать между захватом и падением вместе с ней. Я отпустила. Мы разошлись на шаг.

— Примерно этого и ожидала, — выдохнула она.

— Невероятно. Ты умеешь признавать чужую подготовку.

Уголок её рта дрогнул, но ответить она не успела.

Слева послышался сдавленный смешок Миэли. Её противник попытался поймать её за предплечье, но она провернула кисть вдоль слабой части захвата, шагнула ближе и костяшками пальцев ударила чуть выше локтя. Целитель резко выдохнул и отдёргнул онемевшую руку.

— Прости, профессиональная деформация, — почти ласково сказала Миэли, уходя от ответного движения. — Я слишком хорошо знаю, куда нажимать неприятно.

Рейгар в этот момент удерживал стихийника, заставляя того постоянно менять опору. Он был сильнее и тяжелее, но не давил массой, а вынуждал противника двигаться, расходовать силы и не позволял увести себя от нас.

Первый настоящий командный момент родился почти случайно. Я увидела, как Рейгар направляет стихийника к центру, и поняла, куда тот отступит. Миэли заметила то же самое, но вместо отхода сама двинулась вперёд, вынуждая чужого целителя изменить направление и освобождая нужный участок. Я разорвала контакт с Селин раньше, чем она ожидала, и оказалась ровно там, куда собирался отступить стихийник.

Мужчина резко остановился. Рейгар поймал потерю равновесия плечом, Миэли добавила толчок в лопатку. Противник едва удержался внутри линии. Никого не вывели, никто не упал, но на короткое мгновение наши взгляды встретились, и стало ясно: мы впервые действительно сработали втроём.

Селин это заметила. Её команда перестроилась почти сразу. Она перестала привязываться ко мне и начала свободнее менять цели. Стихийник больше не пытался выманить Рейгара, а целитель поднялся ближе к центру. Их слаженность оказалась лучше, чем я предполагала.

Бой стал жёстче. Селин однажды сознательно вышла на Рейгара, проигрывая ему в силе, но заставив повернуться так, чтобы Миэли выпала из его поля зрения. Стихийник воспользовался моментом и пошёл на неё. Я успела вмешаться, поймав его руку, но он оказался быстрее, чем ожидалось. Вывернулся, захватил плечо и почти провёл бросок через бедро. Пришлось уйти вниз и перекатиться по ковру.

— Не задерживаться после падения, — бросил Дарвен с края.

Будто я собиралась полежать и подумать о жизни.

Через несколько секунд он уже поправлял Селин:

— Левая нога. Слишком явно грузите перед ударом.

Я слышала. Она тоже. На следующем сближении Селин нарочно повторила привычное движение бедра, но вместо атаки ногой вошла плечом, поймала мою руку и почти заставила встретиться лицом с ковром. Пришлось резко менять направление.

Когда снова разошлись, обе уже дышали тяжелее. На висках Селин блестел пот, тёмно-каштановая коса растрепалась, а в золотисто-карих глазах горел боевой азарт, который я слишком хорошо понимала. Хороший поединок на время стирал личную неприязнь: оставались только движение, дистанция, реакция и желание быть лучше хотя бы в следующую секунду.

— Ты действительно хорошо подготовлена, — сказала Селин, двигаясь вдоль моей дистанции. — Для девушки, выросшей в храме.

На этот раз подкол прозвучал почти без яда.

— Представь себе, там иногда учат не только красиво расставлять свечи.

Селин усмехнулась. Через секунду мы снова столкнулись.

Постепенно реплики исчезли. Рейгар короткими словами обозначал направление, я чаще отвечала жестом, а Миэли всё свободнее выбирала момент вмешательства. Именно её работа начала связывать наши движения. Она не могла сравниться с Рейгаром физически и уступала мне в скорости ближнего боя, зато лучше нас обоих видела состояние всей шестёрки. Когда я слишком далеко уходила за Селин, Миэли занимала промежуток между мной и Реєм; если Рейгар связывался со стихийником, она смещалась так, чтобы чужой целитель не получил свободный путь ему за спину. Иногда её вмешательство длилось меньше секунды — короткое касание, толчок, перехваченная рука, — но именно этих секунд хватало, чтобы мы восстановили структуру.

Селин первой поняла, насколько это важно. Её взгляд всё чаще задерживался на Миэли, и вскоре схема Багрового Пламени изменилась. Целитель начал постепенно вытеснять подругу к ограничивающей линии, стихийник удерживал Рейгара, а Селин постоянно создавала мне угрозу с другой стороны, заставляя выбирать между собственным боем и поддержкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.